

ГНОСТИЧЕСКИЕ
МИСТЕРИИ
ПЛОТСКОЙ
ЛЮБВИ

СОФИЯ ДИКЯЯ
И ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ
ХРИСТИАНСТВО

Тобиас ЧЕРТОН

Тобиас Чёртон

ГНОСТИЧЕСКИЕ
МИСТЕРИИ ПЛОТСКОЙ
ЛЮБВИ:

София Дикая и эзотерическое
христианство

Москва
2017

Тобиас Чёртон

**ГНОСТИЧЕСКИЕ МИСТЕРИИ ПЛОТСКОЙ ЛЮБВИ:
СОФИЯ ДИКАЯ И ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСТВО**

М.: Клуб Касталия. 2017. — 288 с.

Перевод: Шиана ЛАОР

Редактор: Екатерина САФОНОВА

Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА

Обложка: Ольга ИВАНОВА

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛУБ
«КАСТАЛИЯ»
ЮНГИАНСТВО. ОККУЛЬТИЗМ.
ТРАНСГРЕССИЯ.**

«Касталия» – это грандиозный культурный просветительский проект, не имеющий аналогов в информационном пространстве. Цель нашего проекта – дать вам знания. Знания в области глубинной психологии и серьезных оккультных традиций.

«КАСТАЛИЯ» – ЭТО:

- Постоянно издаваемые **НОВЫЕ КНИГИ**.
- **ЛЕКЦИИ И СЕМИНАРЫ**, которые проходят в Москве (еженедельно по пятницам), Санкт-Петербурге (дважды в месяц) и других городах, куда нас довольно часто приглашают.
- **САЙТ** с ежемесячно обновляющейся информацией из эксклюзивных переводов и авторских материалов. Большое количество ценной информации мы выкладываем в открытый доступ, то есть предоставляем совершенно бесплатно: это видеозаписи, книги и переводы книг, статьи и прочее. Поэтому, даже если у вас нет денег для участия в собраниях нашего клуба или приобретения всех изданных нами книг, очень многое вы можете почерпнуть совершенно бесплатно!
- **ВИРТУАЛЬНЫЙ ЛЕКТОРИЙ**, где вы можете получать уникальные видеолекции, посвященные юнгианской психологии, арканам таро, рунам, астрологии и другим духовным наукам. Находясь в любой точке мира, вы можете связаться с нашим координатором и заказать заинтересовавшие вас лекции и курсы.
- **ЛУЧШИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ**, готовые помочь вам пройти духовный кризис. Консультации психолога, таролога и астролога – тот спектр услуг, которые мы готовы вам предложить.

Наш проект – это, кроме того, **ЗНАК КАЧЕСТВА**. Сейчас, когда эзотерика в сознании даже образованных людей с трудом отличается от низкотерки, а «духовный эфир» заполонили лазареты, трехлебовы, ахистягины, торсуновы и прочие шарлатаны и мошенники, наш проект даёт уникальную возможность соприкоснуться с серьезными и аутентичными духовными и психологическими школами.

**КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, А ТАКЖЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ**

Содержание

ОТЗЫВЫ	6
БЛАГОДАРНОСТЬ	9
ВВЕДЕНИЕ. ГНОСТИЧЕСКАЯ КНИГА СЕКСА.....	11
ЧАСТЬ I. ГНОСТИКИ ПЛОТСКОЙ ЛЮБВИ.....	16
ГЛАВА 1. «ПОХОТЛИВЫЕ ГНОСТИКИ».....	17
ГЛАВА 2. ЕРЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ В РАЮ	51
ГЛАВА 3. КАК БЫТЬ СУПЕРМЕНОМ.....	65
ГЛАВА 4. ПОСЛЕ СИМОНА ХОТЬ ПОТОП.....	99
ГЛАВА 5. ГРЯЗНЫЕ ЛЮДИ.....	108
ГЛАВА 6. ТАНТРА — ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ	144
ГЛАВА 7. БУДЬ МОИМ ВАЛЕНТИНОМ	164
ГЛАВА 8. ВОПРОС СЕМЕНИ	165
ГЛАВА 9. ВАЛЕНТИНИАНСКИЙ БРАК.....	184
ГЛАВА 10. В ПОИСКАХ ТАЙН ПРУНИКОС И БАРБЕЛО — В АЛЕКСАНДРИЮ	194
ГЛАВА 11. ПОХОТЛИВАЯ.....	207
ЧАСТЬ II. ГНОСТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ И ДУХОВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.....	228
ГЛАВА 12. ВСЕ ЧТО ТЕБЕ НУЖНО — СОФИЯ	229
ГЛАВА 13. ЗОЛОТАЯ ЗАГАДКА.....	243

Тобиас Чёртон

ГНОСТИЧЕСКИЕ
МИСТЕРИИ ПЛОТСКОЙ
ЛЮБВИ:

София Дикая и эзотерическое
христианство

ОТЗЫВЫ

С книгой «Гностические Мистерии Плотской Любви» вы окажетесь в бешеном водовороте тайн скрытого еретического мира гностиков, средневековых трубадуров, видений Блейка и контркультуры 1960-х годов, объединённых в поиске единства с Богом. Читателю не стоит недооценивать неподражаемый стиль текста Тобиаса Чёртона — за его юмором и колкостями скрыто глубинное понимание величайшей мистерии всех времён — силы сексуального гнозиса.

ХЕНРИК БОГДАН, АДЪЮНКТ-ПРОФЕССОР
РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ, УНИВЕРСИТЕТ ГОТЕНБУРГА

В книге «Гностические Мистерии Секса» Тобиас Чёртон предпринимает попытку исцеления самой глубокой раны западной цивилизации — тысячелетнего развода сексуальности и духовности. В этой книге раскрыты опасные и предельно радикальные тайны пола, которые не удалось уничтожить церкви. Эти тайны многие века скрывались оккультным подпольем от церковного преследования, пыток и крестовых походов. И вот радикальный ультиматум гностиков, столь же жёсткий и критически важный сейчас, равно как и во втором веке нашей эры, заключающийся в том, что секс есть путь освобождения, внутренний рай.

ДЖЕЙСОН ЛУВ, АВТОР КНИГИ *GENERATION
HEX* И СОВАТОР *THEE PSYCHICK BIBLE*

Если вы считаете, что про секс уже давно всё сказано, вам следует прочесть эту книгу. Вопрос о том, как примирить плотскую любовь

и духовность давно волнует религиозные культуры, как востока, так и запада. Чёртон исследует подход гностиков к этой теме. Этот подход несёт на себе следы влияние розенкрейцеров, а также работ таких авторов как Эндрю Марвел и Уильям Блейк. Чёртон на основе этих идей демонстрирует читателю путь к блистательному синтезу плотского и духовного.

КРИСТОФЕР МАКИНТОШ, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ, ПОЧЁТНЫЙ СОТРУДНИК УНИВЕРСИТЕТА, А ТАКЖЕ ЛЕКТОР ПО ТЕМЕ ЗАПАДНОЙ ЭЗОТЕРИКИ В УНИВЕРСИТЕТЕ ЭКСЕТЕРА, АВТОР ТРУДА «РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ».

Тобиас Чёртон — один из лучших в мире знатоков того, что Блейк называл «исключённой» традицией. Чёртон объединяет глубокое знание западной эзотерики с обширной исследовательской работой, дабы расстелить перед читателем обширное и многогранное поле знаний, связанных с издревле скрываемыми мистериями гнозиса через плотскую любовь. Текст включает глубокий анализ и детальные комментарии на избранные священные и еретические тексты Елифана, Ипполита, Валентина, Блейка, Кроули и других. «Гностические мистерии плотской любви» — весьма обогащающая читателя книга, наполненная страстью, истиной, важными деталями и динамической исторической перспективой.

ДЖОН ЗОРН, МУЗЫКАНТ

Чёртон доносит это открытое и полное глубоких инсайтов учение в удивительно личном и живом повествовании. Наш современник, изучавший гностицизм, Иоан Коулиану сказал когда-то, что гностики были рекордсменами свободомыслия — утверждая свободу исследовать каждую логическую возможность сложного демиургического отпадения от Бога и природы. Нет ничего удивительного в том, что они изучали сексуальную метафизику и практики разного рода, вкуче с теми вопросами, которые ставят эти направления и тем знанием, которое они несут. Как отмечает Чёртон, «Новые небеса и новая

земля» — это результат утончения чувственного наслаждения. Так было раньше и есть сейчас».

СТЕФЕН КИНГ (SHIVA X°), ВЕЛИКИЙ
МАСТЕР, ОРДЕН ВОСТОЧНЫХ ТАМПИЕРОВ

Легкий для чтения и весьма богатый информацией, этот труд Чёртона занимает прочную позицию, объясняющую христианское учение о сексе, как реакцию на неканонические тексты. Согласно Чёртону, секс это «в сути своей поле битвы между ересью и ортодоксией». Думаю, что это может стать совершенно новой областью исследований.

Ванилла Бир, художница

«Эрудированный взгляд на великолепный вопрос. Весьма рекомендуемое чтение».

ДОНАЛЬД ТРЕКСЛЕР, ПЕРЕВОДЧИК РАБОТ
МАРИИ НАГЛОВСКОЙ

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я бы не смог пройти весь этот увлекательный путь в будущее — так или иначе, возможное — если бы не Йон Грэм, рецензент издательства Inner Traditions, великодушно предложивший мне написать книгу о «Похотливой» или «Ргуніkos» (правописание различается). Она — Девственная Шлюха и Богиня Мудрости, также известная среди гностиков под именем Барбело, согласно гностикам-сетианцам истинная Мать Иисуса и всех спасённых детей в «знании сердца». Это переросло в настоящую попытку исследования всей области сексуальных практик и эрософий, присущих первым великим гностическим учениям. Особое внимание было уделено последователям этих чрезвычайно смелых традиций, отвечающих на вопрос «в чём истинное значение плотской любви?». Если бы не Йон, этой книги бы не было.

Я бы также хотел поблагодарить за помощь и воодушевление Саманту Роддик, напомнившую мне о значимости гностической концепции андрогинности для современной сексуальной свободы, а также Жана Люка Эпстейна за его великодушие и заботу.

Попытки постичь мистерии Барбело дали мне счастливый шанс снова связаться с проницательным Дэвидом Тайбетом, на этот раз в его роли коптолога. Он очень ловко передал мои начальные попытки взломать этимологию слова Барбело коптологу и исследователю эзотерики профессору Дилану Бёрнсу в Университете Лейпцига и коллеге коптологу, профессору Хуго Луннхаугу с теологического факультета Университета Осло. Их вдумчивые критические замечания оказались очень полезны в выборе направления моего исследования. Они могут всё ещё не соглашаться с моими выводами, время покажет, но эти выводы наилучшим образом представлены и продуманы именно благодаря их великодушному ответу на запрос Дэвида от моего имени.

Я должен особо упомянуть Пола Бембриджа, моего коллегу в Университете Эксетера, на отделении Западной эзотерики. Его ответ

на мой вопрос, касавшийся «золотой загадки» Уильяма Блейка (как я её называю), был поистине потрясающим и дал сильнейший толчок к исследованию удивительного мира эзотерического символизма семнадцатого века, гораздо более глубокому, чем я ожидал. Спасибо, Пол!

Эта книга расширяет мою работу о гностиках, которая ведется уже более тридцати лет в разнообразных формах: эссе, книги, документальные фильмы, лекции, DVD, музыка и ряд сценариев к фильмам. За всё это время у меня накопилось масса великолепных воспоминаний о глубоких беседах с некоторыми величайшими из когда-либо живших исследователей этой темы. Я имею в виду Ханса Йонаса, Жюль Квиспела, Элен Пэйджелс, Джеймса Робинсона, Р. Маклахлена Уилсона, Кейтрил Рэйн, Николаса Годрик-Кларка, Фрэнка ван Ламуна и Кристофера Макинтоша.

В попытке заново осмыслить тайну, скрытую в понимании катаров и трубадуров, я с тёплыми чувствами вспоминаю беседы с такими людьми как Йоост Ритман, Эстер Ритман, Жерар Зучетто, Анн Бренон, Майкл Рокберт, Р.И. Мур, Колумба Пауэлл и Хайнц Райнхоффер. И я искренне благодарен Саше Чайтов за скорый ответ на мои изыскания о чуде, которым была Жозефин Пеладан.

Эта книга действительно о тайном смысле любви, поэтому я посвящаю её своей супруге Джоанне и дочери Меровэ Софии, поскольку как бы много я ни написал, я никогда не найду слов чтобы выразить, что вы для меня значите.

ГНОСТИЧЕСКАЯ КНИГА СЕКСА

О Боооооже! Только не ещё одна книга о сексе! Древнейшая на свете игра и ещё один виток на старой, потрёпанной годами нити? Снова здесь это? Знаете ли, я должен со всей ответственностью заявить — нет. Сказав так, я должен всё же признаться в том, что разделяю ожидания многих из тех, кто, увидев подобного рода обложку, сочтёт это просто очередным гидом по сексу, без которых нам всем и так неплохо живётся. Знаете, типа «Домашняя Тантра для Неверующих» или «Высшие Тайны Святого Секса». Не приведи Господь!

Давайте признаем, у большинства из нас есть какие-то проблемы с сексом где-то на каком-то уровне: будь то количество, качество, культурное наследие, неспособность или что-либо ещё, но мы не можем с честностью сказать, что вся эта тьма гидов по сексу хоть сколько-нибудь помогла нам. Даже порно-картинки уже не вызывают такого резонанса, как было в 1970-х. Опыт, с другой стороны, учитель, но цены у него порой излишне высоки. Что касается цены мудрости, в отличие от современного цунами порнографии в интернете, цена мудрости выше всяких оценок и приходит он, в отличие от того, чему можно назначить цену, совсем из другой области.

В общем, это не ЧАВО или самоучитель «Попробуйте дома с партнёром». Это — книга для таких как я, желающих понять и сблизиться с аутентичными сексуальными практиками и доктринами гностического движения к духовной революции.

CONFESSIO CHURTONATIS

Я написал немало книг по гностической традиции за последние тридцать лет. Но я должен сказать, что существует особая область, от которой я, как и многие другие учёные, отворачивался или, страшно

даже сказать — я занижал её значимость. Эта область порой называлась «радикальным гностицизмом». В каком-то роде это позорно, поскольку неоспоримо то, что в радикальном гностицизме есть много всего интереснейшего, притом заставляющего крепко призадуматься.

О чём это я говорю?

Затронув тут на секундочку потрёпанный и редко полезный термин «гностицизм», я говорю о разрозненных группах христианских верующих, которые со второго века нашей эры придерживались доктрин, распространяемых рядом учителей, имевших, при наличии некоего общего ядра, следующее видение жизни: человеческая душа выброшена в тёмный мир, управляемый тёмными силами. Этот духовно тёмный мир — наш мир. Уход из этого фатального мира требует тайного знания. В современных понятиях, само пребывание человечества в этом мире являет собой боль бытийного кризиса — для тех, кто видит это, или начинает это видеть так.

Если Царство Иисуса «не от мира сего» (Иоанн 18:36), можно ли то же самое сказать о человечестве?

На месте ли наше истинное бытие в том мире, к которому должны приспособливаться мужчины и женщины? В мире природы, которая в большей части оказывается индифферентна к нашему присутствию. Однако этот мир остаётся крайне привлекательным, а мы к нему привязаны, без всяких шансов на освобождение, тысячами и тысячами узлов, или цепей, не меньшей из которых является сексуальное желание и бесконечный цикл рождения и смерти.

Радикальные гностические христиане не верили, что старозаветный или новозаветный Всемогущий Бог управлял космосом, частью которого мы являемся. Они считали, что видимый мир отпал от высочайшего Господа. В отличие от небес, мир-космос работает по правилам «рабочего» бога, «Демииурга», создавшего вселенную при нехватке средств, воруя или перевирая идеи из высших реальностей. Духовной же природой этого надменного Архиэгоиста была нетерпимость. Властью этого создателя, соответственно, являлось Эго Вселенной, его плотский разум, Большое «АЗЪ ЕСМЬ» — не понимающего духовное величие вне своих пределов, способное только превращать двойственную гармонию в постоянное противоборство.

Одно из имён, которые гностики дали этому персонажу было Саклас, что значит «Дурак», в смысле трагикомического театрального персонажа, олицетворяющий собой Бытие вне него и его

осмысление. Как человек, идентифицирующий свою душу со своим эго, он постоянно мешается на пути. Вероятно, именно так смотрели изгнанные евреи на обожествлённого императора Адриана, после того, как живой бог сравнял с землёй Храмовую гору и запретил евреям входить в Иерусалим, вслед за опустошительным восстанием Бар Кохбы (135 год н. э.). После этого, судя по всему, начали появляться основные александрийские и римские гностические секты.

«Гностики Барбело», «Сетианцы», «Офиты», «Борбориты», «Валентинианцы», «Маркозиане», «Наассены», «Симониане», «Гарпократиане», среди прочих имён, производных от имён их учителей и уничижительных форм (так их называли их противники), страдали от разных версий понимания фундаментального и жутко неприятного отпадения от Бога и природы. Вдобавок, их обвиняли в постыдном — то есть в «развратных» практиках. В них взрослые практиковали плотскую любовь и потребление сексуальных флюидов в ходе псевдорелигиозной церемонии. Всё это сопровождалось магическими ритуалами, тайными опознавательными знаками и неопределённой палитрой фармакологических приправ для достижения экстатических состояний.

Не знаю, что именно, безгливость ли, скептицизм или впитанная в кровь стыдливость, но что-то заставляло меня избегать изучения этого измерения гностического опыта, находящегося «на выселках» всей концепции. Была ещё одна причина, чтобы подчёркивать сугубо философскую и чисто духовную точку зрения, присущую гностической традиции, даже несмотря на многие враждебные сообщения об экстремальных или любопытных практиках многих «еретических» групп поздней античности. Представляя гностиков широкой публике, высвобождая их историю из монастыря глубоко академических штудий, требовалось существенно почистить накопившуюся историческую клевету.

С незапамятных времён, Католическая и Протестантская Церкви отвергали гностические традиции как опасные ереси. Ныне вопрос отброшен как пережиток глубокого прошлого, тратить время на который не имеет смысла. В 2006 году, например, когда было впервые опубликовано сетианское гностическое Евангелие от Иуды, Рован Уильямс, архиепископ Кентерберийский, Примаас Англии, отверг гностицизм как «экзотику», не имеющую никакой значимости для «реальных вопросов» мировой веры. В результате такого нервозного

и агрессивного отношения, я часто обращался к вопросу, могут ли эти древние традиции дать нам что-то сегодня? Если да, то что? Знали ли гностики что-то, что мы потеряли из виду в нашей полностью материалистической культуре? В нашей стальной культуре, в которой религия в большей части в разводе с натурфилософией (наукой), подвержена течениям народной этики и «субъективного» идеализма — что привело к тому, что духовность стала нежелательным гостем, отвергнутым и часто презираемым западными медиа-кутилами мейн-стримной направленности.

Говоря о новой роли гностической традиции в современном мире, прежде всего, необходимо было заново определить обсуждаемые понятия. Это позволило бы освободить гностическую традицию из укрепленных траншей теологов, беспокоящихся (сознательно или как бы то ни было иначе) о благополучии своих исторических владык и современных боссов. Я убежден в том, что гностическая традиция имеет и глобальную, и индивидуальную, а не только экклезиастическую ценность.

В отличие от ортодоксальных структур трёх так называемых мировых религий — иудаизма, христианства и ислама — гностический опыт не опирается только на веру. Будучи основанным на опытном знании, гнозис может стать мостом между наукой и религиозными верованиями. Понимаемый в таком ключе, гностический опыт может принести гармонию туда, где сейчас лишь вражда и страх.

Одна из областей, где вражда и страх проявлены наиболее всего в наиболее ортодоксальных религиозных кругах это идея о связи духовности и сексуальности. Бог никак не рассматривается как «сексуальный» среди провозвестников ярко маскулинного, но полностью асексуального Бога. Мысль о смешении секса с поклонением Богу предана анафеме в современных мировых религиях — это же поистине кошмар для тех, кто с подозрительностью относится к женской сексуальности. Не являются ли женщины соблазнительницами и осквернительницами мужской чистоты?

Любая идея эротической любви по отношению к Богу табуирована на корню. При этом история свидетельствует, что такая связь была ключевым идеологическим элементом среди верующих гностиков. Учитывая табуированность этой связи, мы нисколько не удивимся, узнав, что как только о такой связи становилось известно, она тут же отвергалась всеми основными религиозными лидерами

главного направления как фундаментальное извращение, язычество, порнография, блуд, сатанизм и греховность. Голландский учёный Вутер Ханegraaf делает замечание, заставляющее глубоко задуматься: ортодоксия всегда положительно смотрела на любовную связь мужчины и Бога мужского пола, однако, когда появлялся намёк на отношения с женской божественной фигурой, за этим сразу же следовало обвинение в ереси. Столь вызывающая картина разгорается ещё более яркими красками, стоит нам подумать о католическом взгляде на (чистую и асексуальную) Деву Марию. Чья сперма втекла в утробу Девственницы?

Современные учёные были не готовы молча принять снятие клейма бесчестия с эротической религии, с сексуальной духовности или одухотворённой сексуальности. Долгий опыт работы с гностическими верованиями привёл меня к необходимости поделиться недоверием к историям, рассказываемым церковными верхами об аморальных сексуальных практиках, — историям, нацеленным дискредитировать то, что один из ранних отцов церкви, Ириней (порядка 180 года от р.х.) называл «гнозисом [знанием], ложно так называемым».

Требуется понять, заслуживают ли доверия свидетельства, собранные против гнозиса, в особенности это касается областей, где символизм легко неправильно понять, где знаки переводятся по-разному для людей разного уровня понимания и опыта. Несмотря на то, что современные исследователи, изучавшие оригинальные обвинения против носителей гнозиса, редко игнорируют недоброжелательные сообщения обо всей совокупности гностических практик, они всё же пришли к выводу, что неправильно сходу занимать однобокую целиком обличительную позицию. Если за этими историями есть правда, нам следует её раскопать.

Я искренне надеюсь, что приключение, в которое я приглашаю читателя, будет для него не просто нудным погружением в то, кто такие «похотливые гностики». Я хочу надеяться, что оно станет для читателя верным путеводителем, который позволит ему вернуть сексуальность из позиции в клоаке нашей современной жизни к её роли врат в Новый Иерусалим.

Часть I

ГНОСТИКИ
ПЛОТСКОЙ
ЛЮБВИ

«ПОХОТЛИВЫЕ ГНОСТИКИ»

Веками информация о гностиках поздней античности доходила до нас из рук их оппонентов, отцов церкви. Они сделали всё, что можно, чтобы дискредитировать гностическое движение, и вплоть до времени выхода в 1700 году во Франкфурте издания Готтфрида Арнольда «Беспристрастная история церкви и ереси» (*Unparteyische Kirche und Ketzer historie*) ни одному теологу нечего было сказать хорошего о предполагаемых еретиках. Готтфрид Арнольд (1666—1714) сам поклонялся женскому образу божественной Софии («Мудрости»), проводил параллель между валентинианскими гностиками второго века и последователями духовного гения Якоба Бёме (1575—1624) и розенкрейцерами его собственных времён, и считал, что еретики принадлежат церкви Христовой. Что было между ними общего, так это личное духовное самопосвящение Софии, зеркалу Бога. Однако прежде чем библиисты поняли, что они всё же обязаны принять во внимание точку зрения самих гностиков, прошло ещё два столетия. Необходимость в этом появилась в связи с появлением аутентичных гностических текстов.

К привезённой из Египта в Лондон в 1774 году путешественником Джеймсом Брюсом (1730—1794) гностической Книге Иеу («Кодекс Брюса») в коллекции Британского Музея в 1794 году добавился коптский Кодекс Эскью. Он содержал гностический труд «Пистис София» («Вера Софии» или Вера-Мудрость). Покуда интерес к этим работам был в основном ограничен узкопрофильными специалистами и теософскими кругами, обнаружение в 1945 году Библиотеки Наг-Хаммади донесло феномен гностицизма до более широкой публики. Появление Гностических Евангелий (опубликованных под покровительством профессора Джеймса Робинсона, и популяризированных Элейн Пейджелс, моими текстами и трудами других авторов) инициировало процесс активной ассимиляции, который продолжается и сейчас. Есть что-то в этих гностиках, что многим нравится.

Всё это повлияло на наше понимание не только корней христианства, но и на наше чувство того, чем является и должна быть религия. Безусловно, однобокая оценка гностиков отцами церкви отжила своё и не нужна в новом корпусе знаний, развивающемся в духе объективных исследований, свободных от долгов перед мытарями от теологических штудий. Ваш покорный слуга, кажется, первый профессиональный теолог, особо беспокоящийся о том, чтобы не оказаться, прямо или косвенно, на финансовом крючке какой бы то ни было религиозной организации, (включая церковное финансирование академических учреждений или постов). Изучение гностицизма требует как независимости мысли, так и чувства юмора.

Не удивительно в результате то, что большинство учёных в наши дни стараются усомниться в выводах ересиологов, которые писали против еретиков. Это сомнение частично исходит из того факта, что у нас теперь есть в распоряжении фрагменты аутентичных мнений гностиков. В таких исследованиях мы выяснили, что сами аутентичные свидетельства в основном не дают почвы для многих из антигностических обвинений, в частности, это касается обвинений в сексуальной распушенности. Нам не удаётся найти высоколибидных гностиков в текстах Наг-Хаммади. На деле, многие оригинальные документы скорее тяготеют к антисексуальному «энкратизму» в своей ориентации или влияниях поддерживающему теологическую позицию, более благосклонную к монахам, пытающимся жить отдельными общинами. То есть далеки от греха прелюбодеяния... Многие гностические авторы в абсолютно определённых выражениях проявляли отвращение и ужас к способности потребностей тела превалировать над зовом Духа Святого к жизни в мире ином. «Книга Фомы Атлета» в этом плане является особо ярким примером. «Пробудившийся», «знающий себя» это тот, кто вышел из плоти и оставил мир грязи. Плотская любовь для Фомы омерзительна.

Для многих гностиков материальное тело это не достойный почестей инструмент духовного экстаза, а могила души. И они выражаются резко против него. Для этих гностиков плоть — субъект презрения. Посредством плоти «бог этого мира» установил своё владычество над волей духа.

Безусловно, можно было бы сделать встречное утверждение, что такое отношение к плоти с лёгкостью могло бы привести к безразличию ко всему, что происходит с телом. Слово экстаз, в конце концов, обозначает «бытие вовне себя», подразумевающее внетелесный опыт, снятие

оков плоти, возвышение, пусть лишь на мгновение, в духе радостной экзальтации и чрезвычайного удовольствия, состояния «за пределами удовольствия» и физических чувств. «Аморальное безразличие к плоти» было постоянным обвинением в адрес еретиков, поскольку еретикам было всё равно, что они делают со своим телом: телесная жизнь считалась фундаментально нереальной («прах к праху») с духовной точки зрения. Это острое различие между плотью и духом объясняет, почему гностиков часто, к вящей путанице, описывали как «дуалистов» — это не путаница, о чём я расскажу чуть позже. Суть, скрывающаяся за различием, довольно проста: высший Бог творит вечное, тогда как плоть, как дерево без сока, гниёт. И как нечто находящееся в процессе разложения, оно не может быть как-либо интересно вечности: плоть лишь временный постой для души, не её родной дом. Плоть — это мякина, которую следует отбросить и уничтожить: смертельно опасно душе быть привязанной к плоти. Когда «Слово стало плотью, и обитало с нами» в 1-й главе Евангелия от Иоанна, это был чистый акт снисхождения, а «слово» (логос) превосходит порочность мира плоти, абсолютно превосходя плоть, полностью исполняя «волю Отца». Христианину следует опираться на духовное «слово», а не на плоть, ибо плоть наследует многое лишь в этом мире, а царство Иисуса не от мира сего.

Радикальный учитель Карпократ (начало-середина второго столетия от р. х.), живший в Александрии, последователь симонианского гнозиса, приписываемого самаритянскому Симону Магу и его предполагаемым последователям (Менандру, Доситею, Керинфу и Сатурнилу) — обвинялся в безразличии к плоти особенно сильно. Карпократ считал, что гностический христианин — «над законом» в духе, поэтому, 1) что делает тело («под») не касалось духа никак и 2) следует практиковать распутство как средство выражения презрения к богу закона и его плотскому царству. Своего рода прогрессивное «спасение через грех». Этот базовый подход к поведению иногда называется «антиномианским», то есть «против закона». Это в сути своей тантрический принцип, напоминающий нам о герое тантрике, который (в определённых случаях и для своих особых целей) нарушает общепринятые нормы для расширения сознания и усиления способности управления бытием.

Приведём мнение Иринья, (а также более позднего епископа Епифаний из Саламиса (4 век от р. х.), также противника гностиков).

Согласно их свидетельствам, Карпократ считал, что если душа, будучи неопытна наверху, не испытывала притягивающих её к низу искушений, она не сможет доказать своё владение плотью и, ошибившись, будет вынуждена воплотиться снова, постоянно возвращаясь в острые клыки Демиурга и его смертную вселенную. Этот постоянный цикл возвращений, схожий в сути с аналогичными явлениями в буддизме и близких к нему системах, происходит потому, что душа была недостаточно одухотворена, дабы превзойти приманки этого мира.

Будучи до определённой степени психологом, Карпократ не разделял мнения прогибционистов о том, что следует превосходить риски, просто их не допуская или избегая оных. Карпократ считал, что такое поведение только добавляет соблазнам привлекательности, позволяя похоти и искушениям наращивать своё неосознаваемое разлагающее воздействие, которое легко скрывается от внешнего мира, но духовно унижительно и лишь мешает на пути. Подавленная страсть приводит к одержимости. Освобождение от одержимости может включать в себя, по иронии, сценарии, которые обычно вызывали бы отвращение. Возвращение к обычному состоянию сознания, когда вызывавший вожделение фактор смывается почти что в прямом смысле, может заставить увидеть пустоту и незначительность объекта предшествующего вожделения. Практик должен пережить скрытую уловку и сознательно избавиться от одержимости. Эта теория до сих пор используется на практике. О ней часто говорили в ходе дебатов о порнографии в 1970/1980-х годах: как утверждалось, запретное восхитительно только пока объект восхищения запрещен. Снимите запрет, и появится возможность свободного выбора со вполне «взрослой» объективностью и пониманием себя. Ошибочность этой теории в том, что восхищение может продолжиться, возможно, в более иронично-отстранённой форме, порождая внутреннюю нерешительность, которая может стать нестерпимой. Карпократ мог обвинять «творца мира», как мы сегодня можем приписать сомнительное поведение «природе». Несколько подрабравшись в евангелиях, карпократиане пришли к выводу, что лицемерие «грязнее» разврата. «Не покрывайте свои пороки словами добродетели», как выразил защитник антиномии Алистер Кроули свою ироничную и декадентскую схему «спасения через грех».

Согласно этой контркультурной теории, запреты со стороны морали или закона в основе своей суть факторы внешние и необоснованные,

и применяются без учёта личного духовного благополучия. Именно поэтому Карпократ считал, что суждения о хорошем и плохом — суть просто мнения, построенные на недостаточной информации, а то и вообще бесосновательные. Он считал такие суждения состоянием сознания познающего: интересен был только наивысший результат. Что-то ценно только тогда, когда оно может помочь обожествлению. Как говорил Уильям Блейк, «Если глупец будет упорствовать в своей глупости, он станет мудрым». Так что это был не только вопрос духовного безразличия к плоти. Безразличие тут ещё надо доказать; примерно как начать курить, чтобы достичь мастерства бросать курить по желанию. Карпократ подписал духовную верительную грамоту распутству.

Говоря в своём учении, что простой страх плотского не является базой духовной и моральной победы, Карпократ призывает проявлять неуважение в наивысшей мере к обычной морали (закону), превосходя страх греха, страх прельщения. Гипотетически, освобождённый дух мог бы потом демонстрировать истинную свободу от мира, повелевая ангелами и демонами (то есть, управляя своей жизнью и сознанием): это лучше, нежели съёживаться от страха перед грехами, под прикрытием чопорного благочестия или самодовольства. Иисус простил грешника, а не самодовольного. Он посмотрел на презренную проститутку и сборщика податей и возлюбил их из-за той их части, о которой они не знали.

При всей своей глубине, такая антиномийная точка зрения, являвшаяся особенностью именно карпократических гностиков, фактически полностью отсутствует в текстах Наг-Хаммади. Последние ныне считаются чем-то вроде сборника гностической ортодоксии — однозначно сбивающая с толку ситуация, поскольку у гностиков были свои секреты, доступные только тем, кто мог их понять.

Помимо всего, развратное поведение, приписываемое карпократянам, похоже, было присуще христианской группе, заслужившей порицание Св. Павла в середине первого века нашей эры. Антиномизм не обязательно является чертой, присущей гностикам. Павел сломал себе голову в теологических попытках объяснить своим обращённым, что хоть «неверующие» и не находятся под «проклятием [еврейского] закона», это не значит, что им надо «грешить», чтобы испытать «благодать» (Послание к Римлянам, 6). Павел сказал также, что тех, кто освобождён Христом от уз закона, должна вести

безличная любовь, и многие гностики основали свою веру на этом. Интересно, сколько евреев приняли предписания Павла для «неверующих» о новом завете с Богом без закона?

Вопрос не только в несовместимости аутентичной гностической литературы с враждебной картиной, рисуемой ортодоксальными критиками. Агрессивные сообщения о предполагаемых еретических практиках часто лишены внутренней последовательности и аккуратности, и зачастую, хотя и не всегда, показывают отсутствие желания добиваться правды, касательно слухов о девиантном поведении, неподконтрольном епископату. Цель трудов ересиологов — отвлечь интересующегося от еретиков, дать сомневающемуся добрый совет и заставить их чувствовать благодарность за то, что существует хорошая, безопасная, проверенная и доверенная, социально принятая и морально пристойная, одобренная апостолами альтернатива. Даже там, где производились какие-то попытки интерпретировать гностический символизм (например, Ириней много работал в этом направлении) его всегда оценивали с циничных, порой превращающих всё в комедию позиций.

Ересиолог Ириней, епископ Лионский, в своём тексте от 180 от р. х. приложил все усилия, чтобы описать носителей гнозиса как простых сумасшедших, зная, что никому не нравится, когда к ним относятся как к дуракам. Насмешки были более эффективным инструментом гонений, нежели только теология. Тем не менее, Ириней детально передал свои теологические возражения против гностической мысли и практик.

Поскольку считалось, что гностики искажали ортодоксальное (правильное) Евангелие своим чрезвычайно циничным отношением к миру и его Создателю, их сексуальные практики оценивались только через обсуждение особо извращённых деталей, будораживших нервы людям, привычным к ортодоксальным церковным нормам морали. Эти (согласно мнению оппонентов) самоуверенные, извращённые и свращающие других люди были неотёсанными бандитами, оскорблявшими достойную религию, используя христианскую терминологию для оправдания своих страстей, лени и фантазий об использовании женского идола (в частности), ведя невинные христианские души к тому, что Ириней называл «бездной сумасшествия и богохульства». Ценой было не только здравомыслие, но и само спасение.

К счастью, нам не требуется принимать чью-то сторону, особенно там, где по современным стандартам, доказательства недостаточны

для формирования чёткого суждения об этом примечательно сложном и весьма многогранном вопросе. Наша способность оценивать всю эту ситуацию ограничена тем, что мы всё ещё чувствуем отголоски почти двух тысячелетий враждебности и гонений на гностическую традицию. Насколько значимой была такая политика безоговорочного обвинения и насколько часто образ сексуальных излишеств использовался как главное оружие пропаганды, можно понять из работ двух замечательных людей, которые, кстати, не были рукоположенными служителями церкви. Оба писали спустя почти тысячу лет после расцвета христианского гностицизма.

ВЕЛИКИЕ МОНСТРЫ ЕРЕСИ

Первый пример находим в редкой книге великолепного немецкого мага, теолога, правоведа и философа Генриха Корнелия Агриппы (1486—1535) «О суетности и неопределённости искусств и наук», опубликованной на английском языке в 1569 году. Считается, что полное скепсиса исследование существующего знания было создано Агриппой не столько с целью отстаивать лютеранский подход к чисто христианским евангельским свидетельствам, но и чтобы избежать цензуры, которая могла посчитать его опасным чёрным магом (он был автором труда «Три книги оккультной философии»). В 47 главе он характеризует как «суету» еврейскую мистическую традицию, известную как Каббала (Kabbalah), которую он называет «Cabala» («кабала»):

Из кучи кабалистических предрассудков появились [я предполагаю] офиты, гностики, еретики Валентина, последний из которых вместе с учениками изобрёл некую греческую кабалу, перевернув с ног на голову все таинства христианской веры, в еретическом грехе приписывая их греческим буквам и цифрам, создали из них тело, как они говорят истины, говоря, что без этих мистерий букв и цифр истина Евангелия не может быть открыта, поскольку она столь обширна и в некоторых местах противоречива, будучи записанной иносказаниями, так что смотрящий на них их не видит, а те, кто слушают — не слышат, а те, кто пытаются понять — не понимают, но дабы преподнести слепым и незнающим, согласно мере их слепоты и заблуждения: и что лишь чистая истина скрытая под ними считается

совершенной, не в написании, но в последовательном произношении живым голосом, и что это та алфавитная и арифмомантическая божественность, которую Христос тайно открыл Апостолам: и о которой Павел говорит, что он произносит лишь среди совершеннейших мужей.

Ибо поскольку это суть очень высокие мистерии, они поэтому не были записаны и неписаны, но тайно отыскиваются мудрыми мужами, хранящими их в умах. И среди них никто не считается мудрым, но лишь способным породить весьма великих монстров ереси.

Следует отметить, что хотя Агриппа словно бы нападает на еврейскую каббалу как на источник ереси (не слышно ли потрескивания огня на посохе инквизитора?), он всё же говорит о том, что понимание доступно лишь духовно просвещённым, покрывая эту точку зрения в полностью противоположном по смыслу высказывании — в истинно каббалистической манере! Всё зависит от того, как читать. Весьма умная и политически ловкая текстуальная двойственность встречается нам и далее, в главе 48 «О плутовстве», посвящённой в целом магии, которая предшествует, отметьте, весьма агрессивная глава о тщетности, жестокости, лживости и извращённой невоздержанности католической Инквизиции.

Из Магов также пророс в Церкви великий корень еретиков, которые как Иамнес и Мамбрес¹ взбунтовались против Моисея, противясь апостольской истине: их главой был Симон Самаритянин [Симон Маг], который за это искусство удостоился образа, возведённого в Риме во времена Цезаря Клавдия со следующей подписью, Симону, святому БОГУ. Его богохульства во множестве описаны Клементом [Александрийским], Евсевием и Иринеем. От этого Симона как из рассадника всех ересей пошли многими ветвями ужасные офиты, развратные гностики, злые валентиниане,

¹ Египетские волшебники, которые, согласно «Павлу» в апокрифических Страстях Святых Апостолов Петра и Павла, привели фараона к гибели; упомянуты в II Тимофею 3: 8 как «Янес» и «Ямбрес».

кердониане, маркиониты, монтиане и многие иные еретики, вообще жаждавшие славы, произнося ложь против Бога, стремясь не к благу человеков, но ведя их во прах и разрушение, и те, кто считал, что на них не падёт суд Божий.

Эта «картина маслом» изображает еретиков монстрами, злыми и развратными, дополняя образ сексуальными и оргиастическими излишествами. Агриппа завершает главу признанием в том, что его первоначальные «Три книги оккультной философии» (позднее он их переработал) были написаны упрямым и любопытным юнцом, и от своих взглядов он впоследствии полностью отказался, чтобы остальные не последовали за Симоном Магом, Иамнесом и Мамбресом «в боль бесконечного пламени». Подобные адские наказания вдохновляли инквизиторские «акты веры», налагавшиеся на еретиков прежде судебного одобрения гражданскими властями сожжения.

Теперь оставим ведущего мага-протестанта и перейдём к величайшему учёному-протестанту семнадцатого века. Живя в Англии при реформированной Англиканской Церкви, не опасаясь благодаря этому католической Инквизиции, Исаак Ньютон (1649–1727) мог более-менее свободно публиковать свои теологические изыскания.

Может показаться удивительным, что этот отец современной науки посвящал больше времени изучению библейского пророчества, нежели математике гравитации, но это именно так: Ньютон считал изначальную религию изначальной наукой и наоборот, и занимался восстановлением обеих как единого целого. По мнению Ньютона, наука должна открыть божественное величие в его строгой чистоте и показать божественную алхимию природы Творца, которая будет обладать понятными законами и математической гармонией. Ньютон считал, что изначальная истина в ходе истории была искажена, а Библия предоставляет обширные свидетельства того, как это происходило. Хотя Ньютон и считал, что Иисус пришёл, чтобы восстановить знание об «истинном Храме Божием», даже его работы клеймились католической и православной церквями как «впитавшие ересь».

В главе 13 ньютоновского труда «Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна. В двух частях» (1733) описывается пророчество Даниила о короле, который возвеличится выше всякого божества, воздавая честь «магуззимам» (это слово Ньютон использует, говоря о душах умерших, то есть, о святых) и не будет

уважать желание женщин. Это пророчество свершилось с распространением энкратизма в церкви, при поддержке императоров (царей пророчества), особенно после III века от р.х.. Эти недостатки проявлялись в только нарождавшемся духовенстве, в почитании святых и глубокой подозрительности к порядку вещей. Энкратит придерживался религиозной позиции, состоящей в самоконтроле и практике воздержания во всех вопросах, связанных с сексуальной сферой.

Весьма впечатляет, как Исаак Ньютон нападает на гностиков. Но напал он на них не за предполагаемую распущенность, а по противоположной причине. По мнению Ньютона, энкратизм, отрицающий всё плотское, заставлял своих приверженцев нести «монашеские предрассудки».

Действительно, секта энкратитов, возникшая под влиянием учения гностиков, распространявшаяся в конце второго века Тацианом и Монтаном, которые церквями второго и третьего века были осуждены и признаны за еретиков, — в 4-м столетии захватила все восточные церкви и в конце этого века начала проникать и в западные. С тех пор христианские церкви, имея лишь внешние формы набожности, но отрицаясь от духа истинной веры, подпали под власть энкратитов; язычники же, которые в 4-м веке начали в большом числе переходить в христианство, относились к этому виду христианства, весьма родному их прежним суевериям, с великим расположением. Верованиями же отрицавших монастыри искренних христиан, руководившихся в течение первых трех веков светочами семи азийских церквей, они пренебрегали.²

Ньютон исследовал пророчества Иоанна Богослова, касающиеся Антихриста и нашёл своих «Антихристов» среди гностиков:

Отступничество возникло среди учеников Симона Волхва, Менандра, Карпократа, Керинфа, вообще же среди тех,

² Перевод приведён по изданию «Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис Св. Иоанна» (ПЕТРОГРАДЪ Изданіе Т-ва А. С. Суворина-«Новое Врѣмя» 1915).

которые были пропитаны метафизической философией язычников и учением Евреев-каббалистов, — почему они и получили название гностиков. Иоанн называет их антихристами, говоря, что в те времена антихристов было много.

С точки зрения Ньютона, движение, приведшее к превосходству восточных и западных монашеских церквей (монастырей, девственности, поклонению святым и отвержению плотской любви) было движением тех, кто отпал от «искренних христиан». В нём практиковалась духовно вдохновлённая сексуальная свобода Карпократа, основанная на метафизической философии, вдохновлённой еврейскими каббалистами. Звучит, безусловно, противоречиво, но Ньютон мог быть прав, если считать, что сексуальная свобода карпократов скорее всего была частью верования в то, что тело, являясь материей, не имело особой значимости; что плоть изначально грешна, временна и не подвержена воскресению; что когда дух проходит все возможные травмы физической жизни и доказывает своё превосходство, он оказывается свободен от всего природного. С другой стороны, по мнению Ньютона, Бог создал природный мир и увидел, что это хорошо. Ньютон стремился к тому, чтобы его научные труды прояснили уму этот аспект веры: для Ньютона вера становилась знанием. Атеистам, верящим в современную науку, стоит поразмыслить над этим.

Именно из-за утверждений, сродни приведённым словам Агриппы и Ньютона, исследователи, кроме, разве что, самых дерзновенных, игнорировали «похотливых гностиков» почти до начала восемнадцатого века. Однако мы должны отметить, что Агриппа и Ньютон пользовались обширным корпусом обвинений в адрес гностиков в поддержку своей философской позиции, неважно насколько эти позиции различны или противоречивы, также поступали и те, кто занимался вопросом гностиков после 1700 года, придавая им ту или иную идеологическую окраску. Возьмём для примера «Непредвзятую историю Церкви и Ереси» Готфрида Арнольда — позиция, излагаемая в этой книге, вдохновлена арнольдовским мнением о родственности гностиков-валентиниан «фило-теософии» Джордано Бруно, Мейстера Экхарта, Розенкрейцеров и, более всего, тевтонского теософа Якоба Бёме, которым Арнольд чрезвычайно восхищался. Современник Арнольда, Иоганн Георг Гихтель (1638—1710), собравший группу мистических христиан в Амстердаме, присоединился к Арнольду в поиске путей

духовных и без сомнения духовно-эротических отношений с героиней валентинианского гнозиса, Софией, или Господжой Мудростью.

Подобные гностические искания в восемнадцатом веке были почти всегда способом самооправдания. Уильям Блейк, художник, поэт, самоучка (1757–1827), вероятно, обрёл ряд своих идей о гностических эманациях или зонах (придавших форму и цвета его собственному мифу о человеческой психике) из работ радикального Джозефа Пристли (1733–1804).

Пристли использовал своё ограниченное знание еретиков, чтобы оправдать собственную еретическую религиозную позицию: он принадлежал унитариянской церкви. Злоупотребление гностической традицией продолжалось в течение всего девятнадцатого столетия среди континентальных мистических франкмасонов и среди их католических противников. В среде последних развился миф о давнем гностическом заговоре в целях искажения истины. Он был начат ранними еретиками, продолжался манихеями, существовал в средние века (Рыцари Храма!) вплоть до эпохи Просвещения (франкмасоны-революционеры!) и вёл к разложению «истинной веры».

Весьма созидательным исключением в тенденции самооправдания была работа блестящего католического учёного и философа, уроженца Мюнхена, Франца фон Баадера (1765–1841), который, будучи лично знакомым с обширной концепцией Софии, вывел этот интерес из области сугубо набожного «взгляда внутрь» на стезю прямого служения человечеству. Работы фон Баадера о важности эротической любви, объединения мужчин и женщин во взаимном предании себя, о раскрытии друг в друге и друг через друга андрогинного единства духа, помогающего человечеству расти, требуют к себе внимания и углубленного изучения. Как уверял профессор Артур Верлюи, натурфилософия, значение человеческой жизни и философии времени важны не только для Германии, проигнорировавшей их, они могут внести свой вклад в решение дилемм, сопутствующих современности в целом.³

В 1875 году мадам Блаватская создала весьма влиятельное Теософское Общество. Члены этого общества, как и его многих ответвлений, использовали некоторое доступное знание о гностиках

³ Versluis, «Baader, Benedict, Franz Xaver von», Словарь гнозиса и Западного эзотеризма.

как часть обширной оккультной исторической схемы, многовекового пути древней традиции научной духовности. Мифическая сверхструктура теософии и спекулятивные дополнения не позволяли, тем не менее, не только приверженцам главного направления религии, но и здравомыслящим историкам религии здраво оценивать гностическую традицию. Однако без теософских исследований (особенно пера Дж. Р. С. Мида (1863—1933)) мало кто вообще узнал бы о гностиках.

В двадцатом столетии началось более серьёзное научное изучение гностической мысли, с акцентом на слово «мысль». Работа Ханса Йонаса *Gnosis und Spätantiker Geist* («Гнозис и дух поздней античности», 1934—1954) стала фундаментом развития серьёзных философских исследований гностицизма. Однако из своих собственных многочисленных интервью с профессором Йонасом в середине 1980-х мне стало ясно, что его подход был во многом основан на философии экзистенциализма его учителя Мартина Хайдеггера, работавшего в Университете Марбурга в последние годы веймарской республики.

Для Йонаса феномен гнозиса был явлением мировой исторической значимости, сигналом того момента, когда человечество впервые испытало «инаковость» или экзистенциальное отчуждение. С точки зрения одних это отчуждение включало в себя неприятный разрыв в нашем традиционном взаимоотношении с природой; для других оно означало конец власти языческого натурализма и того, что интеллектуальная часть человечества долго считало «естественным» видением вселенной. «Гностическая религия» (как Йонас называл этот феномен) отметила некоторого рода эволюционную эпоху, в ходе которой человечество пострадало от острого понимания плачевности положения человека, от чувства отдельности от вселенной: открылась ужасающая пропасть между человеком и миром. По мнению Йонаса, вытекающая из этого отстранённость была драматизирована в мифах наиболее радикальных гностиков, тех, с его слов, от которых «бежали мурашки по коже». Для него они представляли наиболее сильные аспекты гностического «движения», характеризовавшиеся радикальной, почти современной, нацеленностью вовне мироздания. По мнению Йонаса, только радикальные гностики и заслуживают внимания; остальные, более мягкие и герметичные, с его слов мне, мало чего добавили к идеям Платона. С точки зрения Йонаса, если желаете увидеть настоящий гностический текст, читайте Апокриф Иоанна. Там встречается поразительное повествование о том, что Демииург повёл себя с Адамом как мифический

враждебный пришелец, похитивший человека с Земли только ради того, чтобы бросить его на операционный стол корабля своей матери и просто нарезать на кусочки, без обезболивания и без сострадания.

Профессор Йонас мало говорил о сексуальных излишествах. Они его особо не волновали. У него были свои философские предпочтения. До самой своей смерти в 1993 году он продолжал считать, что, несмотря на открытие в 1945 году библиотеки Наг-Хаммади (уже после публикации его первых гностических исследований), продемонстрировавшей истинную суть учения гностиков, его собственный философский подход к гнозису выдержал, и будет продолжать выдерживать испытание временем. Сегодня чтение «Гностической религии», сжатой версии его гностических исследований, позволяет сознанию получить несравненный опыт. Тем, кто только недавно познакомились с темой, я обязательно рекомендую это чтение.

Йонас не единственный понимал актуальность того испытания рассудка, что давал гнозис своим современникам. Несмотря на то, что нас с ранними гностиками разделяют века, в наше время это испытание обрело новую значимость и культурную востребованность. Карл Юнг, бывший коллега Зигмунда Фрейда, также смог прочувствовать аспекты гностического мировоззрения, соответствующие современности. Однако идеи Юнга гораздо меньше связаны с развитием философии и экзистенциальной сердцевины религиозной мысли, чем с современной наукой (или почти наукой) психологией, вдохновлённой «Философией бессознательного» Эдуарда Гартманна (1869). Когда Юнг получил в своё распоряжение экземпляр «Евангелия Истины» из библиотеки Наг-Хаммади (работы Валентина, долго считавшейся пропавшей), он торжественно заявил церковному историку и теологу Жилю Киспелю: «Всю свою жизнь я пытался открыть тайны психики, а эти люди уже всё знали» (Киспель рассказал мне эту историю лично в Бильтховене близ Утрехта в 1986 году).

Когда в психологическом жаргоне мы слышим слово «архетипы», нужно помнить, что это слово Юнг почерпнул в розарии гностической традиции. Архетипы существуют в бессознательном. Не мы создаём их, а они создают нас. Юнг сравнивал гностическую «плерому» (или «полноту» Божества) со своим понятием бессознательного, стараясь освободить эту идею от фрейдовской модели аналогичного понятия, функционирующего как чердак или даже темница подавленных, табуированных или запрещённых и отрицаемых мыслей и образов. Незадолго

до своей смерти Юнг шокировал аудиторию Джона Фримена в телевизионном шоу ВВС «Лицом к лицу», ответив на вопрос Фримена «Верите ли вы в Бога?» словами «Я не верю, я знаю».

Вне мира уважаемой новой и академической науки, интерес к гностическим практикам, периодически преследуемый, неспешно процветал в западном мире. Среди тьмы маленьких, выросших из французского оккультизма и гностического возрождения, из франкмасонства и теософского пестрого разнообразия в Америке, британских и европейских колониях и на самом Континенте организаций, многими были приняты на вооружение некоторые аспекты гностической традиции, соответствовавшие их философским потребностям. Некоторые личности, такие как Теодор Ройсс, Алистер Кроули и Е. С. Х. Пайсмэн (1865–1943) были достаточно смелы, чтобы сконцентрироваться на сексуальной области познания и предполагаемых практиках гностических радикалов. Теодор Ройсс (1855–1923) передал свои с Карлом Кёльнером (1851–1905) идеи об *Ordo Templi Orientis* (Орден Тамплиеров Востока или Орден Восточного Храма) Алистеру Кроули, вместе с убежденностью Ройсса (почерпнутой у Карпократа) в том, что Иисус передал своим ученикам в Тайной Вечере оккультную мистерию сексуальных флюидов. Согласно Ройссу (и Карпократу — по Клементу Александрийскому), Иисус практиковал некоего рода магический и духовный секс как минимум с одним из своих возлюбленных учеников, и семя Иисуса (*logos spermatikos*) в этом контексте могло считаться мощным причастием: «Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя».

Алистер Кроули (1875–1947) знаменит многолетними экспериментами в том, что прозаично было названо «сексуальной магией» — он занимался этими практиками с 1912 года до окончания Второй мировой войны. Немецкий теософ Пайсмэн, автор «Гностического катехизиса» (1904) был членом небольшой параллельной организации (Старая Гностическая Церковь Элевсина), целью которой Пайсмэн объявлял «освобождение семени из рабства». Эту идею мы исследуем всецело в контексте аутентичного сетианского и валентинианского сексуального гнозиса.

Брать из гностической традиции только то, что надо комментатору, кажется традиционным подходом в этой области. Вероятно, всё дело в удивительной эмоциональной привлекательности темы. Даже Джон Леннон объявлял о своей причастности к гностикам

в 1980 году, говоря о том, что он носитель истинного христианского пламени⁴. Эта информация периодически особо подчёркивается на многих фанатских сайтах, посвящённых поздним Битлз, но в мейн-стримных СМИ редко кто пачкает руки духовными вопросами, если только это не сообщения об опасных культах, излишествах знаменитостей или чём-то подобном. Журналистика легко становится некоторой формой культурной цензуры.

С точки зрения объективного изучения гностической традиции, вызывает сожаление тот факт, что библиотека Наг-Хаммади была опубликована на английском языке в ходе длительного расцвета, наступившего после 1960-х годов. Это время разгара движения хиппи, активности антиистэблшмента, время лихорадки сексуальной революции, психоделиков, неотрубатуров (рокеров и авторов-исполнителей), научно-фантастических телешоу. Всё это пробудило интерес к оккультизму, мистицизму, язычеству и неясным элементам суфизма, индуизма и буддизма. (Боже! В какие яркие времена нам пришлось пожить!) Гностиков снова окрасили в цвета, соответствующие потребностям. На этот раз, однако, гностики представлялись невероятно крутыми. Новое видение представляло их весьма невинными, их образ был обелён, их рассматривали как продвинутых модернистов, с сильным оттенком феминизма («божественная женственность»), они считались сторонниками сексуальности, склонными к свободомыслию. Начиная с Линн Пикнетт и Клайва Принса («Откровение тамплиеров») до «Кода да Винчи» Дэна Брауна и вспышки вдохновлённой образом Марии-Магдалины литературы о женственной духовности, мы встречаем гнозис полностью очищенным от элементов, несоответствующих нью-эйджевому контексту с его сильным неоязыческим, ориентированным на поклонение богине, «дружественным пользователю» характером, направленным против авторитарного, испорченного, патриархального евангелизма или сциентизма того или иного рода.

Весьма примечательно наблюдать, как когда-то табуированные элементы гностического сексуального мистицизма встречаются в новую или возрождённую духовность. Например, в сексуальном гиде гармоничных отношений Марии Робинсон, «Отравленная стрела Купидона», встречается множество цитат из «Евангелия Филиппа»

⁴ Леннон Дж., «Загадочный запах роз» и другие истории.

и «Экзегезы Души» из Наг-Хаммади. В книге заявляется, что знаменитый гностический «брачный чертог» относится к некоторой практике безопасного секса, нацеленной на гармонизацию современного института брака, находящегося в опасности из-за пресыщения сексом. То есть гностики использовали технику «карецца» или «обнимания»: секс без оргазма или проникновения, когда любящая христианская пара праздновала единство, отражающая любовь Христа к его церкви или любовь гностика или Иисуса к Софии, или некий неопределённого характера процесс единения с Богом или Духом, вызываемый контролируемым сексуальным возбуждением и мгновенной сублимацией. Можно лишь приветствовать то, что вместо проживания эмоционально болезненных сексуальных «объединений», устойчивые пары могут прибегать к сакральному сексу и рассчитывать на долговременную стабильность в отношениях.

Автор приводит немало важной нейрологической теории и экспериментальной информации, для обоснования того, что частые оргазмы могут увеличивать фрустрацию и неудовлетворённость партнёров друг другом по биологическим причинам. Это вызвано тем, что природа и её вероятные эволюционные императивы требуют от нас поиска новых вариантов и увеличения генетического разнообразия возможностей, несмотря на вред такого поведения нашему чувству личной безопасности или романтическим стремлениям долгосрочных союзов. Из этих сомнительных посылов следует, что тайна духовной любви между парами была известна гностикам (как и даосам) и что ограничение составляло тайну счастья и личной реализации. Это, как они говорят, отличная, просто великолепная идея. Вот, правда, стоит взглянуть на неё в контексте современных самоучителей секса и отношений, и вряд ли это станет верной интерпретацией реальных гностических практик и подходов. Акцент в последних, что касается брачных покоев, делался на качестве семени, то есть спермы, и эта драгоценная субстанция не добывалась простой и постоянной практикой воздержания. Подробнее об этом я ещё расскажу. На самом деле, ближе всех к воздержанию в третьем веке (когда было написано «Евангение от Филипа») были энкратиты, чьё имя, как мы знаем, значит «контролирующие себя». Однако самоконтроль энкратитов означал, кроме всего прочего, полное избегание плотской любви и брака как такового. Энкратиты принципиально отрицательно относились к контакту с противоположным полом. Полная девственность считалась необходимой для спасения. Понятия

«безопасного секса» не существовало. С другой стороны, для последователей Валентина качество оргазма было важнейшим фактором. Люди сочетались брачными узами через христианскую клятву с древом мудрости — друг с другом.

Проще говоря, как сообщила мне недавно духовная наставница Рита Луиз, «секс без оргазма — это не секс». К чему мне остаётся только добавить: «йога» — значит «объединение». Хватит ходить вокруг да около!

ВОЗМОЖНА ЛИ НА ДЕЛЕ ЭРОТИЧЕСКАЯ ФОРМА ХРИСТИАНСТВА?

Во введении я говорил о том, почему я ранее не фокусировал внимание на предполагаемых сексуальных излишествах разнообразных гностических школ. Существует, вероятно, ещё одна причина, которую куда труднее выразить словами. Честно говоря, не знаю, как вы, а я вижу идею единения с Богом в акте плотской любви чрезвычайно сложной к ясному постижению, будь то в теоретическом или в практическом смысле. Иначе может быть только тогда, когда сам человек чувствует глубинную божественность в половом сношении. Понимая отсутствие строгих границ между романтическими порывами, глубокой любовью, страстью, желанием и духовными чувствами, в физическом воплощении воспринимаемыми как более чем просто опыт на уровне ощущений, где задействованы факторы более тонкие нежели физический обмен энергиями или эмоциями, неважно, сколь сильными — я всё ещё склонен избегать наполнять ощущением реальности такие выражения как «сакральный секс», которые слишком легко, как мне думается, слетают с языков современников.

Мы знаем, что понималось под этим выражением в древнем, языческом мире. Религия, основываясь на природе (циклах рождения, смерти и возрождения) действительно может быть весьма сексуально наполненной, даже если говорить об этом чисто с философской точки зрения. Их концепция сакрального для нас может выглядеть уж слишком вульгарно дословной, и мы можем посчитать их сакральный секс не сакральным, и даже вообще не сексуальным. Жрецы и жрицы выполняли сексуальные ритуалы для магической имитации *hieros gamos*, священных браков между богами — и это было способом магического призвания божественных сил. Секс, будучи привязан столь плотно к таинственным силам творения, самой жизни, вдохновляя

музыку, поэзию, ваяние и танец, ощущался внутренне магическим и мистериальным действием, обладающим мистическими коннотациями, связанным с инициацией и эзотерикой. Стремиться познать бога или богиню было в сути своей эротично, где глагол «познать» значил «иметь эротические отношения с». Для язычников в этом не было ничего удивительного. Это для них было естественным. Эротическая любовь заставляла мир вращаться. За красивым лицом можно отправить тысячу кораблей⁵. Богов могло влечь к людям, и они могли даже скрываться в человеческом облики, дабы испытать человеческие чувства. Дети могли быть результатом ритуалов плодородия и мистерий, но так было лишь если требовалось, чтобы бог, или божественные силы воплотились в ребёнке.

Христианская религия является прямым порождением еврейской утробы, по меньшей мере, в самой основе, и многое в пророческой мудрости иудеев было нацелено на отрицание удовольствий и утешений языческого мира многобожия и антропоморфных божеств (именно по причине их популярности). Известно, что древний иудаизм полностью патриархален, нахрапист, властен, суров... секс в еврейской Библии, где это не связано с благословением брака и детей в рамках строго природных потребностей, почти всегда является источником несчастий — Давид и Вирсавия, Сусанна и старцы из Книги Даниила, Самсон и Далила, Иезавель; список далеко не полон. Когда Адам и Ева узнают о своей наготе, она становится символом полной потери невинности. Вина воздымается властно над теми, кто связан заветом Яхве через вечное «Нельзя!» Есть сакральная любовь, появляющаяся промеж строк, однако явно эротические проявления, вроде Песни Песней Соломона редки, и там, где они появляются, любовь всегда сублимируется комментаторами в мир символизма, прошедшего весь путь до современного понимания христианской церемонии бракосочетания, где брак — любовь Христа к его церкви.

В жизни синагоги первого века менструальная кровь считается грязью. Женщина должна быть покрыта, иначе конгрегация пристыдит её за разврат и сладострастность. Первое, что получает ребёнок от этого мира, входя в него — религия завладевает его пенисом и режет ножом.

⁵ Прим. перев.: речь идёт о Елене Троянской и царе Менелее.

Считая примитивное христианство полностью еврейским, что касается вопросов секса, германский теолог Адольф фон Харнак (1851—1930) ярко характеризовал гностицизм как «острую эллинизацию христианства». Терпимость к менструальной крови, сперме и почитанию женского божества (Барбело) не могли появиться ниоткуда. Что-то заразило еврейское христианство. Греко-говорящие язычники наложили свои грязные руки на покровы девственной веры и стали всячески её пачкать. Точное мнение фон Харнака не отличается ныне популярностью среди учёных, но оно тем не менее требует от нас понимания того, что христианские группы практиковали какого-то рода сакральный секс.

С общепонятной христианской перспективы, нет ли противоречия в выражении?

Священный...

Секс...

Не обманывают ли себя те, кто в наши дни беспечно болтают об этом? Не пытаются ли они и рыбку съесть и не испачкаться? Нет ли путаницы миров в этом выражении? Мира сего и мира будущего; чистоты и брэнного тела? Безусловно, в языческом мировосприятии всё является частью Бога. Эта идея отражается в христианской литургии, где наши жертвы рассматриваются как форма возвращения к истокам: «Твоя бо суть вся, и от твоих дахом Тебе» (I Паралипоменон, 29:14). (Некоторые гностики, как мы увидим далее, рассматривали эту фразу в смысле сакрализации спермы). Католики, верующие в пресуществление, «едят от плоти дорогого Сына» в виде просфоры.

В языческой философии и в общей практике Бог (*theos*) или боги являют собой невидимый аспект видимого мира. За всем стоит бог или ангел? А раз за органами, то и за удовольствием. Отец церкви Клемент Александрийский (примерно 150—215 от р. х.) называл сексуальное сношение просто «Афродита», поскольку она — ведущее божество этого деяния. Это было нормой для образованных александрийских кругов во втором веке. Сами мы ничего не придумываем. Всё создал Бог, в том числе и секс.

Как известно, особенно с пантеистической точки зрения, секс всегда *потенциально* священен. Не наше ли невежество мешает нам это понять? Гностики перекрыли невежество познанием (гнозисом) и это фундаментальное изменение, похоже, привело к переоценке или даже переосмыслению секса, которое вышло за рамки иудео-христианского

видения примитивной церкви. Будучи духом воскресшим, требовалось понимать, что на самом деле значил секс, чтобы не дёргаться, оказавшись в его ловушке, словно в клыках охотничьего пса.

Однако мы наверняка ошибёмся, если посчитаем явно благо-склонные к сексу гностические практики простым переложением чувственности языческого мира. Язычников гностическое мировоз-зрение также недолюбливало, как следует из слов великого египетского неоплатоника, философа Плотина (205—270 от р. х.) в его работе «Против гностиков» (Эннеады II, 9). Хотя Плотин и не упоминал гностиков именно таким именем, его ученик Порфирий охарактери-зовал полемику своего учителя как «Против тех, кто говорит, что творец мира злой и что мир зол». И это явно указывает на то спорное, что Плотин обнаружил в трудах людей, попавшихся под его горячую руку. Согласно Плотину, гностики предавались неясной и чрезмерной мифологизации, делая ошибку, смешав несовершенные аспекты суще-ствования (по сравнению с идеальным небесным миром) с реальной злонамеренностью и прямым злым умыслом. Плотин не терпел разрыва между Единым и сотворённым миром, что было характерно христианскому платонизму. Несмотря на это, обвинения Плотина против гностиков показывают, что его собственные идеи не столь уж далеки от идей гностиков, как он рассчитывал. Фактически, Плотин признавал, что идеи гностиков суть недостающая пристройка к его собственной философии духовной эманации от Единого и Благого. Людям, которым нравились его идеи, любили и гностические премуд-рости тоже! И так продолжается и по сей день.

Гностическая мифология была достаточно ясна и давала еретикам чёткие идеи, которые Плотин, как и другие философы, вряд ли могли обрести самостоятельно, из чисто логических умозаключений. Гностики взяли за основу святыи книги евреев (Бытие, Псалтирь и Притчи в частности) и их традицию, что касается Иисуса, будь то в письменном виде или нет. Гностиков называли отличными экзегета-ми. И действительно — их культура мысли была добыта из книг. Они, правда, внесли в тексты определённую чувственность, и весьма характерные и оригинальные подходы, вдохновение и фигуры, словно бы у них был один и тот же типун на языке. Это был особый, эзотери-ческий типун, с оттенком иронической комедии. Тем, кто был с ними связан, она давала ключ к пониманию всего религиозного наследия, объединяя всё разношёрстное тело религиозных идей в великой схеме

космического заговора против истины свободы. Свободы, полученной через спасение, получаемое «не от мира сего».

Особо яростным гностикам мир виделся фальшивкой. Над ним можно смеяться с высоты экзальтации самосознания. При таком понимании мира, табуированное могло раскрываться в своей противоположности — как путь к знанию, как символы, запрещённые и отрицаемые псевдобогом. Гностики проникали на опасные территории психики, в те области, которых, как мы можем догадываться, боялся Платон или, лучше сказать, куда он боялся ступить.

Когда же это закончится?

Гностики отбросили самую суть язычества — принятие мира. И тут-то, почти парадоксально, становится виден лик исторического сопротивления иудаизма языческому миру: изображение Бога — святотатство. Творец не един с творением. Никогда не следует путать Бога с видимым миром или с его объектами и веществами в нём. Главный посыл еврейской пророческой традиции запрещал всё, что было порождено античными греками или римлянами: а там были статуи. Статуи там были везде!

ГЛАВНЫЙ МИФ

В гностических школах экзегетики самой частой, а вероятно и ключевой идеей является переложение мифа об Эдемском саду книги Бытия и о падении Адама и Евы с Земли на небеса. Совершенство Рая расположено в небесах (в Плероме или божественной Полноте). Однако, как и в Эдеме, критическая драма соблазна нарушает предвечную, вероятно, бессознательную, гармонию. Преступницей тут является не Ева, но «Небесная Ева». Падение в Землю является рождением, становящимся результатом проблем на небесах и последующим изгнанием заблудшей небесной женщины. Для гностика «дом» должен быть подготовлен... на другой стороне.

Согласно современным еврейским представлениям, Мудрость Божья, называемая на иврите Хокма (по-гречески — София) пребывала с ним в вечности. Отмечая определённые характеристики особой природы Софии, гностические авторы довели первичное блаженство до его следующей логической стадии и предположили сценарий, согласно которому она попала в беду. Почему она? Безусловно, Бог никудышный партнёр — у него не может быть супруги. Может быть оно

и так, но София имя женского рода, и поскольку гностики знали еврейское писание в греческом переводе (Септуагинта), она была полностью женственна, и её дом был с Богом, ибо Бог и Мудрость не делимы (она — первая Мысль), по меньшей мере, до тех пор, пока...

Согласно общему гностическому мифу, присущему разным группам, каждой со своими особенностями и разными акцентами, София позволила страсти превзойти себя. Она пожелала *проникнуть* в мистерии Божественной Сущности (*Bythos*: Пропасть или «Глубина»), познать непостижимого Отца. Этот мотив владел умами философов как минимум со времён Платона и имел аналогичный исход — порождение интеллектуального мира, который не был адекватен как с позиции критической мысли, так и применительно непосредственно к ощущаемому миру. Ищущий абсолютной мудрости оказывается изгнанным из мира обычного рассудка, в страхе сумасшествия, который он либо нагоняет сам на себя, либо на него нагоняют те, кто на текущий момент находятся «вне» его опыта. Знающий или стремящийся познать становится «изгнанником»: знающим. Гнозис объединяет метафизические последствия с метафизической причиной.

Когда мы говорим, что София желает познать Отца, мы можем уловить отблеск сути гностического понимания секса, поскольку знание, которого ищет София, табуировано, будучи в силах раскрыть природу Отца; символически, это сексуальное, эротическое побуждение, вызванное привлекательностью недоступного. Результатом этого преждевременного устремления внутри Плеромы становится падение неуравновешенной Софии с её вечного положения, как Адам с Евой изгоняются из Рая. Ева отведала плода с дерева познания добра и зла, сродни тому, как София искала знания глубины Отца, что шло вразрез с Отчей волей.

Воля Бога по отношению к Софии представляется ей в виде её истинной сизигии или супруга, именуемого Телетос (от др. греч. *thelema*, что значит «воля» и обозначает волю Бога). Падение Софии приводит к развалу божественно заповеданной и когда-то гармонично соединённой пары, как пары Адама с Евой до потери ими невинности и блаженства, когда Ева пренебрегла волей Бога в угоду своей. Теперь дни мужчины и женщины сочтены, и это влечёт за собой все соответствующие этому факту кошмары.

Гармония — это двое, функционирующие как один, скорее даже двое в одном, что подводит нас к действительно присущему гностикам пониманию сексуальности.

АНДРОГИННОСТЬ

В герметическом тексте *Asclepius III*, приписываемом древнеегипетскому мудрецу Гермесу Трисмегисту (значительная часть текста была найдена в библиотеке Наг-Хаммади) нам прямо говорят: «Бог бисексуален».

Тем же образом можно описать не только Бога Отца и Повелителя всех сил творения, но и проявления его духа повсюду в жизни: «Ибо каждый пол наполнен силой деторождения; в единстве двух полов или, говоря правдивее, в объединении их в один, что может быть правильно названо Эросом, или Афродитой, или обоими именами сразу, в этом есть более глубокий смысл, нежели постижим человеком».

Эта уникальная речь, следующая за вступлением, присутствует на коптском языке в корпусе Библиотеки Наг-Хаммади. Именно поэтому, уверяет Гермес своего ученика Асклепия (*Asklēpios* на греческом), работа творится в тайне, как эзотерический ритуал, что выполняется вдали от любопытного взора, иначе веселие толпы профанирует святую мистерию, сам священный ритуал.

Удивительно — в тексте к Асклепию плотская любовь возносится на духовный уровень. Это имеет теургический смысл: неоплатоническое искусство соединения магии и религиозного трепета для создания ритуалов, призывающих свет и силы небесные в сознание святого философа или жреца.

Хотя основная тема гностического мифа о низвержении Софии из Плеромы чужда Герметическому своду, тема андрогинности «духа животворящего» является общей для герметизма и радикальных гностических текстов. Нам следует напоминать себе о том, что в гностицизме не встречается ортодоксии касательно какой-то одной определённой доктрины, хотя оппоненты и обвиняли гностиков в этом.

Под бисексуальностью Бога не подразумевается то, что Бог испытывает половое влечение к мужчинам и женщинам, а скорее то, что он ответственен за это влечение и в мужчинах, и в женщинах. Герметический текст (на латыни) подразумевает, что форма Бога содержит оба пола (*Utriusque sexus*): «Он наполнен плодородностью обоих полов в единстве, беременный своей благодатью, не прекращая, приводит всё, что в воле его к рождению и всё, что в воле его есть благо». Бог содержит в себе изначальные идеи мужского и женского начал, являясь и Матерью, и Отцом жизни, трудящимися в совершенном,

непознаваемом союзе. Бог един, но духовное единство не одномерно, как это может показаться материалистам, переносящим своё понимание уровня «плоской Земли» на небо, лишённое духовной жизни.

Из этого вытекает и гностическое верование в изначальную, божественную идею о человеческой андрогинности или даже гермафродитизме, ибо не сказано ли в Бытии, что женщина была взята из мужчины (Адама), когда тот спал. То есть, они задавались вопросом, не тогда ли Адам потерял осознание своей андрогинной божественности в божественном сознании?

Будучи проявленным в материальном мире, единство Бога становится дуальностью, поэтому мужчина также отделён от самого себя, который есть божественная пневма или дух жизни. Пневма, Дух, будучи божественной, андрогинна. И поэтому падение божественного семени в материю привело к появлению отдельно мужчины и женщины, точнее их пары в виде различных существ. Лишь тело определяет пол. Дух человеческий остаётся андрогинным. Гностиков всех течений предупреждают о необходимости не влюбляться в тело как собственно тело (в плоть), как евреев учат никогда не делать изображений или материальных форм Бога, которого они никогда не видели.

Следуя философии платонизма, материя разделяется, поскольку её природа заключается в воплощении идей в объекты, выделяя их из их прежней гармонии (жизни эонов или, переводя на привычный нам язык, вечной жизни), подвергая их всем превратностям бытия и течению времени и пространства.

Что гармонично в уме (*pois*), нестабильно в материи. Отсюда метафорическое учение Христа, призывающее строить дом не на песке (нестабильной, проходящей материи), но на камне, который является образом сверхъестественного камня, приходящего с неба. Позже мы коснёмся подробнее этого преобразующего камня.

Мужское и женское начала, таким образом, будучи *естественными* в мире времени и пространства (согласно большинству гностиков, они созданы незаконнорождённым Творцом, дитём Софии, развившейся раньше времени), как сказано — «мужчину и женщину сотворил их», на самом деле являются катастрофическим разрывом духовной сущности. Они — страдание духа, рана божественного существа, полученная им, когда у страдающей, необузданной Софии, из-за её выхода за собственные границы, случился выкидыш, ставший космосом. Рана эта соответствует духовной тоске

человека по Богу или потерянному миру, потерянному Богу. Это — глубокая ностальгия, проявляющаяся в сильной потребности в любви. Если эта потребность подолгу не находит удовлетворения, она превращается в ненависть и порождает зло.

Хотя Герметический свод в целом не признаёт гностических соображений о Софии, тем не менее, в коптском фрагменте Асклепия 21—29 находим признание того, что гнозис — это средство излечения невежества. Невежество — неизлечимая язва души, растущая вместе с неизлечимыми страстями до тех пор, пока не порождает все проявления зла. Эти проявления, говорит Гермес, не могут быть принесены к дому Бога, ибо Бог желает, чтобы человечество приняло дар знания, эту благодать, или подарок. Только этот подарок способен излечить то, что из-за невежества остаётся для человечества неизлечимым.

Если оно примет дар гнозиса, оно может сохранять благочестие и избегать погружения в материальные страсти: «Ибо», замечает Гермес в одной весьма сильной своей фразе, «знание упорядоченных вещей воистину исцеление страстям материи». Эту строку с лёгкостью можно назвать одной из главных путеводных нитей египетского гнозиса Валентина. Миф о страстной Софии, горячо желающей познания, но создающей лишь нехватку в своей дисгармоничной самости, сформулирован строго как средство указания пути «исцеления страстям материи». Кроме того, нам позволено понять, что именно такой должна быть главная цель стрелы желания, то есть гностического секса. Духовно ориентированный секс исцеляет страсти материи, даруя организму духовный гармоничный свет. Это исцеление — прообраз спасения изгнанного, падшего духа в божественной Полноте, через любовь и углубление знания в сердце. Радость единения, исчезновение разделения есть всё. Поэтому плотская любовь становится великим даром, божественной благодатью, даруемой мужчине или женщине (гностикам), чьи души влюблены в Бога.

Между тем Гермес весьма настойчив, утверждая, что неспособные признать святость мистерий плотской любви — нечестивы. В результате он обличает большую часть учения официальной церкви как минимум с четвёртого века от рождества христового по сей день: «Таким образом зло остаётся среди многих, ведь изучения вещей, установленных [Богом], у них нет». Секс свят для святого; для нечестивца это путь наощупь во тьме. Церковь, вместо того, чтобы учить дару гнозиса, подавляла и преследовала его — разве же для нас это новость?

Дух жаждет единства; (разделённая) плоть слаба. Повторюсь: *йога* значит «объединение». *Самадхи*, высший транс раджа (королевской) йоги может быть выражен с гностической позиции следующими словами «Я и Отец — Одно» (Ин. 10:30). Неизвестно, была ли получена эта мысль гностиками из Индии. Полагая разделение полов, боль деторождения и цикл жизни и смерти катастрофой для духа Божия, можно рассматривать практику священного соединения тел как священнодействие, являющееся прообразом, указанием или предвосхищением воссоединения изгнанной души с её небесным, духовным или ангельской природы партнёром, всё ещё пребывающим дома в небесном мире. Таково духовное благословение причастия брака. Причастие берёт нечто земное и возносит до его небесного соответствия. Используя прекрасную фразу поэта Сэмьюэла Тейлора Коулриджа, таинство *развоплощает душу факта*, каковая функция также свойственна воображению в его высшей форме.

Чудесно. С гностической точки зрения, мы видим серьёзную причину сопричастия половому акту, направленному на реализацию духовного единения с Богом, или, как минимум, с отчуждённым ангелом или даймоном (дух защитник из другого мира). Эта часть человеческого существа (корона) не полностью поглощена пучиной пространства и времени — пифагорейское психическое не-эго, возлюбленный как рассвет, или аугоэйдес сирийского философа неоплатоника Ямвлиха. В высоких магических кругах эта сущность ныне известна под именем Святого Ангела Хранителя.

Теория тут работает неплохо. Прочувствовать секс не как похотливый спуск в бездну сладостных стимулов в беспрепятственной возне, но как любовную дисциплину соединённых умов и тел, нацеленную на высшую реальность — получим нечто вроде сексуального мистицизма. В индуистских тантрических ритуалах, прообразом таких соединений являются любовные объятия Шакти (женской космической созидательной энергии) и Шивы (высшего мужского божества, владыки йоги, которому поклоняются в символе лингама), чей оргазм постоянно создаёт вселенную: АУМ! Бог и Богиня воплощаются, после соответствующего аскетического практикума, в садкаках-тантриках: *узри меня как Шиву, и я увижу тебя как Шакти: так мы станем Одним.*

Как созидательная энергия единство Шакти и Шивы соответствует до определённой степени бисексуальному герметическому Богу, творцу жизни и блага. В этом контексте оргазм может физически

передавать опыт Бога — пока физический опыт не является условием или целью ритуала. Чтобы он имел духовное значение, мистическая пара должна умом превосходить тянущее вниз физическое сознание. Говоря алхимическим языком, оргазм как чувство является идеальным *parergon* (побочным продуктом) *ergon*-а (сущности работы) духовного объединения.

Но сам ли секс позволяет им взойти туда? Боюсь, теория молчит на этот счёт. Хотя мы можем сказать, что добрая воля и правильное намерение — основные требования.

И снова у нас есть отличная метафизическая теория и мы знаем, что теорией пользуются многие практики, но возможна ли и реальна ли вообще такая практика *сама по себе*? Ну, никто не говорил, что она — редкость. Однако реализация такого состояния может всё ещё казаться по сути своей противоречивой, стоит нам попробовать провести анализ нашего опыта. В молодости, когда я только учился, мой первый сексуальный опыт заставил слово «рай» слететь с моих уст самостоятельно. Оргазм казался самым обескураживающим небесным чувством, помимо детских переживаний видения Бога (и я в этом, уверен, не одинок). Безусловно, весьма скоро практика пробудила аппетит, поскольку это было чрезвычайно приятно.

Гармоничные отношения с партнёром заняли второе место по отношению к тому, что теперь ощущалось как острая потребность. Такое ощущение, что я дал сознанию его первое духовное наслаждение, а затем тело взяло верх, утверждаясь на сцене и запуская свою ДНК в великий круговорот, в котором мы способны себя потерять.

Весьма скоро то, что обещало свободу, предполагаемое удовлетворение в любви, стало необходимостью, условием взаимности, давлением, и прекрасные райские Адам и Ева, содрогающиеся в экстазе удовольствия вдруг разочаровались, опечалились, погрузившись в длинный цикл, вызывающий депрессию юности. Ко всему этому примешивались зачаточные мысли о любви, браке, безопасности, самости, вкуче с давлением со стороны сверстников, путаницу желаемого и необходимого и прочее, и прочее. То, что началось как рай, тем или иным образом оборачивалось ужасной болью! Однако, должен заметить, что касается меня самого, бессознательно падая из Плеромы на планету Земля с её реальностью, я никогда до конца не терял романтических чувств под давлением душающего эротического голода. Однако я точно потерял из виду рай — вероятно, невинность утеряна навсегда. Но я оптимист.

Мы, вероятно, сойдёмся во мнении в том, что дабы получить максимальное наслаждение от секса мы должны быть влюблены в нашего партнёра и/или быть весьма возбуждены подходящим или более чем подходящим любовником или любовницей. Идея чистоты (которую мы ассоциируем с Богом) или секса без вожделения — идеал, который будучи применённым к сексу кажется для многих контринтуитивным. Я могу пожелать достичь божественности в духе или восславить божество вместе с партнёром, в нём или через него. Но будем до конца откровенными: чтобы «встал» (ну, то есть, «чтобы разжечь энтузиазм») я должен думать (если это правильное слово) о чём-то сексуально возбуждающем, и/или оказаться лицом к лицу с кем-то, кто в любом случае вызывает желание.

Или же надо чтобы человек просто чувствовал себя сексуально неудовлетворённым, стремиться к удачному выходу сексуальных эмоций и физического напряжения. Многие из тех, в ком секс вызывает чувство вины, нуждаются в алкоголе, чтобы преодолеть запреты. Таким людям не требуется говорить о том, что «грех» может быть весьма приятным какое-то время. Опять же, мы должны помнить про «установку и обстановку», романтичность и все остальные условия проявления света Венеры в нашей жизни. Требуется хороший партнёр, и, если Бог есть любовь, и хороший секс позволяет нам наслаждаться нашим партнёром или укрепляет нашу зависимость от них, тогда мы можем сказать, что у плотской любви есть духовное измерение, хотя вряд ли нам удастся точно указать, или даже понять, что с ним делать. Не слишком ли секс сам по себе проблематичен, чтобы в него ещё и примешивать Бога?

Помню, когда мне было около десяти лет, отец заинтересовался местным мормонским сообществом в Бирмингеме (что в центральных графствах Великобритании). Энергичные представители из Юты были там частыми гостями. Вместе с обещаниями рутбира взамен запрещённого кофе как-то раз они привезли ряд цветных брошюр. Одну я хорошо запомнил — членство в Церкви Христа Святых Последнего Дня давало право заключить брак в Солт Лейк Сити в брачной зале, особо приготовленной для этой цели. Давались гарантии (насколько я помню), что первую брачную ночь обязательно осветят своим присутствием ангелы, чтобы превратить её в нечто особенное. Эта деталь мне показалась до смешного наивной, даже в мои нежные годы, поскольку мне никак не удавалось понять, где вообще можно

найти место, где бы ангелы за тобой не наблюдали. Сейчас я вспоминаю слова Ницше «убеждение — это тюрьма». Думаю, что эти ангелы не столько рукоплескали божественно установленной паре, сколько служили предвестниками грядущей жизни под тюремным присмотром. Меня также не оставляет вопрос, не лежат ли смутно различимые корни этого верования в идеях, которые отстаивал шведский визионер Эммануил Сведенборг (1688—1772), считавший, что сексуальные утехи и чувства женатых христиан чувствуются на небесах. Если я правильно его понимаю, дорогие нам люди, покинувшие нас (и прочие) могут получить чувственную пользу от наших ночных озарений. Эта концепция после смерти Сведенборга подпортила отношение и доверие ко многим его последователям в Лондоне, и я подозреваю, что такое до странности материалистическое понимание могло отвернуть многих от самой мысли о связи наших земных любовей с каким-либо небесным устроением.

Возвращаясь к психологии сексуального опыта, я считаю, что в целом, верно утверждение, что в момент нашей мысленной концентрации на чём-то возбуждающем нас физически, любое духовное устремление или измерение осознания отпадает, словно ступень ракеты Сатурн 5, падая на Землю, или сбрасываясь в открытый космос. Иначе говоря, чувства, пусть и возвышенные на определённое время, всё равно оказываются земными по своим качествам, даже если они и несут удовольствие на уровне сенсорики (в смысле «стимулирующими»), и приятно одурманивают.

Если пытаться концентрироваться *только* на получении физического удовольствия как физического удовольствия, например, на ощущении приближающегося и испытываемого оргазма, можно почувствовать себя до странности холодно и пусто после, или даже во время наивысшей точки. Вы можете стать противны самому себе, а вместе с тем придёт ощущение, что вы схлтурили в чём-то весьма важном. Высшее удовольствие, его суть, может лежать далеко не в области ощущений. Глубочайшие удовольствия могут рассматриваться просто как констатация чего-то действительно хорошего. Под *глубочайшими* я имею в виду высочайшие. Месть это всего лишь высшее удовольствие низшего сорта. Суть дела не в самом удовольствии. Высшее удовольствие превышает удовольствие. Этот момент превышения может и не фиксировать нашим «я» и, следовательно, не является как таковым моментом, поскольку это явление вне времени. Попытка ухватить

высшую радость, оставить её себе, порой ведёт к разочарованию, или к потере самих ощущений: такого следует стараться избегать любой ценой. Можно весьма больно упасть. И вправду, жертва собственного эго является частью совершенного секса, что не характерно для многих из наших воображаемых удовольствий. Вспомним слова Брата Лоренцо из Ромео и Джульетты Шекспира, Акт II, Сцена VI:

У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь,
Так сладок мед, что, наконец, и гадок:
Избыток вкуса отбивает вкус.
Не будь ни расточителем, ни скрягой:
Лишь в чувстве меры истинное благо⁶.

Предполагаемая несовместность физического сексуального опыта и духовной жизни, требующей отказа или трансцендирования эго и хотения (чего бы то ни было, кроме духовных желаний) становится для многих непреодолимой преградой. Любое суждение отличное от того, что плотская любовь — лишь умелый трюк природы, облегчающий размножение, становится невозможным. И пусть мы можем на некоторое время улучшить себе удовольствия и рая (вероятно фальшивого) из этого процесса через недолговременное природное поощрение в оргазме, всё это тоже лишь часть трюкачества. Если оргазм это барабанная дробь, подгоняющая дух в лапы грешного мира во власть Демиурга (который есть, вероятно, лишь другое имя *эволюции*), тогда оргазма и деторождения следует избегать как чумы: влагилице — врата ада! Такова вера энкратитов, направлявшая сквозь долговременное отречение от плотской любви монахов и монахинь, давших обет безбрачия — как в поздней античности, так и в наши дни.

Вследствие такого фатального понимания природы нас призывают узреть венерину мухоловку и помыслить о себе как о неудачливой мухе: ах эти замечательные цветочки! Что у нас там внутри? О сочное, ароматное блаженство! А почему бы не попробовать?

⁶ Перевод Б. Пастернака (по материалам http://www.romeo-juliet-club.ru/shakespeare/romeojuliet_pasternak1.html)

Хлоп! И тут начинают молотить зубы пожирающей природы, вечно голодной, расцветающей на смерти: волчий закон. Природа пожирает саму себя на завтрак, она не вегетарианка! Что же, даже романтические чувства можно счесть уловкой природы, пытающейся затащить нас в великий цикл, с чем мы неохотно соглашаемся рано или поздно. Или же наоборот, к чему мы стремимся!

А с практической точки зрения, как нам преодолеть эту сомнительную двойственность? Все мы читали о тантриках, работающих годами над отделением ума от земных инстинктов, чтобы уметь входить в сексуальный союз, экзальтирующий дух с уничтожением эго в космическом нуле, аннигилирующем субъект и объект. Мы об этом читали, но это всё явно далеко от повседневности. Хотя католицизм и учит, что Бог одобряет детей, рождённых в законном браке, и пусть это и не особенный экстаз, безусловно, приятно понимать, что ты хотя бы делаешь нечто правильное, пусть даже и грешно этим слишком сильно наслаждаться.

Мне как-то раз пришлось слышать довольно толковую англиканскую даму, советника по брачным отношениям. Она выступала перед стыдливими, ранимыми и чувственными жёнами, не способными соотнести христианское благочестие с сексуальными аппетитами. Она говорила примерно следующее: христианка должна понимать, что дозволительно быть «шлюхой в постели», то есть давать своим мужам то, чего они желают, если это позволяет им расслабиться: надо уметь «давать» и не стыдиться этого. Другими словами, не надо бояться наслаждаться собой со своими мужьями в полную меру. Хороший секс требует воздержания и, если Бог создал мир природы, Бог уважает счастливые, похотливые браки. Хочется надеяться, что советы той дамы распустили хоть несколько застёгнутых наглухо платьев и внесли немного гармонии в несчастные брачные союзы. Поскольку это была программа «Женский час», радио-шоу на BBC, я не слышал, чтобы она давала советов христианским мужам. Часто предполагается, что мужчины достаточно похотливы сами по себе, но так ли это? Ангелы в изголовье кровати не скажут. А ведь есть много разочарованных женщин, чьи усилия были потрачены впустую.

Проблема сценария под названием «похоть снижает духовную экзальтацию» может быть решена, если мы посчитаем, что хорошо считать Бога сексуально привлекательным. Правда, у западной религии с этим большие проблемы. Источник этого всего хорошо

отражён в истории из Бытия 9:22, где Хам видит обнажённые гени- талии своего отца Ноя, когда тот уснул пьяным, а далее Ной прокли- нает его сына, Ханаана, за то, что тот, очевидно, воспользовался Ноем в его нетрезвости. Детям нельзя считать отца сексуальным. В Бытии результатом может быть инцест, как в случае с дочерьми Лота (Бытие, 19:30–35). С фрейдовской точки зрения можно прийти к выводу, что отца можно убить (эдипов комплекс), но в него нельзя проникать.

Западному человеку придётся сделать невероятное усилие, чтобы возбудиться, воображая Бога (изображения в любом случае запре- щены), хотя некоторые женщины и могут испытывать подавленное возбуждение от служения привлекательному образу Иисуса. Если мужчина желает служить женскому образу, и реально любит плоть, он может присоединиться к культу поклонения Изиде или к любой иной неоязыческой группе. Тем не менее, испокон веков хорошо известно, что мистики способны испытывать сексуальное возбуж- дение как побочный продукт высших трансовых состояний, в которых они ощущали себя среди высших божественных сил вне зависимости от каких-либо явных сексуальных аспектов самого видения: духовный экстаз может проявляться в физическом экстазе, хотя обратный процесс более проблематичен. Не удивительно, что ортодоксия всегда с подозрением относилась к мистикам! *Это у тебя там пистолет или ты общаешься с Богом?*

Что касается высших лиц в религии, не должны ли они соответ- ствовать доминирующим характеристикам своего Бога? Если Бог определяется качествами, отличающимися асексуальностью, подавля- ющими сексуальность, унылыми, правильными, скучными, давящими и так далее, не должны ли его служители быть такими же, лишёнными всех человеческих недостатков, сокрытыми от внешнего мира?

Почему рога и возбуждённость приписываются образу Сатаны? Потому что первоначально рогами обладал бог Пан (греч. «всё»), ассоциируемый с деревенскими ритуалами и вибрирующими силами святых роц. Пан похож на похотливого козла. Уильям Блэйк пере- вернул всё с ног на голову, объявив в своей работе «Бракосочетание Рая и Ада» (1793), что «Козлиная похоть — это Божий дар»⁷. Слово

⁷ Прим. перев.: В оригинале присутствует игра на созвучии слов goat (козёл) — God (Бог).

bounty, используемое в тексте в значении «дар» означает именно бесплатный подарок, фактически — милость. Блейк идентифицировал Новый Век с необходимым следствием этого: с необходимостью «исправления чувственных удовольствий». Как мы увидим, для Блейка вагина была не вратами ада, а Новым Иерусалимом!

Так что, если мы хотим возбуждаться Богом, нам нужен возбуждающий Бог. А в этом деле пальма первенства принадлежит египетской религии. Давайте не будем забывать, что египетская религия дала «установку и обстановку» гностическим школам Александрии. Можно усомниться в том, что дабы христианство или иудаизм превратились в гнозис, они должны быть подселены в культуру интеллектуальных язычников и мистических экзегетов. На самом деле они нуждаются в чувственном окружении и правильном климате. В Египте чувствуется настоящее бурление Мудрости, в связке с пенящимся духом творения: область исключительного божественного влияния. Западное христианство же напротив, кастрировало Бога. Судя по всему, сотворил он только однажды. Выполнив свою главную задачу, он проводит теперь вечность в спокойной полудрёме, больше воспринимаемый как дедушка, нежели как отец. Отец порождает, но не занимается сексом. В конце концов, он Отец!

В отличие от Шивы, то, что может содержать его естественный символ, строго, абсолютно табуированно. Когда Мария Богородица беременеет, не Отец, а Святой Дух оплодотворяет яйцеклетку, проходя через ее девственную плеву, как свет сквозь стекло, как сказал отец ранней церкви. Принимая это во внимание, появление Божественной Женственности — и шлюхи, и девственницы — будет и далее вызывать трепет, чтобы возмущать великие религии.

Эротическая религия теперь может быть крайне редкой и, пожалуй, для большинства людей практически невозможна, но она по-прежнему является весьма желанной. Однако, прежде чем мы приблизимся к истинному объекту гностического желания, нам нужно точно определить, откуда взялся образ «похотливых гностиков» и конкретно указать, что именно сделало гностиков «похотливыми» в умах их противников.

ЕРЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ В РАЮ

ОБВИНИТЕЛИ

Основные ересиологи поздней античности считали временем появления ересей далеко не уход Иисуса в мир иной. И началось всё не из-за обиды высшего церковного духовенства на искажение слов апостолов Иисуса так, чтобы они удовлетворяли потребностям поздних еретиков; по мнению духовных отцов, ересь существовала с начала человеческой истории на Земле. Ересь появилась в Эдеме при соблазнении Евы Змеем.

Защитники ортодоксального христианства, за возможным исключением Климента Александрийского, даже близко не подошли к мысли о возможности существования параллельных культур, невинно развивающихся по всему миру, которые надо уважать и подвергать лишь глубокому сравнительному анализу. Ни одна концепция культурной относительности или либеральной терпимости не была доступна постижению большинства ересиологов: сама мысль об этом была опасной ересью. Нет, следовало бы скорее понимать, что отцы всего человечества произошли от приключений Адама и его детей, а собственно народы земли произошли от Ноя, чьи дети наводнили собой Землю после того, как Бог смыл грешное человечество в Великом Потопе. Еврейские писания сообщили основы истории человечества — всего вместе. Ведь самым важным в этой истории был Божий план спасения, основанный на заветах Бога с его избранными людьми и остальным человечеством (Завет Бога с Ноем после Потопа).

Всегда существовал ковчег для избранных и смерть для остальных. Конечно же, разрешение замысла — пришествие Сына Божия во плоти — было тайной, на которую указывали пророки Израиля и редкие языческие провозвестники, но главная из них была наиболее охраняемым секретом в видимом и невидимом мирах. Успех этого

тайнства заставит царя мира сего (именуемого Азазелем среди прочих имён) обмануться, думая, что он сможет отделаться убийством Иисуса, как он уже поступал со многими другими известными пророками. Согласно Павлу, деревянный крест или дерево является ключевым компонентом ловушки, в которую попадали «власти века сего» (1-е Кор. 2:8) и которая приведёт злые империи «мироправителей тьмы века сего» (Еф. 6:12) к падению, поскольку «пред именем Иисуса преклонилось всякое колено» (Флп. 2:10).

Всё, что отклонялось от воли Бога, раскрытой Ною, Аврааму и Моисею в законе и Пророках, и истолкованное окончательно и точно Иисусом и его ведомыми Святым Духом апостолами, являлось ересью. Именно поэтому, когда вы читаете «Обличение всех ересей» Ипполита, с самого начала вы встречаете опровержение всех греческих философов до и после Сократа. Эти люди, как может показаться, мудрые, явно не знали о том, что они еретики, любая их защита вряд ли чего-то стоила; их поправили и отправили на покой. Ипполит нападает также на индийских браминов и друидов Галлии и Британии. Знал бы он что-нибудь о Лао-Цзы или Конфуции, они бы тоже были обличены.

В «Панарионе» Епископа Епифания, ереси начинаются с варварства и включают скифство (все нееврейские культуры, исходящие из рода ноева), элинизм, эпикурейство, стоицизм, платонизм, иудейство, фарисейство, садуккейство, книжников, иродиан, оссинов и назореев (христиан-евреев, не веривших в то, что Иисус был воплощённым Богом). Лишь не ранее второй части своей работы он начинает говорить о сектах гностического типа.

Культуры мира, если они не согласовывались с апостольской правдой, были неверными и сущностно еретическими в слове и деле. Такое всестороннее и полное осуждение не было чем-то удивительным для тех, кто унаследовал что-то из взглядов Иисуса и его первых последователей, настоящих назореев (ивр. «нацарим» — «смотрители» или «охранники» в смысле «стражи» или даже «пастухи»: те, кто искренне отстаивали и поддерживали святую традицию как её хранители и предводители). Иисус следовал пророческой традиции, упомянутой в Иер. 4:16, рассматривая нацарим как хранителей полномочий судить тех, кто искажил закон Израиля. Назареи составляли ядро сопротивления чужеродным и зародившимся в Иудее контаминациям, сохраняя веру в Божию волю к праведности (ивр. «цедек»), что касается формы поклонения и милость или милосердие (ивр. «хесед»), что касается отношения к ближнему.

Как становится ясно из канонического Евангелия от Иуды (1:14–15), вероятно написанного братом Иисуса с таким именем, пророк Енох объявил суд «Отцов Света» над злыми или падшими «смотрителями». В этой мысли Иуда следовал современной ему «свежей» Книге Еноха, где пророк Енох, основываясь на книге пророка Даниила, объявил осуждение Богом злых смотрителей, привязанных к Земле. Эти бунтующие смотрители, павшие с небес, как и *нефилим* из Бытия 6:4 (дабы совращать прекрасных дочерей человеческих и открывать искусства и науки, с которыми недостаточно повзрослевшее человечество не могло справиться), считались ранними христианами ангелами, правившими народами Земли. Отцы церкви, настроенные против гностиков, объявили их источниками ереси, поскольку падшие ангелы знали, что спасение человека призовет проклятие на них и наоборот. Эта теория объясняет полную фатализма позицию ересиархов. Согласно ересиологам, гностические учителя сами пали жертвами обмана злых ангелов, ослеплённые собственным якобы знанием. Это может удивить того, кто понимает, что основной идеей учения гнозиса было освобождение духа из хватки враждебных ангелов (архонтов), вера в которое явно коренится в Книге Еноха и учении Святого Павла!

Из всего этого можно заключить, что пантеоны богов, которым поклоняются язычники, представляют собой их тайных поработителей, падших Смотрителей, чьё злое семя сохраняется в поколениях, чтобы совращать умы тех, чьи давние предки когда-то присоединились к Ною в благодарном поклонении Всемогущему Отцу всего человечества. Именно по этой причине на преданных Смотрителей, хранителей Пути (или виноградников) и защитников истины (см. мою книгу «Отсутствующая Семья Иисуса») была возложена задача идти в мир и объявлять всем и всякому, что происходит игра злых сил.

Ортодоксальная интерпретация такова: пока евреи, греки, римляне и остальные народы принимают Иисуса как своего Господа, они все работают под гнётом ереси, трудясь тщетно в рабстве злых ангелов, власть которых может быть уничтожена только крестом Иисуса, обетованного мессии и Сына Божия. Если они желали спасения от неминуемого суда, им следовало услышать апостольский призыв к покаянию и спасению.

Теперь, вероятно, читатель сможет понять те ставки, которые были на кону битвы еретиков и ортодоксов. Что касается ортодоксальных христианских учителей, любое отклонение от апостольского

слова отлучало отклонившегося от ковчега спасения. Верующий должен был избегать чужеродных влияний любой ценой. Поскольку церковь второго и третьего веков не предполагала никаких методов принуждения, история развития государств создала почву для преследования еретиков. Церковь могла только уговаривать, отлучать и уничтожать книги и письма. В этом плане некоторые особо ретивые писатели дали много работы церкви. В этой главе мы рассмотрим некоторые их свидетельства.

ЕРЕСИОЛОГИ

Вот список ересиологов из отцов церкви, чьи записи о гностических верованиях и практиках дошли до наших дней: Иустин Мученик (ок. 100—165 гг. от р.х.), Ириней (ок. 130 — ок. 202), Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215), Тертуллиан (ок. 160 — ок. 225), Ипполит (ок. 170 — ок. 235) и Епифаний (ок. 310 — ок. 405).

Ириней (чьё имя значит «мир»), родившийся около 130 года от р.х., вырос в районе города Смирна в Малой Азии (ныне Измир в Турции). Там он слышал проповедь мученика Поликарпа. Поликарп получил апостольское слово от «Пресвитера Иоанна», традиционно идентифицируемого как апостола Иоанна, автора соответствующего Евангелия: есть также характерная приписка о том, что имеет место путаница Иоаннов, действовавших в церкви конца первого века в Малой Азии. Что касается Иринея, истинное слово пришло к нему нерушимым из апостольских источников и последовательно в основах своих с самого начала. В этом свидетельстве, однако, содержится весьма интересное и значимое несоответствие.

Ириней критикует еретиков за поедание мяса, продающегося на рынке, ведь оно предварительно подносилось языческим идолам. Это частое обвинение против еретиков, коим демонстрировалась слабость их моральных принципов и проязыческие тенденции, стремление дать обратный ход. Сложность в том, что Св. Павел сам ясно давал понять, что для сведущего христианина, не страдающего слабостью, как он характеризовал духовно незрелых членов церкви, мясо было просто мясом, как боги идолов не существовали, а идолы были просто деревом и камнем, частью творения Бога, как и животные. Христианина, которого ясно это осознавал, не стоило беспокоить, разве что (1-е Кор, 8) поедание мяса в компании заставляло бы более слабого

духом брата чувствовать, что воздержание от предыдущего греха (язычества) подвергается соблазну, и он может скатиться обратно к старым путям, размышляя об отринутых им ныне богах. Лучше, говорит Павел, не есть мяса вовсе, нежели создавать разлад или оскорблять братьев и сестёр. Несмотря на это, некоторое облако неясности над этим вопросом сохранилось и генеральная линия, принятая официально, была установлена в Иерусалиме (Акт 15), глася, что поедание идоложертвенного мяса запрещено — даже неевреям.

После разрушения Иерусалима (идеального места для мессианских собраний Иисуса) в 70 году, хватка еврейского христианства (ведомого до 62 года братом Иисуса Иаковом) серьёзно ослабилась, тогда как нееврейские церкви Малой Азии, Северной Африки, Рима, Галлии, Испании и Британии укрепились. Открытая практика греха в гностических сообществах предполагает, что у Павла было более детализированное учение на этот счёт, и вся его скандально известная позиция о неприменимости Торы к неевреям, бесспорно неявно ослаблявшая влияние закона на самих евреев, шла из глубин гностических кругов и вполне могла быть точкой и средством отмежевания от «более слабых братьев». Гностики весьма хорошо себя чувствовали при таком разделении, о чём всячески старался дать понять широкой общественности Ириней.

Ириней стал епископом Лугдунума (ныне Лион) в Галлии после того как в 177 году из-за преследования Марка Аврелия этот город потерял в мученической смерти своего предыдущего епископа, Пофина. Ириней пришёл в разрушенное сообщество. Важно понимать, за что умирали христиане. Ириней сочинил своё подробное собрание книг против «гнозиса, ложно так называемого» (*Adversus Haereses*) порядка 180 года от р. х., когда последователи гностического мага Марка, ученика Валентина, проявляли активность в Риме и долине Роны. Птолемеевские штудии ученика Валентина также проникали в церкви Рима. В предисловии к своей работе Ириней пишет: «Я говорю особенно об учениках Птолемея, чью школу можно описать как отпрыск валентирианской». Именно против Марка и Птолемея была нацелена Первая Книга работы Иринейя. Это следует иметь в виду, хотя у Иринейя было что ценного сказать обо всех связанных движениях, которые он знал и об их предшественниках в его понимании.

Ириней делает многие интересные обобщения касательно типов людей, приходящих в «гнозис, ложно так называемый»: они казались

скользкими, нахальными и временами до странности небезопасными. Во введении говорится о «благовидной системе» еретиков. Эту благовидность он старательно и часто очень остроумно критикует, не боясь вдаваться в детальное раскрытие гностических теософских построений, порой до скучного — это часть его метода развенчания манер гностической благовидности. Основная мысль, которую он пытается донести до читателя, заключается в том, что «их язык напоминает наш, однако их чувства весьма отличаются». Это весьма запоминающееся суждение опровергает утверждение, часто звучащее в наши дни: *все же они все были христианами*, не так ли? Только не для Ириней! Они были изгоями апостольского вероисповедания и должны были покаяться за свои богохульства, прежде чем искать возвращения в общину. Ортодоксальное большинство, руководимое такими лидерами как Ириней, никогда не допустило бы благоденствия эзотерических ветвей веры с их завышенными запросами. Выражаясь мягко, это называется конкурентной борьбой.

Ириней считал, что ядро ересей Марка и Птолея было получено от Симона Мага, известного современника Иисуса и его апостолов. Ириней был знаком с кратким, безусловно, пропагандистским, отчётом из Деяний Апостолов, в котором описывался обращённый самаритянский маг по имени Симон, восторгавшийся крещением Святого Духа Петра и Иоанна, в свете его большего воздействия на новообращённых, нежели крещение водой, которое сам Симон получил от апостола Филиппа. Симон пытался за деньги купить объяснение работы этой магии. За этот грех Пётр обличил Симона, назвав *симонией* грех приобретения церковного продвижения за деньги. В Деяниях, однако, ничего особенного не сказано о Симоне в контексте теософских спекуляций, только то, что самаритяне поклонялись Симону, который долгое время вёл активную деятельность в Самарии в роли «великой силы Бога».

Ириней прикладывает немалые усилия, чтобы показать, что *истинный гнозис* это знание Христа: христианское знание испуляет плотское бытие, нежели избегает его. В этом он, однако, противопоставляет себя такому фрагменту писаний, как 15:50 из первого послания Коринфянам Святого Павла, где сказано «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия». Как, спрашивает Павел, может тление наследовать нетление? Кажется, Ириней придерживается ортодоксальной точки зрения, согласно которой тело играет явную

роль в чудесном воскрешении верующего. С точки зрения Иринея это было как минимум ошибочным пониманием соответствующего апостольского отношения к месту тела в творении Божьем и его целей, в свете которых гностикам был присущ вопиющий, по его мнению, сексуальный либертинизм.

Слова Иринея положили начало основной ересиологической модели и его работы переписывались и распространялись разными путями Тертуллианом, Ипполитом и, много позже, Епифанием. Должно отметить, что среди этих мужей Иринея был, вероятно, наиболее сознательным в вопросе правильного изложения информации прежде включения сарказма и нападок.

Системы и люди, описываемые Иринеем, редко были предшественниками сочинения большей части того, что мы знаем как библиотеку Наг-Хаммади. Большинство работ в ней были сочинены, вероятно, в третьем веке и, возможно, в начале четвертого, перед тем как быть захоронены в Верхнем Египте около 367 года от р. х. Это следует учитывать, сравнивая точки зрения ересиологов второго века на т. н. «сексуальные проступки», с собственно текстами гностических евангелий. В кругу гностиковедов, а также в представлении общественности есть тенденция считать, что тексты Наг-Хаммади позволяют увидеть недостаток понимания такими людьми как Иринея темы, о которой они писали. Эти авторы стремились лишь очернить весь спектр гностических идей, ведь более всего гностицизм подвергал опасности авторитет церкви. Такое суждение есть предрассудок само по себе и его следует избегать.

В противоположность убежденности Исаака Ньютона, энкратиты не являлись прямыми наследниками гностических групп, их учение повлияло на гностические круги подобно тому, как он влиял на ортодоксальные церкви в конце третьего и четвертого столетий, формируя податливый материал гнозиса. То есть, некоторые гностические группы могли отчасти отказаться от прежней свободы под давлением критики ортодоксов и влиянием энкратитов, став много менее сексуальными или даже вовсе повернувшись против секса к концу третьего столетия и началу четвертого. Это объяснило бы, почему сама библиотека Наг-Хаммади обнаруживает свои корни в пахомианском монастыре рядом с Наг-Хаммади в Фав Кибли, месте зарождения христианских монастырей в четвертом веке трудами Святого Пахомия и его последователей в аскезе.

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Климент Александрийский, в отличие от Иринейя, писавшего в основном против еретиков, наиболее запомнился работами, в которых он старался осветить христианство с философской точки зрения: как заслуживающую уважения, настоящую и высшую философию, обладающую собственными правами. Обычной насмешкой в те времена была мысль о том, что христианство — предрассудочная религия для простаков. Поэтому Климент был гораздо более открыт тонкостям, нежели все другие ересиологи. Тем не менее, афинский преемник главы Александрийской богословской школы Пантена, Климент нацелил большую часть своей критики на то, что в великолепной книге о нём Х. А. Блэр (H. A. Blair) описывает как «образованные мыслители, захваченные магией и плохим мистицизмом[...] эклектики, одержимые интеллектуальным снобизмом «гностиков». Климент привзошёл их своим утверждением о том, что он сам был гностиком и учил полному гнозису христианской веры». Широта понимания, свойственная Клименту, не прошла незамеченной католическими авторитетами после его смерти: Папа Сикс V убрал имя Климента из римского мартиролага по совету Барония⁸ в 1586 году.

Гностики всех мастей попадали под образованный и критический взгляд Климента в его работе *Протретики* (Увещевание, ок. 195), *Педагоге* (ок. 198) и *Строматах* (ок. 198 Прим. перев.: кардинала Цезаря Барония. — ок. 203). Также он приберёт слово для еретика валентинианского типа Тоедота в своей важной работе *Excerpta ex Theodoto* (*Извлечения из Теодота*).

Климент Александрийский глубоко понимал идею всех архетипов (божественных формирующих идей), сходящихся к источнику и главному принципу, Логосу, божественной мудрости. Его видение морального совершенства, далёкое от крайностей, основывалось на этом принципе. Таким образом, в позиции, изложенной в *Педагоге*, касающейся секса, как промискуитет, так и абстиненция считаются противоестественными. Гомосексуализм, проституция, внебрачное сожителство, адюльтер и совокупление с беременными чужды, по утверждениям Климента, центральной цели рождения законных детей. Этих отклонений следует избегать. Цель — мудрость!

⁸ Прим. перев.: кардинала Цезаря Барония.

В работе *Строматы* говорится, что божественная мудрость, обретенная в вере чистым сосудом, в котором она может раскрыть зерно, способна обратить веру из принимающей, начальной позиции в научную уверенность (гнозис), знакомый ангелам Бога. Следует поступать в соответствии с мудростью, веря, доверяя тому, что Бог знает лучше. Опыт демонстрирует важность изначального принятия веры. Вера же, практикуемая через следование мудрости, может посредством неё перерасти в знание. То есть, как только человек признаёт брак чем-то сотворённым в соответствии с мудростью Божией, ему сразу становится ясно, почему гностики не должны отстраняться от брака (Климент в этих словах явно обращается к энкратитской ветви ереси). Секс, если он происходит с целью продолжения рода в рамках брака, является позитивным благом, или не просто терпимым, но и в некотором роде необходимым злом. Единственные мужи, которые должны сохранять целибат — те, которые в принципе не интересуются женщинами в сексуальном смысле, и такое воздержание следует посвящать Господу (такая точка зрения не совпадала с поздними католическими положениями о духовенстве). Климент понимал историю Эдема из Бытия как указание на то, что Адам и Ева были изгнаны из рая за совокупление (то есть, за знание того, что они были нагими) преждевременно. Они просто слишком рано начали. Они бросили веру в их Создателя и послушали вместо этого голос соблазна: ложную мудрость, обещавшую знание.

Климент не одобрял болтовни о Логосе, которой гностики предавались постоянно, видимо на основании принципа «ищите и обрящете». Бог в качестве Логоса есть откровение, а оно не может быть подвергнуто анализу. На откровение надо медитировать, а не расчленять его, поскольку разум не может постичь истинных мистерий бога. «Умное-умное» знание не имеет отношения к мудрости. В отличие от позиции гностиков касательно Демиурга, у Бога нет начала, он был и есть всегда, и является вечным универсальным Первопринципом, без коего нас бы не было.

ТЕРТУЛЛИАН

Квинт Септим Флоренс Тертуллиан весьма отличался от Климента Александрийского. Правовед из Карфагена на севере Африки, Тертуллиан не мог не применить правовые принципы к своему видению

гностиков и всех тех, кто, по его мнению, слишком свободно обсуждал содержание писаний. Тертуллиан не любил философию так же, как некоторые дети не любят кашу, требуя прямого понимания религии, которая, будучи однажды принята, отменяет всяческую нужду в дальнейшем поиске и обнаружении. В конце концов, говорил он, если вы ищете и находите, какую ценность вы можете приписать тому, что вы нашли, если вы продолжаете искать? Вы явно что-то упустили! Или, что хуже, вы не оценили того, что нашли. Те, кто отклоняются от истины, согласно Тертуллиану (а в эту категорию он включал евреев — нехристиан), не должны быть допущены к прикосновению к благам, которые они исказили. Еретики не имели права притрагиваться к писаниям. Они не были достойны присутствия при исследовании их работ, поскольку они нарушили божественный «копирайт». Таков характерный пример лаконичной позиции Тертуллиана.

Тертуллиан станет защитником харизматичного евангелизма нового пророчества монтанистов, начавшегося во Фригии от тех, кто обвинял его приверженцев в попутанности злыми духами. Основатель, Монтан, вместе со своими помощницами Приской (или Присциллой) и Максимиллой, работали со спонтанным, глубоким и полным энтузиазма вдохновением, исходящим от того, что они считали Святым Духом, а их связь с реальностью обеспечивалась дисциплиной, самоотречением и аскетической моралью. Их традиция пророчества Нового Иерусалима, по их заявлениям, шла корнями к дочерям апостола Филиппа (интересная приписка, в свете гностического Евангелия от Филиппа). Комбинация Святого Духа с апостольской традицией привлекла Тертуллиана так же, как она привлекла бы баптиста или бизнесмена-методиста сегодня: прямые люди, крепко стоящие на ногах в обоих мирах. Их учение не было делом ума: это было чистое христианство в действии. Философия, по христианским убеждениям Тертуллиана, была старой шляпой, и даже куда менее полезной, чем старая шляпа. Из-за неё можно было потерять голову. Лучше не иметь никакого рационального обоснования вере, нежели верить в ум как путь к истине. Знаменитым убеждением Тертуллиана является утверждение «верую, ибо абсурдно». Это — парафраз его реплики из книги «О плоти Христа», его работы против докетизма: *porsus credibile est, quia ineptum est.*

Тертуллианское христианство, не вдаваясь в подробности, наиболее распространено сейчас в мире и он является несомненным

героем католической теологии и церковного права: деловым типом, который очень полезен власти, если вы Папа. Из него бы получился хороший баптистский или методистский апологет.

Нападки Тертуллиана на гностиков можно встретить в его работах *De Praescriptione Haereticorum*, *Adversus Gnosticos Scorpiace*, *Adversus Marcionem*, *Adversus Praxeam*, и *Adversus Hermogenem*.

Ипполит

Ещё одним весьма качественным оппонентом гностиков был Ипполит Римский. Его имя означает «отпускающий коней»: так он и жил. Ипполит спускал свою интеллектуальную кавалерию на любого, кто, по его мнению, подвергал опасности апостольскую веру, даже если это были высшие церковные авторитеты. Патриарх константинопольский Фотий I, живший в девятом веке, считал Ипполита учеником Иринея, поддерживающего традицию, заложенную мучеником Поликарпом. Хотя это вполне может означать лишь то, что Ипполит придерживался основ *Adversus Haereses* Иринея. Нет причин полагать, что Ипполит не встречался с Иринеем, поскольку первый был церковным пресвитером в Риме при папстве Зефирина, который стал епископом столицы в 199, через несколько лет после смерти Иринея. Великий теолог Ориген (ок. 182 — ок. 254) слышал об Ипполите, когда был молодым. Ориген продолжил учёбу у Климента Александрийского, развив затем духовную теологию, за которую был осуждён некоторыми представителями ортодоксальных властей спустя век после своей кончины.

Обвиняя епископов Рима в смягчении этических требований, налагавшихся на языческих новообращённых, Ипполит отклонился от них в 217 году. Консервативно придерживаясь апостольской традиции, несмотря на политические «реалии», Ипполит давил на церковных лидеров, что превратило его в настоящего героя среди тех представителей католической церкви, которые сегодня выступают против либерализации доктрины. Считается, что Ипполит в середине третьего века заплатил за свою веру цену мученической смерти во время короткого и нестабильного правления императора Максимиана I Фракийца (прав. 235—238 гг. от р. х.).

В 1851 году, копии книг с четвёртой по десятую *Обличения всех ересей* были найдены под именем Философумена в греческом

православном монастыре на горе Афон. Книги 2 и 3 не найдены, а книга 1 долгое время обслуживала потребности непрекращающейся борьбы с ересями. Другие ссылки на гностические ереси, описанные Ипполитом можно встретить в его *Письме к Диогену* и в его работе *Синтагма*, о которой мы знаем только из тех фрагментов, которые епископ Епифаний Саламский использовал в своей антиеретической работе *Панарион*.

Стоит отметить, что Ипполит написал о Софии в комментарии к Песне Песней Соломона, тексту, который он считал аллегорической экзальтацией предвечной любви, освящённой в союзе между Израилем, Христом и христианской церковью.

ЕПИФАНИЙ

Епифаний Саламский (ок. 310/320 — ок. 405 гг.) обычно считается самым небрежным из всех ересиологов. Своё антиеретическое послание он поместил в произведение *Панарион*, сочинённое им где-то между 374 и 377 годами: весьма поздний выход на антиеретическую сцену. «Панарион» это греческое слово, обозначающее ящик с лекарствами. Считалось, что каждая ересь содержит свой собственный яд, каждый из которых многоцелевой сборник Епифания способен был обезвредить и удалить. Епифаний зашёл настолько далеко, что обозначил пятьдесят животных, отвечающих за каждый штамм ереси. У каждого животного собственный особый укус. Эбиониты (еврейские христиане, не принявшие идею того, что Иисус был сыном Божиим) были связаны с многоголовой гидрой. Гностическая ересь предсказуемо была связана с укусом беззубой змеи, её хватка не смертельна. Одна только эта идея даёт нам представление об окраске и качестве подхода Епифания. Он весьма ценил собственный юмор, был нетерпимым выскочкой, всегда готовым к бою.

Епифаний родился в Элевтерополе («свободный город») в Палестине (ныне Бейт Гуврин, Израиль). Родившись в десятилетие, когда император Константин выпустил Миланский эдикт (313 год), он мог принимать за данность начало новой эры для христианства, когда сам император даровал терпимость по отношению к христианам. Вопрос теперь было, какое именно христианство достойно терпимости, а какое нет. Вопрос пришёл в голову участникам Никейского Собора в 325 году, где, помимо разных странностей, церковь разделилась

на тех, кто разделял верования Ария, пресвитера Александрии, и сторонников верований епископа Александрии, качественно продвигаемые его помощником, Афанасием, который спустя три года займёт сам епископское место. Собор проводился под эгидой императора. Арианская ересь, возражавшая против божественности Христа, на соборе была осуждена. Иисус был официально признан «единосущностным с Отцом» и те, кто не желал быть отлучён от общины, должны были придерживаться этого же мнения. Далее был принят никейский Символ веры, который стал непреложным для всей церкви.

Епифаний пылал идеей отделения еретиков от истинной веры. Пользуясь свободами нового века, Епифаний пришёл молодым монахом в Египет (весьма экспериментальный, новаторский способ жить в те времена). В Египте он встретил ряд валентинианских групп, а также различные малые общины, практиковавшие то, что из его рассказов может показаться экстремальными ритуалами, сексуальной, даже эмбриоцидальной природы. Вернувшись в Палестину, Епифаний основал собственный монастырь в месте под названием Ад где-то между 330-м и 340-ми годами. Он был епископом Саламиса на Кипре в промежуток между 365 и 367 годами. Последняя дата особо примечательна, поскольку в это время, согласно принятому в учёной среде летоисчислению, в кувшин у подножья горы Джабаль Аль-Тариф около Аль-Касра в Верхнем Египте была заложена библиотека Наг-Хаммади. В год 367 епископ Афанасий в Тридцать седьмом Праздничном Письме приказал уничтожить еретические книги, которые, по его сведениям, были в хождении в новых египетских монастырях. В письме был представлен список одобренных церковью канонов апостольских и ветхозаветных книг. Нет нужды говорить, что там не было Евангелия от Фомы, Евангелия Истины, Евангелия от Филиппа или любой другой из сорока девяти книг, погребённых рядом с пахомианским монастырём в Фав Кибли.

Епифаний был епископом Саламиса порядка сорока лет. Он много путешествовал, боролся с неортодоксальными верованиями и практиковал весьма жёсткий, инициативный подход к управлению. Согласно одной знаменитой истории, которую он с гордостью рассказывал, ему удалось найти одну палестинскую церковь, внутри которой висела дорогая завеса, украшенная образом Иисуса. Епископ тут же её сорвал. Основываясь на второй заповеди, Епифаний не терпел изображений Господа в доме Святого. Когда член церкви потребовал

с него денег в возмещение, Епифаний приказал за свои собственные деньги изготовить тончайшей работы завесу с доставкой в ту церковь. Это должно нам что-то говорить о поведении этого человека.

В 399 году Епифаний оказался в конфликте с Иоанном II, епископом Иерусалима. Епифаний осуждал неортодоксальное учение Оригена, Иоанн же наоборот поддерживал его работы. Первоначально поддерживаемый Теофилом, епископом Александрии, Иоанн поменял своё мнение в ответ на пламенные и вполне серьёзные выпады со стороны Епифания, после чего Теофил в Египте стал преследовать монахов-оригенистов. Как говорилось, Ориген был слишком александрийским, слишком терпимым к еретическим верованиям. Его сохранившиеся записи представляли опасность для церкви, поскольку, хотя многое в них или даже большая часть заслуживало одобрения, они могли нести в себе яд, делающий всю вместе его работу ещё опасней, поскольку читатель мог впитать ересь, не осознавая того, и приняв её за божественную истину по ассоциации.

Быть мёртвым не значило освободиться от осуждения. Церковь вошла в новый век судебной доктринальной строгости и яростного противостояния всему, что не совпадало с её учением. Люди вроде Епифания вершили дела на основании того, вероятно, что идеи, заложенные такими святыми как Ириней почти два века назад, теперь можно было провести в жизнь насильственно, с одобрения императора. Епифаний сам по себе не сильно заботился изысканием точных деталей еретических верований и практик из реальных источников. Всегда ревностный, он признавал, что многое, известное ему об Оригене, было слухами. Как порой напоминал мне мой преподаватель новейшей истории, это ещё не делает учение ересью. То же касается и критики Епифанием гностических групп — тут для него любой источник был годен (он во многом опирался на работы Иринейя, на ныне потерянную Синтагму Ипполита и утраченную работу мученика Иустина [ок. 150 от р. х.]). Задачей Епифания, как он её видел, было не понимание ереси, а её уничтожение любыми доступными средствами. Как доктору, борющемуся с гангреной, ему не требовалось изучать феномен, когда долг требовал изыскания способов немедленного удаления конечности.

КАК БЫТЬ СУПЕРМЕНОМ

ПЕРВЫЙ ГНОСТИК

«[...] Что же касается их мистерий, то, говорят, впервые услышавший о них приходит в ужас и, по словам одного из их писаний, цепенеет. От них действительно можно оцепенеть; они полны неистовства и безумия; это нечто такое, о чем нельзя не только писать, люди здравомыслящие не смогут об этом и рассказывать — столько там гнусного и такого, о чем не скажешь. Их отвратительная ересь превзошла всё, что только можно представить грязного и мерзкого. Они издеваются над несчастными женщинами, которые действительно утопают во всяческих грехах»⁹.

Эти полные страха и ужаса слова принадлежат перу оригениста Евсевия (ок. 184 Прим. перев.: кардинала Цезаря Барония. — ок. 253), епископа Кесарийского (после 313), дабы описать последователей Симона Мага и его супругу Елену¹⁰. Информация была почерпнута у Иустина Мученика из его работы «Апология», адресованный Антонию Пию (ок. 147 — ок. 161) и у позднего Иринея. Евсевий, писавший между концом 290-х и 324 от р. х., согласен с церковной традицией, согласно которой Симон Маг был «первым автором всей ереси». Евсевий подразумевает под этим, что Симон первым вступил в спор с апостолами, представив доктрины, по мнению Евсевия ставшими фундаментом дальнейших верований и практик гностического типа.

⁹ Приведено по изданию Евсевий Кесарийский, «Церковная История», ISBN 97853670045645942788065.

¹⁰ Ibid, т. 2, гл. 13.

Иустин Мученик предоставил информацию, что Симон родился в Гитто, самарянской деревне (рядом с современным Наблусом, идентифицируемом как Kuyet Jit) и, что он был активен в Самарии в правление Клавдия (40-е и 50-е от р. х.). Его последователи поклонялись ему как «первому Богу» и как «Великой Силе Бога». Он был известен также как «стоЯщий». Это слово несло апокалипсическое, иоанновское значение (см. мою книгу *Мистерии Иоанна Крестителя*). Согласно весьма поздней иудеохристианской пропагандистской работе, антипавловскому роману Псевдо-Климентины (ок. 325 г. от р. х.), Симон был коллегой Иоанна Крестителя и, если бы Симон не был в Александрии, когда Иоанн был казнён (ок. 36 от р. х.), он мог бы стать преемником Иоанна.

Интригующая история рассказывается Иосифом¹¹ об одном самарянском сорви-голове, вытащившем народ собраться для процессии от Тиратабы до святой самарянской горы и храма на горе Гаризим (около Наблуса) в Самарии в 36 и 37 гг. Звучит так, будто Симон, которому, согласно отцам церкви, поклонялись множество людей в Самарии, своими магическими действиями весьма беспокоил апостолов. Самаритяне не признавали Иерусалим местом божьего храма. Фактически, этот безымянный самаритянин, заставивший большое множество народа верить, что святые свитки Моисея были спрятаны в горе Гаризим (со слов Иосифа), был косвенной причиной громадной резни, произошедшей в Тиратабе, когда люди ожидали там откровения. Собрание у Тиратабы соседствовало с подготовкой сирийским правителем Вителлием похода на юг через Самарию против Набатеи. Боясь, что самарянское восстание расстроит планы Вителлия, Препфект Иудеи Понтий Пилат отправил в Тиратабу кавалерию, с приказом убить сильнейших из захваченных. В Евангелии от Луки 13:1—5 есть ссылка на убийство римлянами «галилеян», что может описывать эту резню, поскольку римские военные рассматривали слово «галилеянин» как синоним слову «смутьян»: оно относилось как к самарянским националистам, так и к фанатикам из Галилеи. Фактически, жалоба самарянского сената Вителлию на поведение Пилата привела к тому, что Пилат был вынужден отправиться в Рим в 37 году. Этот процесс явно был связан со смертью императора

¹¹ Иосиф Флавий, *Иудейские ценности*, гл. 4, 18.

Тиберия и восходом Калигулы. Эти события, как я пишу в своей книге *Мистерии Иоанна Крестителя*, обусловили суд и распятие Иисуса, которое я уверенно датирую мартом того года.

Существует достаточное количество информации о Симоне (который разделял имя со столпом церкви, известным как Пётр), чтобы дать нам возможность расценивать рассказ о Симоне в Деяниях как просто ещё один фрагмент таинственной мозаики, по которой разбросано историческое существование Симона Мага.

Весьма интригуют при этом те связи, которые в Деяниях проведены между Симоном и крестильной деятельностью Филиппа. Согласно Деяниям, Симон получил крещение водой от Филиппа, но большей интерес в нём возбудило, согласно истории, крещение Духа Святого из рук Петра. Если Симон Маг был соратником Иоанна Крестителя, тогда у него не было необходимости в богослужебных услугах Филиппа. Вероятно, сам Апостол Филипп как-то входил в окружение Иоанна или Симона, или их обоих.

Кажется весьма вероятным, что церковная традиция того же времени, когда были написаны Деяния, требовала, чтобы повествование показывало Симона как врага, отпавшего от спасения иисусова, а не как независимого религиозного гения. Нам известно, что при попытке понять отношение примитивной церкви к крещению Иоанна и его последователей, столь приукрашенных в Деяниях, существуют серьёзные сложности. Мы также знаем, что муж по имени Аполлос в Деяниях (18:24–25) и в письме Павла (см. I Кор. 1:12), сведущий в Писании и знающий только крещение Иоанна — недостаточное, согласно Павлу — пришёл из Александрии. Павел утверждает, что пришёл к согласию с ним, но он и Аполлос, так или иначе, пошли разными путями. Если бы у нас только была машина времени, посмотреть, как это всё вписывается в контекст того времени! Я уверен, последовательность событий серьёзно отличалась бы от традиционного описания.

Весьма примечателен и потенциально может многое нам сказать факт отсутствия в Деяниях (в истории о попытке приобретения Симоном магии Святого Духа) какого бы то ни было упоминания о его супруге. В остальных повествованиях о Симоне она достаточно последовательно именуется Еленой. Из источников становится ясно, что она была не просто его спутницей в постоянных путешествиях, но была центральной фигурой и символом его персонального культа. С греческого *helenē* означает «светоч»; она источник его озарения. Видимо, весьма многое

из мифологии, окружающей её предполагаемое воплощение как Елены Троянской, дочери Зевса и Леды, похищенной в земное воплощение Парисом (в параллель с историей архонтов), создано Симоном. Имя включает в себя полный гностический символ.

Симониане поклонялись образу Симона и Елены на своих собраниях, принося жертвы и совершая возлияния пред ними: скандальное действие для ортодоксов, повсеместно рассматривавшееся ересиологами как типичное гностическое богохульство. Карпократиан также обвиняли в поклонении изображениям их духовных и философских предводителей, включая Иисуса. Изображения Иисуса и в нынешние времена, конечно, распространены в церквях, развлекательных учреждениях и спальнях.

У нас есть весьма красочная история о любви «с первого взгляда»: Симон обнаружил Елену в публичном доме в Тире финикийском, поняв, что эта недостойная, попираемая всеми шлюха — его потерянная Идея или Первая Мысль с первых времён, ещё до того, как он, Симон, как первый Бог, оказался вмешанным в сотворение космоса и его демонических управителей, постоянно насиловавших Елену в ходе её порочных воплощений. Последователи Симона, которые, как Евсевий убеждает нас верить, дотянули (sic!) до четвёртого века, считали двоих вечной сизигией, обещающей освобождение от властей этого мира. Вероятно, Елена была изначальной «шлюхой с сердцем»¹².

Очень трудно избежать ощущения, что вся эта история Симона и его спасённой проститутки имеет некоторую историческую истину под собой: не улавливаем ли мы в ней отблеск того яркого, чуждого и рискованного юмора этого пронизательного самарянского эгоиста, которого церковь считала жертвой его собственной раздутой гордыни?

Вера в то, что Симон мог летать, как повествует широко известная история отцов церкви, Пётр призвал Симона на дуэль воли в Риме. Симон действительно, согласно Деяниям Петра и другим апокрифическим сообщениям, летал с помощью магии, однако Пётр умолил Господа отобрать силу у демонов, поддерживавших полёт Симона. Симон погиб, судя по всему, из-за ран, полученных вследствие этой

¹² Прим. перев.: американский литературный архетип, включающий образ куртизанки или проститутки, обладающей внутренней целостностью и добротой, обычно пример иронии: кажущаяся аморальной женщина демонстрирует добродетели, отсутствующие у других

молитвы и, согласно сообщению Иустина Мученика, был удостоен в Риме статуи и надписи. Эта предполагаемая надпись была найдена на одном острове на Тибре в 1574 году, и прославляла она бога Санкуса, а не Симона. Либо латынь Иустина была слабовата, либо он знал эту историю по слухам! История смертельного полёта Симона была пересказана в фильме с первой крупной киноролей Пола Ньюмэна, «Серебрянная чаша» (1954), где в утончённой роли злодея Симона сыграл великолепный и пугающий Джек Пэланс. Пол Ньюмэн сожалел о фильме, однако это смелый шаг диссидентского творчества в робкие 1950-е годы Голливуда, который просто немного не удался, будучи несколько слишком артистичным (с доминирующими символистскими тропами), экспериментальным и не от мира сего — вероятно, как и сам Симон Волхв. В 1994—1995, Колумба Пауэлл и я написали сценарий к комедийному фильму о путешествиях во времени, с главным героем Симоном Волхвом. Он ищет Елену в киноиндустрии 1920-х годов, строя изящный план отправиться обратно в первое столетие и заснять Воскрешение! Как оказывается, «Незванные гости» (*The Gatecrashers*) свидетельствует хотя бы о том, что, несмотря на противников Симона среди отцов церкви, его образ ещё актуален и не пропал с глаз долой к вящему удобству церкви.

Надеюсь, читатели мне простят это отступление, но оно даёт нам некоторое ощущение этой примечательной личности или, если хотите, сумасшедшего сукина сына, которого все ересиологи рады видеть отцом «гнозиса, ложно так называемого». Если они были правы на этот счёт — хотя уверенности в этом мало — Симон Волхв должен быть героическим образом. Весьма прискорбно то, что почти невозможно взглянуть за рамки образа, рисуемого (но не почитаемого) его врагами, «прямыми учителями» или ортодоксами, которые отвергают и поносят его и всё с ним связанное по сей день.

СЕКС И СИМОН

Помимо упоминаний в Деяниях, информация о Симоне из уст Иустина — первая весточка о нём, появившаяся почти через столетие после славных дней Симона. Что бросается в глаза из очевидно враждебных рассказов Иустина о Симоне, так это невозможность отрицать, что с самого начала образ Симона в умах ересиологов был связан с сексом. Более того, секс явно имеет прямое отношение к самому

Симону и в его заявлениях, касающихся него самого. Давал ли он некоторый взгляд сверху, комментарий специалиста, касавшийся заявлений очередного мессии, активного в Финикии, в Галилее и Иудее? А может Симон был созидательным персонажем, который мог написать сценарий *Житий Брайана*¹³, дабы осветить домыслы, рьяно используемые «агнцами», бездумно следующими знакам и чудесам? Ибо Симон знал всё о знаках и чудесах: они были его основным товарным запасом. Как Тёрнер в известном кино 1969 года «Представление» Ника Роуга и Дональда Кэммелла, Симон знал кое-что о том, как *представить*. Он умел не только фокусничать, друг мой. Он мог управлять толпой. Как говорит Тёрнер в этой бесконечно чарующей постановке: «имеет значение только представление, единственное, что «доходит»... *то, что доходит до сумасшествия!*»

Что нам думать о человеке, который подобрал в борделе проститутку, презренного человека, и сделал её своей королевой небес? Он романтик? Елена — шлюха. Симон делает её своим другом, ставит её наравне с собой. Каким они, наверное, были дуэтом! Но играли ли они? Было ли это всё позёрством, как у Алистера Кроули с его «Багряной женой» или, снова-таки, как у Кроули, это что-то действительно глубокое? Пока что нам придётся удовольствоваться рассказами ересиологов. К сожалению, я знаю, но тут нам не кино, это расследование, давайте не забывать. Расследование по следам гностической плотской любви.

Тема ревнивых ангелов, проявляющихся как Бог, встречается в раннем слое симонианского дискурса, однако мы не знаем, сколько из этой темы было перенесено в прошлое в середину первого века «огностиченными» симонианами второго века. Вероятно, предполагаемые последователи Симона второго и четвёртого веков уже были гностиками, лишь переключившими своё внимание на легенду Симона: истории о нём сделали его весьма вероятным кандидатом на гностическую мифологизацию. Однако вполне вероятно и то, что Симон самомифологизировал себя и толковал свой опыт на основе экстравагантно синтетического, оригинального личного мифа, чтобы удивлять впечатлительную публику. Согласно оппонентам, он был весьма

¹³ «Житие Брайана» — комедия 1979 года, написанная, поставленная и сыгранная участниками комик-группы Монти Пайтон.

неплохо подготовлен к смене личности. Так, согласно повествованиям, он явился как Сын среди иудеев, как Отец в Самарии и как Святой Дух у других народов. Однако его знаменитость при жизни была построена не на теологических доблестях, а скорее на умении обманывать глаза «чудесами». Какая часть его магии была чистым трюкачеством, много ли в ней было оккультного и сколько в ней было просвещённого манипулирования необразованностью толпы, мы уже не узнаем. Что бы он ни делал, он был весьма хорош в этом, будучи реальной опасностью для ранней церкви.

Связь между Первой Мыслью Симона, скорее всего, порождением александрийской философской мысли, и Еленой, вынужденной работать в тирском борделе, заставляет нас призадуматься. Особенно, учитывая гностические представления второго века о Мудрости как одновременно девственнице и шлюхе: она свободно отдаётся каждому, но неизменно остаётся чистой. Она «сожительствоует» с миром, будучи неотъемлемой соучастницей эволюции, оставаясь при этом ослепительно чистой, решительно во всём божественной, буквально нетронутой прогрессом. Она та — кого мир не может очернить. Мне легко представить умного, вероятно, слишком умного человека, использующего такие идеи для приукрашивания своих дел, вешая последователям на уши свои байки. Конечно, если только он не верил до глубины души в то, что Елена была на самом деле Мудростью, попираемой временем, вынужденной из-за козней злых ангелов постоянно перевоплощаться. Отголосок этих мыслей присутствует в обычно весьма чувственно подаваемых историях об Иисусе, шатающемся (как мы бы сегодня сказали) с проститутками, спасителю дев, пойманных на месте преступления, допускающем к себе и даже исцеляющем женщину в «критические дни» (в еврейском лексиконе это «нечистая» женщина). Все эти сообщения воспринимались гностиками как аллегории, иллюстрирующие и обосновывающие их системы. И, не стоит забывать, что в гностическом Евангелии Филиппа третьего века, Мария Магдалена стала символом самой Мудрости и супругой (чем сильно напоминает тирскую Елену) Спасителя, который часто её «целует» (то есть, передаёт ей от духа своего). Всё это весьма интригует. Нам бы исследовать поглубже этот миф, породивший столь много отголосков, но мы ещё не выяснили, учил ли Симон каким-нибудь особым сексуальным практикам, передавая их своим реальным или ожидаемым адептам.

Что говорил Иринея?

«Этот Симон самарянин, от которого произошли все ереси, образовал свою секту следующего содержания. Он, выкупив в Тире, финикийском городе, некоторую женщину, по имени Елену, водил ее всюду с собою и выдавал за первую Мысль (Εννοια), мать всех вещей, чрез которую он в начале замыслил создать ангелов и архангелов. Ибо эта Мысль, выходя из него, и зная волю своего Отца, низошла в нижние области (пространства) и породила ангелов и власти, которыми, по его словам, и сотворен этот мир. После того как она их произвела, была она задержана ими из зависти, так как они не хотели считаться порождением какого-либо другого существа. Его самого они вовсе не знали; а его Мысль была удержана порожденными ею властями и ангелами и терпела от них всякое бесчестие, так что она не возвратилась к своему отцу и даже была заключена в человеческое тело, и по временам, как бы из сосуда в сосуд, переходит из одного женского тела в другое. Она была в той Елене, из-за которой произошла Троянская война: поэтому, также был ослеплен Стезифор, который поносил ее в своих стихах, но после, когда он раскаялся и написал так называемые палинодии, в которых он ее восхвалил, опять получил зрение. Странствуя из тела в тело, терпя от сего всегда бесчестие, она наконец отдалась в развратный дом; она-то и есть погибшая овца» (*Adversus Haereses, I.23, 2*).¹⁴

Что же, никаких следов необычных сексуальных практик. Даже наоборот. Бедная Елена снова и снова страдает по вине созданных ею же сил от сексуального притеснения в течении всех времён.

Стоит отметить в этом тексте две вещи. Во-первых, Иринея использует выражение «выходя из него»¹⁵. Положение о преждевременном

¹⁴ Приводится по изданию Св. Иринея Лионский. Творения. — М.: «Паломник», «Благовест», 1996.

¹⁵ Прим. перев.: в дальнейшем своём суждении автор основывается на английском переводе этого пассажа, где используется фраза «leaping forth from him», несколько более экспрессивная, нежели цитируемый её русский аналог.

созревании Софии было разработано в других гностических системах до вида полномасштабной, ведомой сексуальным зовом экстраверсии Софии, которая, как мы говорили, вызывает повреждение в гармонии Плеромы. Здесь, однако, сотворение ангельской иерархии представлено не как ошибочное, а как верное понимание Софией отчей воли, в отличие от трактовки валентинианцев.

София застряла на нижнем уровне своего творения по причине зависти. Ангелы, желавшие обладать ею, нейтрализуют её силы и, не зная полностью своих корней, не могут смириться с идеей высшего существа. Насколько я знаю, никто ещё не предлагал идею, что под этим мифом лежит скрытое сообщение о том, что греческие и римские боги суть завистливые и сексуально агрессивные поработители монотеизма самаритян, с которыми Симон себя идентифицирует, пусть и феерически наглым путём. Я бы также предположил, что мы видим в действии всё те же соображения о духовном истеблишменте, которые встречаются в чисто иудейской форме в «*Книге Еноха*», самом горячем сочинении первого столетия (утраченный текст которой, кстати сказать, привёз в Лондон шотландский исследователь Джеймс Брюс в 1774 году вместе с гностической «*Книгой Иеу*»).

Кажется весьма правдоподобным, что классические гностические архонты (управители), злые ангелы, контролирующие материальный мир, что присуще всему спектру гностического мифа, были вариацией на тему, представленной в «*Книге Еноха*». Об этой теме я рассказываю в своей книге «*Потерянная семья Иисуса*» и «*Мистерии Иоанна Крестителя*», дабы объяснить служение против демонов или деятельность Иисуса и Нацарим (Стражников, Хранителей или Охраны).

В самой ранней части «*Книги Еноха*», которая была в хождении по имеющейся информации в 37 году, Енох призван из Дана (Кесария Филиппи) обнародовать божественное намерение навечно заключить в кандалы злых, падших Смотрителей. Они, согласно Быт. 6, бежали с неба, влюбившись в красоту дочерей человеческих и чьей похотью *Нефилим* или «дети Бога» произвели на свет расу гигантов¹⁶. В *Книге Еноха* рассказывается об искажении творения Бога этими

¹⁶ Прим. перев.: нефилим и есть гиганты: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди». Быт. 6:4.

существами, а избавление от них являлось апокалиптическим сценарием космического значения. Весьма существенно, что эти падшие Смотрители идентифицировались с богами в мире неевреев. Столь подрывная мысль могла лишь придавать уверенность евреям и самаритянам, подавляемым жестокими властями Римской Империи.

Идея *ta stoicheia tou kosmou* («вещественное начало мира») Святого Павла из Гал. 4:3, 9 и Кол. 2:8 сравнивалась в Еф. 6:12 (долгое время ошибочно считавшейся единственной работой Павла) с князьями и силами, враждебными Христу. Послание Иуды (Иуда, 1:14, вероятно написанная братом Иисуса во времена преследования Иродом Агриппой в 40-е года от р.х.) правильно соотносит пророчество против злых Смотрителей с Енохом. Если исторический Симон Волхв говорил, что его Елена с начала времён одолевается ангелами, пророческая картина Еноха, видимо, была ему известна. Помимо того, основная идея уже встречается в Быт. 6, знакомом самаритянам. Елена была лишь первой, кто был сексуально порабощён злыми силами, завидующими её впечатляющей сексуальной природе и красоте ума, стремившимися опустить её до своего развратного и эгоистического уровня.

Такой вывод предполагает, что Симон был своего рода добрым протофеминистом, сочувствовавшим тем, кто подвергался разложению и сексуальному притеснению в реальном мире. Освобождение, организованное им, оказывается трансформацией мага: он отрицает сам мир как трюк, галлюцинацию, и изобличает его архитекторов. Он может практиковать свободную любовь, потому что освободил свою любовь от хватки вредителей мира. Как маг своего времени, он безусловно был знаком с предписанием Еноха, что в положении мира следует винить Азазеля, предводителя падших енохианских Смотрителей. Первым долгом мага было ознакомиться с правящими демонами мира и подчинить их своей власти. Если Симон реально предпринимал этот путь, у него был резон считать себя выше мира и богом в человеческом облиции. Мы должны признать особый интерес магов к религии, как базису теоретического и эпистемологического содержания для практического применения. Если Енох объявлял злых Смотрителей привязанными приказом Отца Света к Земле, тогда маг мог, теоретически, управлять ими, пока его сознание было достаточно экзальтировано. Эта экзальтация сознания в единство с Одним вне творения (Отцом) выглядит как основа, поддерживающая утверждения последователей (обратите внимание!) Симона, сделанные ими за их учителя.

Не потребовалось особых усилий, чтобы мысль об управлении мира злыми ангелами, замешанными в первом творении, развилась (если это можно так назвать) в вопрос о том, а не испорчены ли этими ангелами и святые писания евреев. То есть, что слова, приписываемые Богу в писаниях — на деле тайная обманная работа низших сил или одной доминирующей, но низшей силы. Так выходит, что характеристики еврейского бога, выраженные в писаниях: его зависть, злоба, нетерпимость, стремление к завоеванию, жестокость, капризность — все вместе составляли суть низшего божества-поработителя.

Надо помнить, что Симон был самаритянином, а еврейские религиозные власти ненавидели самаритян. Их обвиняли в том, что у них была ложная версия моисеевых законов, самаритяне были в сути своей чужаками (якобы бывшими переселёнными ассирийскими властями в область, бывшей Израилем из Куты там, где сейчас Ирак, и других мест), потому что ложно верили, что гора Гаризим это место, где Бог велел утвердить его имя, а также за терпимость к язычеству и практику оного. Когда Иисус в Евангелии от Луки сообщает притчу, в которой самаритяне лучшие соседи ограбленному, чем религиозные власти Иудеи, он, конечно, повергает в шок большинство своих слушателей. Самаритяне были, без сомнения, вне себя от удовольствия.

Поскольку у нас есть свидетельство, что Симон предпочитал гору Гаризим иерусалимской Храмовой горе (самаритяне видели себя хранителями, стражами и блюстителями закона времён до вавилонского пленения — у них была собственная версия доизгнаннической Торы) и, что Симон, предположительно, был тем самым лидером, о котором говорит Иосиф Флавий, призвавшим людей в поход к горе Гаризим, дабы найти аутентичные тайные священные сосуды Моисея (вместе с Ковчегом?), кажется вполне уместным полагать, что Симон Волхв был заинтересован в доказательстве неадекватности драгоценной иудейской традиции святых манускриптов, в значительной части которых самаритян всячески очерняли и покрывали клеветой.

Это стало одним из возможных корней того, что стало в большей части мифом о гностическом демиурге, в котором несовершенное божество установило себя угрозами высочайшим Богом, вооружённым дубиной закона, но он не был отцом Иисуса, ангела, пришедшего на Землю как человек. Это понимание помогает нам также чётко уяснить, почему вопрос секса постоянно поднимается в гностическом и антигностическом контекстах. Интуиция Симона могла открыть перед ним

истинный сексуальный импульс, являющийся импульсом божественного сотворения, Первой Мысли, магической силы, которая оказалась порабощённой и извращённой людьми, запуганными ложными богами.

Секс — это основное поле битвы между ересью и ортодоксией, где в вопросе исторической клеветы ортодоксия чувствовала, словно бы одержала победу над самим Азазелем, великим Искусителем!

Если это секс занес злых Смотрителей с неба на землю, не могли искуплённый секс вернуть благих Смотрителей обратно к их вечному дому?

Только если вы не Ириней!

Следующий пассаж Иринейя, несмотря на свой ожидаемый эффект при передаче верований симониан, наоборот точно подтверждает интерпретацию магии Симона, которую я давал выше. Если отвлечься от негативной нагрузки, наполняющей это сообщение, можно увидеть чёткую метафизическую аргументацию свободной любви и, если мне будет позволено так сказать, космического секса! Неудивительно, что у Симона были сторонники!

«Поэтому, Он пришел Сам, чтобы опять взять ее к себе и разрешить ее от уз, а людям доставить спасение чрез познание Его. Так как ангелы худо управляли миром, потому что каждый из них стремился к верховной власти, то Он пришел для исправления вещей и сошел, преобразившись и уподобившись силам, властям и ангелам, чтобы явится среди людей, хотя Он не был человек; и показался пострадавшим в иудее, хотя он не страдал. Пророки же предсказывали вдохновляемые ангелами, устроителями мира; поэтому, на них более не обращали внимания те, которые веруют в Него и в Его Елену и, как свободные, делают, что хотят; потому что люди спасаются Его благодатью, а не за дела праведные. Ибо дела праведны не по природе, а случайно, так как ангелы, создавшие этот мир, установили это, имеет в виду посредством таких заповедей поработить людей. Поэтому, Он обещал, что этот мир разрушится, и что Его последователи освободятся от власти сотворивших мир». (*Adversus Haereses, I.23, 3*)

Если моя интерпретация следует верным путём, мы можем видеть сразу, что даёт гностической сущности её особый дух, который столь

бесил ортодоксальные умы. Это была либерационистская религия, рождённая магом. Гнозис в своей сути — магическая религия. Не довольствуясь метафизической теорией, она включает в себя, исходя из примера Симона, метафизическую практику. Она становится двигателем воли, и воли к власти: позволяя людям возвышаться и достигать небесных высот, приводя к громким заявлениям в герметическом Асклепии¹⁷: «Великое чудо, о Асклепий, есть человек!»

«Нет!» — кричит Ириней, ведя главную партию в ортодоксальном оппозиционном хоре, «напротив: человек — великий грешник! И ничуть не больше того, чем является Симон Маг!»

Ириней вряд ли понимал, насколько сказка о Симоне, предлагавшем деньги за трюк с низведением Святого Духа возложением рук, осмысленна для ироничного мага и пародийного мессии, желающего знать, как Иисус передавал эту тайну своим последователям. В этом контексте интересно упомянуть, что в гностической литературе Иисус передавал своей Дух Святой не через руки, как было в апостольском ритуале Павла, а через поцелуй, то есть, передавая дыхание жизни из уст в уста. Высокие намерения такой традиции, безусловно, весьма легко опровергнуть, и тон последних слов Ириней о Симоне Волхве дают ясно понять, что Ириней считал, что фальсификация имела место всегда, нежели мог допустить равную возможность того, что за пять веков, разделявших восход Симона и его время, произошло вырождение:

«Поэтому, мистические жрецы этой секты живут сладострастно и занимаются делами волхвования, как каждый из них может. Они употребляют заклинания и заговоры. Любят прибегать к средствам, возбуждающим любовь и влечение, к так называемым духам домашним (*παρεδροι*) и наводящим сон (*ουεροπομτοι*) и другим забавным проделкам. Они имеют также изображение Симона, представленного в виде Юпитера, и Елены — в виде Минервы, и молятся им. Наконец, и имя они получили от основателя в высшей степени нечестивого учения, Симона, называясь симонианами; и от них получило свое начало лжеименное знание (*γυνωσις*), как это можно видеть из их положений». (*Adversus Haereses, I.23, 4*)

¹⁷ Прим. перев.: одна из работ в корпусе Наг-Хаммади.

Следует отметить гендерное равенство, давранное Симону и Елене и собственные убеждения симониан, что гнозис произошёл от них. Положение Иринея «живут сладострастно», безусловно, значит, что они практиковали свободную любовь, как это бы понял благочестивый, причём, не указывается, происходило ли это в рамках или всецело вне брака. Сексуальная любовь была, очевидно, весьма важна для мистических жрецов. Была ли она частью ритуала? Использование заговоров было теургическим средством призвания высших духовных сил для очищения ритуальных действий. Они также практиковали заклинания¹⁸, как делали апостолы, что также предполагает, что симонианские жрецы (жрицы?) участвовали в отправлении освобождения душ из власти низших сил, то есть от власти космических ангелов или одержимости демонами. Эти заклинания не соответствовали стандартам Св. Павла, это понятно. Павел и, как мы можем догадываться, Иринея тоже, считали женщин чем-то вторичным и потенциально опасным, а секс некоторого рода проблемой, требовавшей строгого брака, чтобы снизить его деморализующее воздействие на душу, ибо плоть и кровь не наследуют вечности. Симониане, как и другие гностики, отчасти, кажется, соглашались с этой позицией, утверждая при этом, что плоть и кровь, наполненные духовным знанием, соединённые в высшем намерении, могут помочь уму в восхождении на мистические, божественные уровни, и что избавление секса от роли порабощающего цикла пустого вожделения и воспроизводства составляло спасение секса и парадоксальное освящение греха через любовь. Не Иисус ли сказал «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16) и «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло»?

СИМОН РЕЧЕТ — СОГЛАСНО ИППОЛИТУ

Отношение Ипполита к Симону Волхву весьма отлично от отношения Иринея. Фактически, он посвящает 14 толстых глав (2—15)

¹⁸ Прим. перев.: Приведённый перевод на русский язык 4-й строфы главы 1:23 работы Иринея содержит слово «заклинание», тогда как в английском тексте, от которого явно отталкивался автор, используется слово «exorcism», переводимое на русский также как «изгнание нечистой силы».

книги 6 своего *Обличения всех ересей* изложению философии самарянского мага. Однако, он высказал мнение, что идеи Симона и ныне здравствуют под другим именем, чтобы иметь возможность описывать целый ряд групп, имевших нечто общее с традицией Симона: карпократиан, например. Он признаёт, что наследие Симона состоит в основном в магии и указывает мага по имени Трасимед своего рода предтечей, или, возможно, наследником (книга IV из *Elenchos* Ипполита, содержащая раздел о Трасимеде, не сохранилась). В любом случае, Ипполит свой главный удар обращает на то, что философия Симона составляет урывки из пифагорейства и философов — досократиков, таких как Гераклит. Практики симонианских групп он сразу же клеймит оргиастическими, они вызывают гнев Бога.

Симон пытался обожествить себя, но был «простым мошенником, полным дури». Как пример этой дури, Ипполит цитирует случай ливийского Апсетуса, пытавшегося стать богом. Не преуспев в убеждении своих соотечественников в своей божественной природе, он научил попугая говорить «Апсетус бог», и эту весть тот унёс в другие страны так, что другие птицы по всей северной Африке повторяли эту фразу. Вся природа, казалось, начала свидетельствовать божественность Апсетуса — но это был лишь трюк. Ипполит говорит, что следовать Симону — значит следовать такому же трюку и не более чем просто повторять нечто, полностью бессодержательное. Его последователи — попугаи. И это только начало!

Ипполит затем приписывает Симону в определённой степени интересный спекулятивный текст, названный *«Это трактат об откровении голоса и имени [, узнаваемого] посредством интеллектуального постижения Великой Неопределённой Силы. Коим она будет запечатана, [и] сохранится в секрете, [и] скрыта, [и] упокоится в обиталище, в основании которого лежит корень всех вещей»*. Элемент огня не прост, утверждает Симон, имеет двойную природу (это Ипполит связывает с аристотелевским различием между интеллигибельной и ощущаемой природами). За видимым творением есть скрытый, тайный огонь, многогранный или неразличимый, в смысле неопределённости, безграничности и неопределимости. Он сравнивается с деревом. Это соотнесение огня и дерева станет более понятным, если мы будем добиваться нашего сексуального гнозиса правильными методами.

[...] сверхнебесный [огонь] это драгоценность, будто бы огромное дерево, прямо такое, как во сне Навуходоносора [Невухаднэццара], из которого питается вся плоть. И проявленную часть огня он рассматривает как стемель, ветви, листья [и] внешнюю кору, их покрывающую. Все эти [отростки], говорит он, Великого Древа, будучи зажжёнными, исчезают по причине пламени всепожирающего огня. Плод, однако, дерева, когда полностью взрощен, и получает свою собственную форму, закладывается в житницу, не (попав) в огонь. Ибо, говорит он, плод был произведён с целью быть положенным в хранилище, тогда как шелуха, дабы быть доставленной в огонь. [И вот шелуха] это стемель, [и] рождена не к собственной пользе, но к таковой плода. (*Refutatio, VI, 4*).

Ипполиту почти нечего сказать о том, что мне кажется откровенным и ясным мифом сексуальной алхимии, пересказывающем речь Иоанна Крестителя из Мф. 3:7–12, где Иоанн объявляет, что «всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». Далее Иоанн поясняет пришествие крещения огнём, по дальнейшим утверждениям Павла, являющееся его крещением рукой, в противоположность «простому» крещению водой Иоанна и Аполлония Александрийского. Этот пожинаящий огонь или огонь суда есть корень симонианского огня сверху: огня, который, говорит Симон в каббалоподобном наблюдении, освещает Моисееву Неопалимую купину. Когда тело или кора сгорают своим всежигающим огнём, то, что остаётся есть плод духа, огонь незримый для непосвящённого, но существующий внутри и поддерживающий всё. Страсти плоти *поглощаются* огнём в высшем ритуале, открывающем сущность Великого Древа, в котором Бог говорит со святым. На этот истинный духовно-сексуальный ритуал ссылаются аллегорическими способами следующая цитата из писания, как становится ясным при анализе написанного Ипполитом после слов об оправданиях Симона:

«И это он [Симон] говорит, то, что написано в Писании: „Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды — любимое насаждение Его“ [Ис. 5:7] Если, однако, мужи Иуды любимое его насаждение, было доказано, он говорит, что нет иного другого древа кроме человека. Однако

учитывая сокрытие и растворение этого [древа], в Писании, говорит он, сказано достаточно. Но что касается указаний тем, кто изготовлен [по его] образу, то утверждение это, сделанное [в Писании] достаточно, что „вся плоть есть трава и вся слава плоти, как она есть, это цветок травы. Трава вянет и её цвет опадает; но слово Господа длится вечно“. Слово Господа, говорит он, является словом, рождённым во рту, и Логосом, и нигде более не родится». (*Refutatio, VI, 5*).

Последнее таинственное предложение в приведённой выше цитате, мы вполне можем быть уверены, относится к влагалищу жрицы, понимаемом как мистическое йони. Место зарождения, где Логос, то есть Слово, становится плотью и наоборот. Тело растворяется в огне высшего оргазма, принося чистый огонь, *скрытый* внутри огня: Бога. То, что древо выражено фаллосом — достаточно понятно. Секрет состоит в словах «сокрытие и растворение этого [древа]». На вершине страстного пламени древо вянет, но его возбуждённая сила «живёт вечно», то есть, семя причастно сущности вечности: новое семя также имеет в себе скрытый огонь. Это формула магического наполнения сексуальных флюидов энергией. Теперь мы, вероятно, сможет лучше понять знаменитое предписание из гностического Евангелия от Фомы, что *если вы не даёте то, что внутри вас, то, что внутри вас, уничтожит вас*: духовный оргазм спасения; подавление семени это смерть. То есть, насаждение, не несущее плода Господу, будет поглощено в огне внешнем. Остаётся лишь полюбопытствовать, имел ли исторический Иоанн Креститель хотя бы смутное представление об этих аллегорических концепциях согласно симонианской традиции? Да, ведь Иоанн был вестником жатвы, мастером церемоний герметического пожара!

Ипполит во всё это не «въезжает». Кажется, он думает, что читает философский трактат, сродни спекуляциям Гераклита об истоках вселенной (созданной из первичного Огня). Далее Ипполит переходит к Эмпедоклу как источнику дискурса, содержащегося в другой работе, приписываемой Симону: *Aprophasis Megalē* или «*Великое Изъяснение*».

Ипполит путанно повествует о существовании шести корней (снова тема древа), сделанных из огня парами, среди них Ум и Мысль, Голос и Имя, Рассуждение и Рефлексия: все аспекты сознания, которые, будучи активированы вместе, создают уверенность, порождают

потомство: Логос или Сына, «без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:3). Дитя магического ритуала является его проявленной желанной целью.

Среди шести корней неопределённая сила существует в потенции, но не актуальна. Магия необходима для того, чтобы привести потенциал к реализации. Неопределённая сила отождествляется с псевдонимом последователей Симона, данным ими их эрегированному повелителю: «Тот, кто стоял, стоит и устоит». Он устоит в огне очищающем, огне суда или проверки, которая приходит ко всем сотворённым вещам: в огне изнутри. Примечательно: мандеи считали, что их великий пророк, Иоанн Креститель, не мог быть сожжён огнём; симониане говорили ровно то же самое про своего учителя.

Источник мотива стояния в Писаниях находится в Мал. 3:1-2, где Малахия («посланник») объявляет пришествие посланника Божия, который очистит колено левитово: «И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится?» Эта цитата является ключом к введению в Евангелии от Марка к вести Иоанна Крестителя. *Кто «устойт», когда Он явится?*

Что интересно, согласно симонианскому тексту, это имя применимо ко всем людям, понимающим в себе потенциал шести корней. Если, однако, неопределённая сила шести корней остаётся только в потенциале, шесть корней не смогут создать образ и человек пропадёт. Это исчезновение сравнивается с потерей интеллектуальной способности в старости. Шесть корней дают способность предпринять работу искусства, посредством которого производится «свет сущих вещей», но, если способность не предпринимает эту работу, результатом станут «неумение и невежество». И как сила переходит в несуществование при невыраженности, способность умирает в угасающем человеке. В этом случае, человек не стоял и не устоит. Это хорошая переработка притчи о сеятеле и, на более прозаичном, банальном уровне, этика «со щитом или на щите». Ипполит в принципе не понял юмора!

Скрытый огонь должен заполучить своё средство выражения, из чего видно то, что Ипполиту явно видно не было: что симонианская традиция защищала сексуальную магию как средство реализации потенциала внутреннего человека, пробуждая способности, спящие в душе и разжигающие великое скрытое существо человека до соответствующих ему размеров: *стань гением или умри!* Это чётко связано со словами Иисуса «Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того

отнимется и то, что имеет» и объясняет то, что иначе может быть понято лишь как мстительное предупреждение (Мк. 4:25, ср. Мф. 25:29).

Сексуальные образы ещё более откровенны в дальнейших очерках о симонианской системе. Из семи сил (шесть пар корней и «неопределённая сила»), первая пара, Ум и Мысль называются Небесами и Землёй, где небеса — маскулинное начало, смотрящее вниз сверху на партнёра, Землю, воспринимающую свыше «рациональные плоды, подходящие Земле». Кажется, у «миссионерской позиции» есть гностическое значение. (Уместно также вспомнить об Исиде, рождённой от соития Геба — Земли и Нуит — звёздными небесами вверху).

Логос, говорит Великое Изъяснение, всегда смотрит на то, что Ум и Мысль порождают из соединения неба и Земли, и как седьмая сила (, тот, кто стоит,) восклицает: «Слушай, о Небо, и прислушайся, Земля, поскольку Господь глаголет. Я принёс детей и возвысил их; и они отвергли меня».

Голос и Имя соответствуют Солнцу и Луне, тогда как Рассуждение и Рефлексия соответствуют Воздуху и Воде, все суть значимые принципы в египетской алхимии. Они связаны с симонианским аллегорическим отношением к шести дням творения Книги Бытия, сочинение которой приписывается Моисею. Творение, таким образом, представляется некоторой алхимической операцией.

Так, были три дня до того, как появились солнце и луна, три дня на Ум и Мысль (Небо и Земля) плюс на седьмую силу (которую мы можем называть неопределённой, существующей всегда). Согласно симонианскому тексту, о седьмой силе в Бытии 1:2 Моисеем сказано: «И Дух Божий носился над водою». Как мы видим, симониане связывали магическое сексуальное порождение с первичной силой творения неба и Земли. Что также включало в себя актуализацию неопределённой силы или духа Бога, функционирующего как «образ из несокрушимой формы, что один устраивает вещи по порядку».

Этот «образ» очень близок *логосу* стоицизма, философии, основанной киприотом Зеноном Китийским во втором веке до н. э.: *логос* является умопостигаемым формирующим и различающим началом всех вещей. Еврейский философ Филон Александрийский (ок. 20 до н. э. — 50 н. э.), старший современник Симона, идентифицировал *логос* стоиков с Софией (греческое слово для еврейского слова *хохма* (חֵכֶּם) = мудрость).

В Бытии 1:16 Бог (Элогим = Боги) говор(и/я)т: «сотворим человека по образу Нашему». Первое лицо множественного числа

позволяло в Александрии первого-второго веков предполагать сотрудничество Логоса и Софии в сотворении человека, и согласно Филону (*de Officio Mundi* 74—75) именно из-за этой раздельной природы работы человек оказался несовершенен! Человек «хороший», но не совсем, или, в симонианских терминах, не полностью актуализирован; он не наделён гнозисом автоматически.

Симонианский текст крепко связывает сотворение человека с предупреждением об огне суда, вечно обрекающем потенциальный, но не актуализированный мир:

«[...] Божество, говорит он, далее сформировал человека, взяв глины из земли. И Он создал его неполным, но о двух частях, по [Его собственному] образу и подобию. Итак, Образ есть Дух, носившийся над водой; и если кто не облечён в тело оного, погибнет в мире, ибо он есть лишь потенциально, не существуя актуально. Это, говорит он, то, что сказано „дабы мы не были осуждены вместе с миром“. Если же кто соделан в теле (Духа) и рождается из нераздельной точки, как писано в Изъяснении, [такой, неважно, что] малый, станет великим. Но что велико, перейдёт к бесконечному и неизменному длению, будучи тем, что более не подвластно условиям сотворённой сущности». (*Refutatio*, VI, 9).

Далее Великое Изъяснение задаётся вопросом, где Бог сформировал человека. *Ответ*: в раю. Симонианский текст тут же интерпретирует *рай* как матку, давая следующий текст как доказательство с намёком: «Я есмь Он, образовавший тебя от утробы матерней» (Ис. 44:24, ср. Пс. 139:13, Иер. 1:5). Ипполит ошибается, говоря, что эта интерпретация не только притягивает текст за уши, но и не является точной цитатой. Умный Ипполит постоянно упускает из виду, что текст даёт духовные аллегории ритуалам священного секса, направленным, вероятно, на рождение детей, соделанных в образе седьмой силы. Такие дети либо актуальны и осязательны, или, что более правдоподобно, являются желаемыми целями, рождаемыми в мир причин и следствий от соития мужского и женского для достижения воли мага (пробуждённого человека).

Воля свершается через дитя, работающее над универсальным потенциальным огнём актуализирующим, высшим оккультным огнём.

Это и есть тот огонь, который украден низшими ангелами с небес и подвергающийся насилию невеждами этого мира, как подвергалась насилию Елена, не будучи на самом деле когда-либо чьей-то, до тех пор, пока её отец и супруг не вернулся за ней. Таково симонианское понимание Святого Духа. И пока не понято оккультное значение этого мифа, знаки на вратах гностического сада будут вечно оставаться непонятыми, как, видимо, они не были поняты большинством учёных, занимавшихся вопросом, за малым рядом примечательных исключений, как мы увидим позже.

Десятая глава Книги VI *Опровержения (Refutatio)* немного сложнее, особенно, что касается манеры, в которой Ипполит выразил идеи своих симонианских источников. Однако не составляет большого труда увидеть за его искажениями закодированного описания магического значения духовно наполненного секса и сексуальных флюидов.

Симонианский текст рассматривает реки, текущие из Эдема (матки) как ссылки на четыре чувства, принадлежащие дитю в утробе: зрение, вкус, обоняние и осязание. Четыре из пяти Моисеевых книг, считается соотносящимися с этими чувствами. Бытие относится к зрению, ибо зрение необходимо, что приобрести первые знания о вселенной. Исход относится ко вкусу. Чтобы пойти дальше видения вселенной, которое есть даже у гоим, необходимо освободиться, что обозначается переходом Красного моря, о котором текст говорит как о крови. Прохождение этого пути есть дорога к знанию, но не менее того, это путь включает в себя выход «на целину», что ощущается через горечь вод, символизирующих горечь доли человеческого бытия, то есть, без знания. Однако Моисей услаждает горькие воды посредством Логоса (Моисей ударяет камень магическим жезлом в необжитой пустыне, давая утоления жажды страждущим; Исх. 17:5-7), после чего это знание (гнозис) выражено Гомером:

«Корень был черен его, цветы же молочного цвета. / „Моли“ зовут его боги. / Отрыть нелегко это средство / Смертным мужам. / Для богов же — для них невозможного нету»¹⁹.

Исход — это бегство от ценностей этого мира, мира тёмных сил. Символизм кажется довольно ясным: бегство требует трансгрессивного скачка. Первое, следует пить менструальную кровь

¹⁹ Гомер, Одиссея, пер. с древнегреческого В. Вересаева

в напоминание о том, что оставляется позади: бесплодное существование. Передача освящённого семени в иначе бесплодную утробу порождает, посредством смешения с вагинальными соками, млеко, кое есть цветок первичного, божественного рождения, чья безграничная божественная сила составляет эликсир культа. И ирония, и любопытный факт: Ипполит по неосторожности передал профанам тайны сексуальной магии, сам того не осознавая.

То, что эликсир должен был потребляться, указывается в ссылке на «моли», магическую траву. В книге 10 Одиссеи Гомера, Гермес вручает её Одиссею как антидот от магии Цирцеи: от сглаза мира, как могли бы оценить это симониане. Название растения считается произошедшим от слова «тяготы» (гр. *Malos*) битвы: плода горькой фазы симонианского понимания. Эти подробности также предполагают активные жертвенные сексуальные коннотации, столь значимые для симониан.

«Бессмертные боги» Гомера для симониан суть те, кто актуализировал свой потенциальный огонь. Пробуждение к этой силе — главная тема Великого Изъяснения и причина того, согласно симонианам, что Симона самаритяне называли Великой Силой Бога. Великая сила существует *потенциально* в каждом мужчине и каждой женщине. Человечество сможет покинуть узы Земли!

Симонианские интерпретации природы книг Левит, Числа и Второзаконие (также приписываемых Моисею) следуют за сексуальными символическими линиями Бытия и Исхода. Так, поскольку в Левите много говорится о жертве (отдаче себя в оргазме), она соответствует чувству обоняния ребёнка. Книга Чисел неясно связана с чувством вкуса по нумерологическим соответствиям, «где дискурс оперативный». Поскольку Второзаконие — это сумма предыдущих четырёх книг Пятикнижия в терминах закона, симониане рассматривают её в соответствии с осозанием: «испытанием того, что твёрдо или тепло, или влажно».

Что в человечестве существует от Бога (незачатого), являясь только потенциалом, а не актуальностью, требует внешнего управления, которое, будучи получено, может сделать горькое сладким и перековать мечи на орала. Цитируя Иоанна Крестителя: «всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3:10). Правильное сексуальное знание обеспечивает создание «доброго плода», рождение тех, кто «может стоять и устоит», тех,

кого другие гностики назовут поколением Сифа, поскольку Сиф был совершенным потомком Адама после трагедии Каина и Авеля.

В симонианском Великом Изъяснении находим то, что выглядело невятно в валентинианской и сетианской традициях, как для ересиологов, так и для современных учёных, стремящихся узреть там духовную философию и примитивную психологию познания себя, тогда как смысл надо искать в сексуальном символизме и актуализированной духовной магии.

«Из-за этого желание после взаимного порождения обозначается к поджиганию. Ибо когда огонь один, он позволяет два преобразования. Ибо, он [Симон] говорит, что кровь мужчины, будучи тёплой и жёлтой, преобразуется, как оформленный пламень, в семя. Но в женщине та же самая кровь преобразуется в молоко. И преобразование в мужчине становится порождением, а преобразование в женщине — питанием плоду. Это, говорит он, есть „пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни . Ибо кровь преобразуется в семя и молоко, и эта сила становится матерью и отцом тех вещей, что участвуют в процессе рождения, с добавлением тех вещей, что питаются; [и эта сила] не имеет больше нужды, [будучи] самодостаточной. И, говорит он, дерево жизни охраняется, как мы сказали выше, пламенным мечом обращающимся. И это седьмая сила, та, которая [рождается] из самой себя, [и] которая содержит все [силы, и] которая покоится на шести силах. Ибо если бы пламенный меч не обращался, хорошее дерево сгорело бы и исчезло. Однако если же они обращаются в семя и молоко, принцип, содержащийся в них потенциально, находясь в должном состоянии, в котором развивается принцип душ, на коем зиждется [такой принцип], скажем так, из крайне малой искорки, будут полностью возвеличены и возрастут, и станут силой неопределённой [и] неизменной, [равной и идентичной] неизменному возрасту, который более не превращается в бессрочный возраст». (*Refutatio, VI, 12*).

Одной из целей симонианской практики, оказывается, были «сверхмужчины» и, мы можем предполагать, «сверхженщины», или, скорее, андрогинные сверхсущества. Такое ересиологи точно

посчитают высокомерием, они и без того постоянно находят его у еретиков, этакая реминисценция образа испорченного ребёнка.

Ипполит цитирует из Откровения Симона, что первичная сила гермафродитна, хотя в реальности едина, как пара Сила и Мысль на деле одно. Однако в дуальном мире, на удалении от первичного источника, то, что едино, представляется двумя.

Динамика Земли, фемининной, сознательной, получающей силу свыше, есть динамика созидательная, живое древо. Нам видна здесь во втором веке бытийная двойственная динамика теософской системы семнадцатого века Якоба Бёме и историческую диалектику Гегеля в её зачатке. Проявление одного требует дуальности: можно сказать, что каждая противоположность ждёт другую. Поэтому, чтобы подойти к сексуальному общению в полном знании гермафродитической природы силы, что «стояла, стоит и устоит», надо активно участвовать в космическом процессе, выражать его сакраментально, в то же самое время, поднимаясь в знании над ним.

Люди, изучающие эзотерику, найдут соответствие между симонианским огнём и флюидичным «астральным светом» Элифаса Леви (1810—1875), в котором может быть выражена воля мага. Эта концепция была отчасти заимствована у Франца Антона Месмера (1734—1815) из его «животного магнетизма», предполагаемого невидимого посредника, через который может выполняться магический акт исцеления. Божественная сила Симона — это оккультная энергия. Если исторический Симон действительно видел апостола, передающего Духа Святого рукой, он видел эту деятельность в таком свете, само собой разумеется, то есть как оккультную способность, секрет которой можно продать, и которому можно обучиться.

Симон Откровения это, в конце концов, теософ. Сексуальные доктрины выявляют его философию: «Это, [посему,] есть Ум, [живущий] Мыслью; и они разделимы друг от друга, [хотя оба одновременно] суть одно, [и] представляются в состоянии двойственности» (*Refutatio, VI, 13*).

Когда мы мыслим в терминах наших рождённых личностей, мы находимся в состоянии дуальности. При активации потенциала в огне мы видим, что дуальность на деле цельна, поскольку мистик соединился с одним, будучи теперь единым с тайным пламенем, которое есть Бог. Это монадичная гермафродитная личность явно трансперсональна и, на этом основании, в иных ситуациях смехотворные

заявления Симона, что он был тем, кто пострадал в Иудее, и о Елене, что она была Еленой Троянской — имеет метафорический смысл для посвящённого; что-то сходное, вероятно, выражал Джон Леннон в своей можно сказать трансперсонализированной работе «Я морж», основанной на видении в 1967 году, когда он был под воздействием ЛСД: «Я он, как ты он, как ты я, и мы все вместе».

Ипполит описывает аргументы Симона о значимости Елены в главе 14 Опровержения. И они далеко не неинтересны. Будучи проявлением божественного разума сверх норм нижнего мира, Елена Троянская вызвала войну посредством противоположных сторон, желающих обладать тем, что над ними. Поэт Стесихор ослеп, очернив «Даму» в своих стихах, однако обретает зрение заново, воспев её в стихах! Это тонкая аллегория на то, что увидит поэт, будучи поэтом, однако пустой звон для Ипполита, считающего, что он имеет дело с банальными исторически верными утверждениями. Симон кажется уверенным в метаисторической точке зрения, которая вернётся с Уильямом Блейком и Луи-Клодом де Сен-Мартеном, его коллегами и последователями-мартинистами в восемнадцатом веке и позже. Ничего нового под луной!

Ипполит характеризует Симона как «развратного малого», который, вместо того, чтобы освободить девочку из рабства, увидев её на крыше тирского борделя, попросту настолько влюбился, что купил её и «наслаждался её персоной». Его истории, согласно Ипполиту, все были вымышленными, чтобы покрыть его стыд от помешанности на ней. Жаль, у нас нет собственного свидетельства Елены.

Ипполит далее приписывает симонианские практики похоти Симона. Они «безумно утверждают необходимость беспорядочных половых сношений» и говорят: «Любая земля есть земля и нет разницы где кто сеет, лишь бы сеял». Они благодарят друг друга за свои «неизбирательные случки» применяя выражения вроде «святая святых» (говоря об утробе) и «освятить друг друга», что бесспорно доказывает, что они практиковали освящённый секс.

Они утверждают, что спасение Симоном Елены есть архетип всего человеческого спасения от сил низшей реальности. Прямо по Жан-Люку Годару, использовавшему образ и метафору проституции в своих фильмах, Симон заключил, что мир был одним большим борделем, где плоть и невинность оскверняют, покупают и продают, из неё получают прибыль, и от неё избавляются.

В главе 14 *Опровержения* становится ясно то, о чём я говорил ранее, а именно о трансперсонализирующей природе симонианского мифа об избавлении. Здесь мы видим, как симонианский гнозис может быть перенесён (и, фактически, он там есть) практически полностью, простите за каламбур, в христианскую идеологию, чтобы порождать множество тонкостей христианского гнозиса, которые столь раздражали ересиологов:

«И [Иисус], освободив таким способом Елену, [говорит Симон] позволил людям спасение своим особенным сознанием. Поскольку ангелы, ведомые своей страстью к превосходству, неправильно управляли миром, [Иисус Христос] трансформировался и стал подобен правителям и властям, и ангелам, и пришёл восстановить [порядок вещей]. И так [он был Иисус], явленный как человек, не будучи по-настоящему таковым. И [было так], что он также и страдал, не подвергаясь страданию на самом деле, но лишь казалось так евреям, в Иудее как „Сын“, а в Самарии как „Отец“, а среди остальных народов как „Дух Святой“. И [Симон утверждает], что Иисус выносил, каким бы [из трёх упомянутых только что имён] люди его бы не называли [удивительно ранняя поддержка концепции троицы!]. И что пророки, обретая своё вдохновение от ангелов, создавших мир, произносили предсказания [касающиеся его]. Посему, [говорил Симон,] до этих [пророков] им не было дела до нынешних дней, кто верит в Симона и Елену, и они делают, что им приятно, как свободные люди; ибо они утверждают, что они спасены благодатью. Поэтому нет причины для наказания, даже пусть кто и будет делать злое; поскольку тот не злой по природе, но по установлению. А для ангелов, сотворивших мир, [говорит Симон,] любое установление было годно, в стремлении такими [законодательными] словами поработить тех, кто слушал их. Однако, снова, они говорят о растворении мира, для спасения его лишь собственных последователей».

Ипполит не сомневается, что весь культ это одна большая отговорка, поскольку ими двигала похоть в виде самоцели, и они покрывали её всякой философской чепухой, и обманывали себя, если считали, что

они спасены и свободны от законов мира, чтобы действовать по своей воле с кем бы им не заблагорассудилось.

Согласно последним словам Ипполита о колдуне, конец Симона пришёл в противовес Петру, когда, последний раз хвастаясь, Симон в Риме попросил своих учеников закопать его в землю, откуда он через три дня воскреснет победителем. Однако, согласно Ипполиту, он не восстал, «поскольку он не был Христом». Несколько сложно представить себе, чтобы у человека было столько последователей, случись такое на самом деле. А что произошло с историей о последнем полёте Симона?

Ипполит заключает свой текст словами, что Валентин перенял от симонианского дискурса «начальную точку своей собственной доктрины», указывая, что более сложная теория эонов Валентина содержит весьма очевидное расширение спекуляций Симона о шести корнях, подытоженных ересиологом в названии «ткань легенд». Ипполит, вероятно, мог думать, что опроверг симонианские взгляды до основания, но они отказались пасть.

ЕПИФАНИЙ О СИМОНЕ

Через полтора столетия после Ипполита, Епифаний считал своим священным долгом наброситься на Симона Волхва и его последователей с их «порнографией» (Панарион, I, часть 5, секция 23). Энкратит по воззрениям, Епифаний говорит о соитии как о «непотребстве». У Епифания было особо нечем дополнить рассказы Иустина Мученика, Иринея и Ипполита, хотя в Книге I, часть 21, секция 2, 2:4 он вводит в список действующих лиц симонианского мифа имена Пруник и Барбело (или Барберо). Пруник ассоциируется Епифанием со Святым Духом, а потому и с Еленой. Епифаний говорит, что в других сектах Пруник называется Барбело. Однако считая, что Барбело это ещё одно имя Елены он, вероятно, ошибается, поскольку в остальных, в основном сетианских, гностических текстах, хотя Барбело и соотносится с первой Мыслью (Энной) Отца, она не нисходит, чтобы претерпевать муки, как Елена и София в симонианском и валентинианском мифах.

«И сказывал на это какой-то миф, что сходящая свыше сила сама себя преображала; стихотворцы же говорили о сем иносказательно. Ибо силою свыше, которую называют

Пруник, и которая в других ересях называется Барберо (Βαρβηρώ), или Барбело (Βαρβηλώ), являемая красота ее привела их в воспламенение и тем послала на расхищение князей, творивших сей мир. Сами ангелы вступили за нее в войну; она же нисколько не пострадала, страстью же, какую возбудила в них к себе, довела до того, что производят они взаимное убийство себя самих». (Панарион, 1, часть 21, секция 2, 2:5, курсив автора).

Что именно означает странный термин «Пруник» мы рассмотрим в деталях в главе 10, хотя Епифаний не медлит с переводом титула словом «распутница» и, найдя его в связи с Еленой-шлюхой, как доказывается её бродяжничеством, обнаруживает всё необходимое, чтобы утвердить соответствие.

Епифаний высказывает мысль, что Елена/Пруник должна претерпевать сексуальное насилие от «архонтов, сотворивших мир» в ходе многих ужасных инкарнаций, чтобы подстрекать их убивать или быть убитыми из-за своей зависти к ней — Епифанию было не сложно представить убивающих друг друга ангелов — архонты будут терпеть убыток, теряя кровь. «пролитием крови производили умаление себя самих, а она, собирая силы, могла потом опять взойти на небо». (Панарион, 1, часть 21, секция 2, 2:6). И хотя это и противоречит истории о её спасении пришедшим за ней Симоном, эмфаза кажется сосредоточена в доктрине, искажаемой Епифанием, будь то намеренно или по незнанию. Что такого в крови архонтов, что может спасти Елену? Судя по сетрианским и валентинианским текстам, более-менее общим для всех является положение о том, что архонты наследуют семя пневмы (духа) из своего изначального источника, хотя и недостаточно в количестве или с примесями, и что это переносится на процесс человеческой эволюции под контролем архонтов. Однако говоря о гностических группах, особенно о борборитах, как Епифаний называет их, или «развратных людях», мы читаем, что кровь архонтов связана с потенциальным семенем, то есть спермой верующих, которая требует сбора как заблудшие овцы; мы можем помнить, что среди ранних титулов Елены была её характеристика как заблудшей овцы, которую Симон пришёл забрать в виде печати спасения всего из тисков власти архонтов. Поэтому дискурс симониан о собирании «крови архонтов» вероятно сформировался из радикальной интерпретации следующей

важной фразы: «Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9:22, ср. Лев. 17:11), где пролитие крови вызывает компенсацию: «потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает». Сексуальная магия даровала духовное очищение: «излечение страстей материи».

Наша интерпретация опровержений Ипполитом доктрины Великого Изъяснения, приписываемого Симону его преданными учениками, подтверждена точно, хотя и ожидаемо с отрицанием, Епифанием.

«Установил же и таинства срамоты и телесных истечений, чтобы, выражусь скромнее, на таинства в какое-то срамное собрание сходились мужчины для излияния и женщины для обычных месячных очищений. И то называл таинствами жизни, ведения и притом совершеннейшего, что наипаче приобретшему разумение от Бога свойственно признавать скорее мерзостью и смертью, нежели жизнью». (Панарион, 1, часть 21, секция 2, 4:1–2).

Учёные не имеют единого мнения по вопросу, был ли Симон Волхв первым гностиком. Весьма удобное утверждение для ортодоксальной точки зрения, ведь Симон был обличён Петром с самого начала, согласно Деяниям (8:9–24). Епифаний протестует: Как мог Пётр изблечить кого-то, если только тот не был не добрым? Как, спрашивает Епифаний, мог мир не принадлежать доброму Богу, когда «всё добро было избрано из него»? Как могут закон и слова пророков быть искажёнными наветами архонтов, если они свидетельствуют о Христе и запрещают делать зло?

Епифаний не сомневается, что все существенные идеи, присущие еретическим группам гностического типа, содержатся в первой, симоновой, центральной и самой проклятой:

«И настоящий век, по словам его, началами и властями зла устроен с недостатками. Допускает же истление и гибель только плоти, но очищение душ, а именно: если души состояли в тайноводстве при помощи погрешительного его ведения. И таким образом полагается начало так называемым гностикам». (Панарион, 1, часть 21, секция 2, 4:4).

Однако Епифаний прицельно смотрит в прошлое. Мы не можем быть уверены, что идеи симониан не произошли сами из «гностицизирования» корневой традиции вокруг Симона, что касается магии, Елены и, вероятно, радикальной инициатической доктрины. Ириней, безусловно, знает Симона как первого еретика-обманщика из среды ранних последователей Иисуса, однако его знание основывается на ограниченных источниках (Деяния и Иустин Мученик). Он кажется не в курсе деталей, знакомых Ипполиту какими-то сорока годами ранее. К тому же, Симон не упоминается ни в одном тексте Наг-Хаммади, за исключением краткого упоминания симониан в энкратитском Евангелии Истины (датируется ок. 190-300г. до р.х.), весьма критичном по отношению к симонианам. В нём, тем не менее, сообщается, что среди позволенных удовольствий они женились и имели детей, причём, что плотское продолжение рода текст рассматривает как царство ужаса, чьё влияние на истинного гностика прошло.

Тем не менее, довольно приятно видеть, что другие гностические группы прорастают из симонианских источников, поскольку логика мифологического развития предпочитает, во-первых, более простое представление, после чего идут девятици, несогласия, недостатки и дополнения, в зависимости от гения или дурости ересиарха. Что-то же привлекло автора или авторов *Великого Изъяснения* и *Откровения* Симона к смешанным историям по поводу самарянского мага, бывшим в ходу, если мы поверим текстам на слово и будем рассматривать Симона не как мифосочинителя, а как инициатора в мифе и на его толкователя.

Нам не следует особо удивляться, если последующие деятели антиортодоксии намеренно затемняли «животную страсть» (цитата Епифания) Симона как истинный источник их спекуляции. Это типично для оккультной истории: если некто, когда-то радикальный, устремляется к респектабельности, он очищает своё прошлое и затемняет гения или гениев прошлого, подвергавшихся большому риску. Если бы судьба Симона оказалась незавидной, или поведение его последователей оказалось бы постыдным, тогда будущие основатели гностических школ без сомнения предпочли бы текстовый материал, обладающий апостольским авторитетом, особенно если он апокрифический и легко пересказывается и интерпретируется. Гностики считали за честь создавать собственные духовные работы, предпочитая живого Иисуса текстам под епископальным контролем, как неоднократно повторяла Элейн Пэйджелс (Elaine Pagels).

Сложно не задуматься, не считал ли аутентичный Симон всех лицемеров злыми Смотрителями (в енохианском смысле), особенно уделяя внимание жречеству Ирода, управлявшему Иерусалимом своими чуждыми культами? А ведь могло быть, что Симон, понимая магическую силу воображения, лишь доносил истину, говоря, что он создал мир, в котором Елена была спасена от оков зла. Ибо его миф, которым он околдовывал своих последователей, был на самом деле его творением, и раз он спас Елену, не могли ли его последователи освободиться от воображаемых структур тем же путём? Не могли ли они перерисовать мир?

Это, конечно, спекуляция, но, кажется, есть зерно истины в шутках, которые повторяет Епифаний, приписывая их Симону:

«Но опять в другом месте о честном браке (растлевая которыми, этот Симон срамно обращает в удовлетворение своей похоти) говорит: их же „Бог сочетал, человек да не разлучает“ . (Мф.19:6)». (Панарион, 1, часть 21, секция 2, 5:8).

Это не только подходящее описание духовной природы супружеского союза, будь то в рамках или вне рамок брака, посвящённого постижению скрытого Бога, но и ответный удар интеллигентного, остроумного человека фарисеям, заклеймившим нечистым человека, жившего с незамужней шлюхой, смея называть себя свободным.

Но заклеймил его более всего секс. В самой ранней традиции существует такой ужас, как смешение секса со Святым Духом. Этот ужас сохраняется и по сей день, и почувствовать его и помыслить его значит присоединиться умом к уму Епифания, который окрестил предполагаемые доктрины Симона «шарлатанским бредом», рассматривая даже законный христианский брак ниже стандартов, вводимых Царством Небесным:

«Сам Господь в Евангелии спрашивающим у Него: „Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться“, — сказал: „Не все вмещают сие, ибо есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного“ (Мф.19:10-12). И показал, что воздерживаться от естественного побуждения к супружеской жизни есть дар Царства Небесного». (Панарион, 1, часть 21, секция 2, 5:7)

В многих попытках Епифания излечить яд Симона, он никогда не упоминает одного очевидного противоречия в симонианской доктрине: если ангелы создали недостаточный мир, как получается, что освящённый секс способен пробудить потенциального неопределимого Бога-Логос-Огонь? Симон, в отличие от Епифания и, как мы можем судить, от большинства образованных гностиков вокруг пахомианского монастыря, не отвергал сразу всё плотское в этой жизни. Это Павел объявил, что плоть и кровь не могут наследовать вечности, а Епифаний обвиняет Симона в вере в то же самое, говоря о не веровании в воскресение тела. Епифаний энкратит, отвергает тело и презирает размножение. В чём практическая разница между верой в сотворение Богом брэнного тела, и верой в недостаточность творения, притом, что тело может принести пользу в искуплении духа?

Германский обращённый католик Эрик Петерсон (1890—1960) был первым, кто счёл, что энкратизм должно отделить от гностицизма (см. великолепный анализ Жюль Киспеля (Gilles Quispel) *Исследование энкратизма*). До Петерсона была распространено мнение Исаака Ньютона о том, что появление ненависти к телу (особенно ненависти к женскому телу) совпадала с появлением-отвержением гностиков, пусть это и оставляло открытым вопрос, как энкратито-ориентированные епископы вроде Епифания могли ненавидеть гностиков столь сильно в четвёртом веке, активно понося их за отсутствие ненависти к плоти и неотвержение размножения и его средств.

Мы знаем, что Ириней осуждал энкратитов ок. 180 года от р. х. за отказ от мяса, вина и брака, однако мы получаем больше информации о них из третьей книги *Strōmateis* Климента Александрийского (ок. 200 г. н. э). Источник у энкратитов явно иудеохристианский, территориально расположен в основном в современной Сирии (северная Месопотамия) и Александрии. Имманентное мессианское царство препятствует браку. Иисусу должно следовать и подражать. Он был беден и не женился. Поедание запретного плода соития привело к смерти (*post coitum triste*). Это был плод, содержащий горечь. Эта идея могла быть важна для симонианской темы горьких вод духовно неплодородной «целины», обсуждавшейся выше. Симонианские гностики должны были превзойти действие грехопадения, после которого секс стал фатальным и уход из рабства достигался только правильным пониманием четырёх рек, вытекающих из Эдема.

Приоритеты энкратитов становятся ясными из Евангелия Фомы (коллекция высказываний, собранная в Эдессе ок. 140) и Евангелия Египтян (иудеохристианского и несомненно энкратитского) и весьма явны в *Книге Фомы Атлета* из Наг-Хаммади, считавшаяся профессором религиоведения Джоном Д. Тёрнером (John D. Turner) сочинением середины третьего столетия из сирийской Эдессы, появившемся в рамках энкратитской культуры, с её поклонением Фоме.

В *Евангелии Египтян* танатос (смерть) есть последствие эроса (сексуальной любви). Не может быть более мужчин и женщин: сексуальная идентичность вообще не идентичность. Никаких больше детей, никакой больше смерти. Прекратите вожделеть, прекратите страдать. Желание создаёт иллюзию (мира). Насколько отличается симонианская традиция равного поклонения Господу (Симону) и Госпоже (Елене), от гностического Евангелия Фомы, начиная со строфы 114, где чтобы войти в царствие небесное женщина должна стать мужчиной! Когда Симон спасает свою потерянную Первую Мысль, он не отвергает её женственности.

Энкратизм не свой в гностицизме, однако, явно оказывается с ним связан, что приводит к огромной путанице при попытке понять гностическую философию в целостности. С моей точки зрения, которую я высказываю здесь впервые, гностическая мысль претерпела существенные изменения в третьем и четвёртом веке, когда позиция энкратитов нашла вход в близкие по духу гностические установки, в которых плотский Иисус и физическое воскресение уже были отвергнуты. Либи́до, если хотите, весьма отошло от дел, оставив валентиниан бороться, за обретение хоть какой-то пользы от своей традиционной открытости духовно преображающей романтической любви, борьба за которую, вероятно, освещается в Евангелии Филиппа. Радикальные сетьянцы и симониане, когда-то находившиеся в центре, сошли на периферию, изолированные из-за отказа бросить принцип удовольствий и не созвучные с меняющимися временам.

Вероятно, антилибертинистская полемика ересиологов укоренилась и породила реактивную перегруппировку, исходя из желания получить исторически более аутентичное и может быть даже более интеллектуально привлекательное движение как результат затянутой политической неопределённости.

Если есть один хороший аргумент, позволяющий считать симонианскую традицию первой действительно гностической интерпретации

логики спасения, он может быть прямо здесь, и заключаться в предположении молчаливого сопротивления растущему энкратизму, который не только поглотит католическую церковь почти полностью к концу четвёртого столетия, но и трансформирует большую часть гностической литературы третьего и четвертого столетий, если сохранившиеся работы из библиотеки Наг-Хаммади являются качественной выборкой.

Симон, будучи магом, а не теологом, не принимал мир по написанному. Кажется, он верил в позитивный подход к трансформации бытийной реальности посредством действия сил воображения на спящий, невидимый потенциал внутри человеческого существа. Он менял свою реальность, создавая свою собственную вселенную и указывая шелухе, куда деваться. Можно утверждать в противоположность, что гнозис третьего века, лишённый магии, является духовной психологией, которая может объяснять нынешнюю привлекательность валентинианства для христианства, смешивающегося с модернизмом и реагирующего на древнее предположение, что христианство в основе своей аскетично, что отвержение мира характеризует христианского святого. В валентинианском гнозисе отрешение от мира в основе своей составляет духовный, не физический труд, в отличие от ортодоксальной энкратитской позиции, для большей части мира после Второй мировой войны выглядящей не более чем недружелюбной, бесцветной агонией души и затяжными страданиями. *Евангелие Филиппа* сообщает нам духовное послание пост-1960-х: «Он [Христос] пришёл распять мир». Основная работа была сделана. Не нужно распинаться самому. Крест становится концептуальным, очищается от крови. Никто, признающий кремацию, в реальности не верит в воскресение *тела*.

ПОСЛЕ СИМОНА ХОТЬ ПОТОП

(1,1) На этом мы заканчиваем краткое рассуждение о том, кого можно назвать гностиком, и переходим к подробному изучению вопроса о вере. Некоторые полагают, что через веру нам открывается Сын, в то время как знание приводит к Отцу.

(2) Однако они забыли, что для того, чтобы действительно верить в Сына, а именно, верить тому, что он есть Сын, в то, что он пришел, и каким образом, и для чего, а также каков смысл его страданий, необходимо знать, что есть Сын Божий.

(3) Это значит, что веры не может быть без знания, равно как и знания без веры, в той же мере как нет сына, если не было отца, и соответственно, отец — это отец сына. Сын же — это истинный учитель, открывающий Отца. (4) Поэтому для того, чтобы верить в Сына, надлежит знать Отца, с которым Сын, и напротив, вера в то, чему учит Сын Божий, необходима для познания Отца. Итак, от веры к знанию, через Сына к Отцу. Знание Отца и Сына в соответствии с гностическим правилом, понятным только истинным гностикам, есть постижение и объятие истины через истину.

Непреложное отделение от телесного и связанных с ним страстей — это жертва, приятная Богу. И в этом состоит истинное благочестие.

(Климент Александрийский, Строматы, Книга Пятая, 1, 11; ок. 200 г. от р.х.)

То, что Симон Волхв лично стал инициатором лавины гностического радикализма своими интерпретациями еврейского писания вполне подтверждается в именах и названиях мест, с которыми связаны ереснархи, упоминаемые в трудах оппонентов наследия Симона. Там есть, однако существенный временной разрыв. Церковная традиция

помещает смерть Симона в Рим в правление Нерона 54—68 гг. н. э., однако в трудах ересиологов до 149—160 гг. его имени не встречается. Учёным известно, что многие ключевые особенности христианской практики, позднее связанные с гностиками, присутствовали как минимум в павловских церквях начиная с 50 года. Эти особенности, правда, не были разработаны во всех системах до Иустина Мученика (ок. 100—165 гг. н. э.), самого родившегося в Самарии, и хорошо знавшего регион и его обитателей.

Согласно *Апологии* Иустина к Императору Антонию Пию, среди первых ересиархов, повлиявших на его родину, был Менандр, тоже самаритянин, как и Симон и, как говорят, его ученик²⁰. Менандр имел успех в Антиохии в начале второго века, убеждая последователей, что они не умрут (см. первые строки Евангелия от Фомы: «Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома. И он сказал: Тот, кто обретает истолкование этих слов, не вкусит смерти»). Обещание Менандра звучит несколько по-симониански в своей смелости. Ипполит оспаривал «просветлённое воскресение» Менандра — духовное пробуждение к вечной жизни после смерти — говоря, что смерть — лишь долг природе.

Ириней отличал Менандра от его предшественника Симона. По мнению Иринейя, Менандр считал, что высшая сила неизвестна в принципе. Мир был сотворён по распоряжению Симона, но, как учил сам Симон, был обустроен ангелами, которые сами были сотворены Энноией высшей силы: Первой Мыслью Бога, Мудростью²¹. У Менандра мы видим разрыв с природой, также встречающийся у другого известного современника Менандра, еретика Маркиона из Синопа (ок. 85 — ок. 180). Последний, согласно Иустину Мученику, считал, что Отец Иисуса не соприкасался с миром, а творец мира был довольно диким божеством, ответственным за жестокие расправы и проклятия Старого Завета.

В этом разрыве с природой кроются истоки двух путей, по которым шли гностические группы в своём подходе к страстям плоти, хотя оба эти радикально расходящихся пути исходят из одного корня. Во-первых, плоть — это часть несовершенного сотворения,

²⁰ Иустин Мученик, *Апология*, 1.26, 56..

²¹ Ириней, *Adversus Haereses*, I.23.

и погружение в её потребности затягивает дух к Земле, в царство смерти и духовного сна. Поэтому страсти плоти должно подчинять: это заключение разделяли палестинские и сирийские энкратиты, которые зашли столь далеко, что полностью заклеили брак, боясь (как не по-карпократиански!) запачкаться в нечистотах.

Во-вторых, духовный человек или пневматик выше природы, ибо он избежал трагического цикла рождения ради смерти, и пока он или она знает и поддерживает осознанность, что касается высшего состояния, страсти и потребности плоти не могут повредить основе существа, поскольку плоть слаба, дух же имеет вечное стремление. Гностик превосходит их все. Поэтому брак становится мелочью, вопросом духовного безразличия или, используя фразу Ипполита, «долгом природе», нацеленным на создание потомков или, заметьте, правильной разновидности потомков: наследующих духовное семя. Кажется, симонианской традицией было «брать отсюда всё». Если секс существует, и мы проходим через него, давайте использовать секс в полную силу; таким путём мы, всегда *contra mundum* (прим. перев.: лат. «против мира»), можем сокрушить власти земные!

Ириней выражает индифферентное отношение в главе 6 своей работы *Adversus Haereses*, где, описывая последователей гностика Птолемея, он подытоживает основные надежды гностических групп того времени: «Ибо даже золото, погружённое в грязь, не теряет от того красоты, но сохраняет свои врождённые свойства; грязь не имеет силы повредить золоту, потому они утверждают, что не могут никоим образом быть в убытке или потерять духовную сущность, каковым бы ни была физическая деятельность, в которую они могут оказаться ввязаны». Идея, кажется, такова: Эта Земля — ночлежка или бордель Демиурга. Мы здесь ненадолго. Надлежит следовать некоторым правилам, пока мы не забываем то, что следует знать, и вскорости покинем его с честью.

Снова, я думаю, что мы видим наследие *Книги Еноха*. Это короткий, но весьма значимый шаг на пути от видения испорченности мира как работы беглых Смотрителей под предводительством Азазеля, к приписыванию природы и реального истока современного творения тем же самым силам, что восстали против своего создателя или потеряли ум от зависти к ней: женственной Мудрости, вышедшей из себя.

Менандр предлагает своим последователям получить максимум благ от созидających ангелов. Согласно Иринею, они добивались

этого магией, которой обучал их её открыватель, сам Менандр, передававший гнозис через магическое достижение²². Последователи Менандра «получали спасение будучи крещеными в него». Могло ли это обозначать какого-то рода гомосексуальный или же гетеросексуальный ритуал? Мы можем предполагать, что, если так оно и было, Ириней с радостью сообщил бы всем эту весть. Хотя если бы он так сделал, остальным христианам захотелось бы узнать, что же такое крещение в Иисуса. Кажется, он делает акцент на том, что Менандр ставил себя на место Иисуса. В любом случае, Ириней не приписывает никакой особой сексуальной активности Менандру, довольствуясь повторением обвинения против Симона, что Менандр был сильным адептом магии и учил, как победить ангелов, сделавших мир. Поскольку Ириней говорит, Менандр учил последователей, что через такое воскрешение они достигнут вечной молодости, весьма вероятно, что они получали некий магический эликсир, не только фигурально, но и фактически, и у нас есть обширное поле для спекуляций о том, были ли такой эликсир результатом сексуальной активности, перенаправившей волю ангелов на воспроизводство людей посредством альтернативного, трансгрессивного использования сексуальных жидкостей.

Если, по случайности, вы сочтёте все эти разговоры про тёмных ангелов пустой небыллицей, вам может помочь думать о них в более физиологических терминах как о «цепях ума», подсознательных силах, препятствующих росту и осознанности, хотя я уверен, что Профессор Ионас посчитал бы такую транспозицию мягковатой. Гностики твёрдо верили в реальность этих ангелов в объективной вселенной, бывшей плодом их труда.

Ириней утверждает, что в Антиохии доктринальный вирус Симона передан через Менандра Сатурнину (или Саторнилу) и Василиду, откуда попал в Александрию, где хорошо обжился в философском и теологическом дискурсе.

«Не премину я описать и самый образ жизни еретиков, — сколь он ветреный, сколь бранный, сколь земно-человеческий, без достоинства, без авторитета, без порядка церковного, — в полном согласии с их верою.

²² Там же, I.3.

Уже отмечено, сколь тесны сношения еретиков с многочисленными магами, шарлатанами, астрологами, философами — с теми, конечно, которые преданы любострастию. „Ищите и найдете“ — этого они никогда не забывают». (Тертуллиан, *О прескрипции [против] еретиков*, 41, 43)

Подобный сарказм высказывается каждым ересиологом по поводу каждой ереси, среди авторов же ересей были в тот период (начало-середина второго века) Кердон, Маркион, Керинф, Саторнил и Василид: всем досталось сарказма.

КЕРДОН

Начав, судя по всему, как симонианин, Кердон вёл свою деятельность в Сирии около 138 г. н.э., несколько позднее восстания Бар Кохбы, спровоцировавшего болезненное изгнание евреев из Иерусалима и общей диаспоры, сопровождавшееся уничтожением еврейской и самаритянской политической самостоятельности. Ипполит свидетельствует, что Кердон поделился своей теорией двух богов с Маркионом, затем же Ипполит говорит ещё, что Маркион также имел мысли о двух богах, вдохновившись Эмпедоклом. В свою очередь Тертуллиан сообщает, что после Кердона «возник его ученик, некто по имени Маркион, уроженец Понта, сын епископа, изгнанный из-за изнасилования, совершённого над некоей дево́й». Начиная с того факта, что, как сказано «всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые», он пытался найти одобрение ереси Кердона, дабы его утверждения были идентичными тем, кто произносили еретики до него²³. То есть, мир содержит зло, поэтому он есть работа того, кто предан злу. Поскольку эта идея для ортодокса была уже омерзительно богохульной, мы ничего и не слышим о сексуальных аспектах, связанных с Кердоном или Маркионом. Однако весьма вероятно, что Тертуллиан просто не мог найти ничего лучше, что можно было бы навесить на Маркиона, чем эта мерзость, и обвинить его в незаконной связи. Многие сомневаются в последнем обвинении, считая, что Тертуллиан не понимал или отказывался понимать суть

²³ Tertulliana, Q.S.Fl. Tertuliana Adversus Omnes Haereses, 6.

ранних претензий к Маркиону. Говорилось, что Маркион совершил насилие над девственной церковью своей ересью.

Отрицание того, что мир сотворён высшим Богом приписывалось также Керинфу, активному в своей деятельности около 100 года н. э. Согласно Ипполиту, Керинф создал доктрину о том, что в Ветхом Завете Бог был справедливым, а Отец Иисуса был хорошим, из-за «образованности в учениях египтян». Эта насмешка могла означать лишь, что на Керинфа оказало влияние язычество.

В своём «Разговоре с Трифоном Иудеем»²⁴ Иустин Мученик (ок. 150 г — ок. 60 г. н.э.) связывает маркионитов с последователями Василида и с Сатурнилом (или Сатурнином, или Саторнилом), учителем которого, предположительно, был Менандр. Сатурнил, в свою очередь, предположительно, был учителем Василида, а Василид повлиял на Валентина, но связь весьма нечёткая и базируется лишь на сходстве идей.

САТУРНИЛ

Судя по всему, Сатурнил был энкратитом, — Ириней включал энкратитов в свой список ересей — поскольку они были аскетами, сторонившимися брака. Иисус был лишь явлением божественного спасителя, который пришёл спасти пневму, рассеянную меж людьми. Сотворение человека произошло, когда ангелы снизу уловили образ небесного существа, предположительно Логоса или гностического антропоса (божественной идеи или вечносущего эона человека) и попытались воссоздать нечто наподобие увиденного, а также по образу себя. Их тварь не могла стоять (эхо Симона), так что более высокое божество сжалилось и направило вниз пневму на эту тварь, которая, работая как искра и динамика дыхания внутри человека, со временем развилась в нём, дабы создать правильное существо, способное устоять в доктрине спасения пневмы. Явно, теория человеческой эволюции от ползучей твари до прямоходящего существа не нова (креационистам и их противникам на заметку!), но духовный мотиватор или искра Логоса внутри может стать указанием эволюционистам о необходимости вариативной трактовки привычного

²⁴ Иустин Мученик, Разговор с Трифоном Иудеем, гл. 35.

материализма. Даже учитывая инновационную теорию эволюции через пневму, ересиологи считали, что по Сатурнилу тело было не в счёт, поскольку искра уходит к небесам, тогда как труп выбрасывается. Высший Бог должен бы прежде всего оставить пневму с собой, а не заставлять её проходить постыдные воплощения!

Вполне может быть, что несмотря на предположения последней главы, полностью энкратитский тип гностицизма всё-таки существовал в начале-середине второго века и происходил он из сирийско-палестинских территорий, а также с северо-запада Месопотамии. Однако также возможно и то, что эти идеи были датированы задним числом в конце второго и начале третьего веков, когда энкратизм считался приоритетной проблемой ортодоксальных властей. А проблемой он был весьма болезненной, и даже вдохновил антиэнкратитскую главу 26 книги 4 *Стромат* Климента Александрийского, озаглавленную «Как совершенный человек обращается с телом и вещами в мире». С другой стороны, либертинный уклон симонианства мог быть исключением, хоть это и маловероятно. Ириней, например, упоминает секту николаитов, последователей, как он говорит, Николая, одного из семи дьяконов, назначенных апостолами, упомянутых в Деяниях. «Они ведут», говорит Ириней, «жизнь в неограниченном потакании», оправдывая супружескую измену как нечто незначительное²⁵.

В книге I, в главе 28 Ириней упоминает энкратитов прямо, говоря, что они «развились от Сатурнина и Маркиона», предполагая, вероятно, что последователи последнего «перешли» из старой ереси в новую с новыми, более строгими мыслями об отрицании брака, настаивая на вегетарианстве, дабы не принимать внутрь «сотворённой» плоти и не разлагать себя. Энкратиты, настаивает Ириней, сторонятся «изначального творения Божия» (мужчину и женщину) и противостоят божественной мудрости размножения. Они «косвенно» обвиняют Бога в сотворении мужчины и женщины. Это предполагает новое обращение к образу андрогинного или скорее бесполого духа. Энкратиты также отрицают, что Адам (сотворённый первым) будет спасён. Это, однако, говорит Ириней, лишь новодел (ок. 180 н. э.) и приписывает его Татиану, изначально «слушателю» (или несвязанному обязательствами помощнику) Иустина, который, после мученичества

²⁵ Ириней, Против ересей, I

Иустина, предположительно, отошёл от церкви, и, тайно пылая желанием стать учителем, изобрел собственную систему невидимых эонов, «при этом как Маркион и Сатурнин, объявлял супружество ничем иным как растлением и блудом»²⁶. Ириней лаконично отметил, что отрицание спасения Адама придумано Татианом! — и сама оригинальность идеи делает её просто смешной.

Сразу после слов о том, что гностики стали «переводиться в энкратитов», Ириней одаривает нас свежей горячкой:

«Иные, опять-таки, следуя за Василидом и Карпократом, привнесли неразборчивые сексуальные связи и многожёнство, и безразличны к поеданию мяса, принесённого в жертву идолам, говоря, что Богу безразличны эти вопросы. Но зачем продолжать? Ибо непрактично пытаться упомянуть всех тех, кто тем или иным образом отпал от истины».

И если уж Иринее картина казалась сбивающей с толку, человеку, так скажем, варившемуся в этой каше, то нам должна быть позволена некая свобода на ошибку в анализе фактов ситуации более восемнадцати вековой давности.

Опять-таки, мы не можем быть уверены, что все точки зрения, приписываемые Сатурнилу Ипполитом²⁷ не являются мнениями его позднейших последователей, однако наиболее интересно видеть, что по рассказам Ипполита о Сатурниле, верования о браке суть явное развитие идей до и после-иисусовых частей *Книги Еноха*. То есть, в ранних частях Книги Еноха, написанной между первым веком до н. э. и временем жизни Иисуса, Бог (Отец Светов) решает сокрушить земную власть злых ангелов (Смотрителей), ведомых Азазелем, грешивших и блудивших с дочерьми человеческими, тогда как в более поздних фрагментах агент ангельского апокалиптического падения назван «Сын Человеческий» (среди учёных считающийся иудео-христианской интерполяцией). Енохианская картина проявляется прямо в рассказе Ипполита о Сатурниле, где злые Смотрители переведены на греческий как Архонты или Управители зодиакальной судьбы:

²⁶ Ириней, Опровержение, VII, 16.

²⁷ Ипполит, Обличение, VII, 16.

«И он говорит, что Бог евреев один из ангелов и, во исполнение воли Отца лишит самостоятельности всех Архонтов [курсив мой] пришёл Христос, дабы свергнуть Бога евреев, и во спасение тех, кто уверует в Него, и что они в себе имеют сияние жизни. И он утверждал, что два вида мужчин были созданы ангелами — одни злые, но иные добрые. И поскольку демоны порой помогают злым [людям, как утверждает Сатурниа], Спаситель пришёл, чтобы избавиться от недостойных людей и демонов, но во спасение добрых людей. И он утверждает, что брак и размножение суть от Сатаны [курсив мой]. Большинство же из тех, кто принадлежит этой [еретической школе] воздерживаются и от животной пищи, [и] тем притворным аскетизмом [вершат многие свои надувательства]. И [говорят также], что пророчества были произнесены частью сотворившими мир ангелами, частью Сатаной, который также именно тот ангел, которого они считают враждующим с космическими [ангелами] и особенно с Богом евреев. Таковы, таким образом, настоящие догматы Сатурниа».

Кажется, не найти лучшего источника об отрицательном отношении к браку среди тех, кто проповедует гнозис во спасение от оков архонтов. Злые ангелы обесчестили связи, которые должны принадлежать духовным сущностям посредством своего злого семени, передаваемого из поколения в поколение. Те, кто в это верил, не мог видеть ничего приятного в сексуально озабоченных симонианах, если, конечно, он не принимал интерпретацию симонианской сексуальной магии как сакраментальное средство спасения тонкого *logos spermaticos*. Невероятно, чтобы кто-то с энкратитскими наклонностями мог терпимо относиться к мысли о ритуалах, включающих сперматофагию.

Подобные трудности не беспокоили некоторые гностические группы, появившиеся уже примерно в 170 гг.

ГРЯЗНЫЕ ЛЮДИ

Мазохизм для человека тоже норма;
Поскольку сексуальный акт есть Нисхождение Спасителя
в Ад.

Алистер Кроули, Дневник, 1920

В вопросах доктрины, любое истинно новое, с уверенностью ложно.

Архидиакон Ральф Чёртон (1754–1831), Защита
Церкви Англии, Оксфорд, 1795

Ириней считал, что религиозные группы, которые он более или менее объединил, а именно барбелиты (или борбориты), каиниты, офиты и сетиане, были не более чем отrostками, как лернейская гидра, школы Валентина²⁸. Это епископ вывел, видимо, из схожести языка, темы и тона: из идей, доказывающих развитие эона или теории эманации, а также исходя из того внимания, которое ими уделялось изгнанной Софии и её роли в сотворении вселенной и мужчин с женщинами. Это была, видимо, действительно целая «школа»: Ириней уже сообщал, что Птолемей, Марк и Ираклеон, каждый со своим спектром идей, были учениками Валентина. Климент Александрийский утверждает то же и о Феодоте.

Невозможно сказать, насколько точен Ириней в этом утверждении, поскольку еретики сами не упоминают своих промежуточных вдохновителей, говоря только об особом доступе к тайной, непроверяемой, апостольской или мессианской традиции. Климент Александрийский сообщает нам, что если Василид утверждал преемственность

²⁸ Ириней, Против ересей, I.30, 15.

тайной традиции через Глаусия, слушателя Петра, валентинианцы утверждали, что Валентин был учеником Феуда (или Феода), ученика Павла, причастного к неписанному таинственному гнозису последнего²⁹. Согласно Ипполиту, наассены или змеепоклонники, получили тайну через Мариамну — вероятно, Марию Магдалину — от Иакова, брата Господа³⁰. Это утверждение хорошо вписывается в названия некоторых, дошедших до нас, гностических работ (два Апокалипсиса Иакова, Пистис София, и, например, Евангелие от Марии).

Сетиане утверждали сокровенную связь со сверхъестественным разумом Сифа или Великого Сета, который также идентифицировался с Иисусом. Они настаивали на наследии семени Сифа, то есть, что они были духовными потомками великого и совершенного человека Сета, чьё рождение дало покой Адаму и Еве после ужаса, погубившего Авеля злобой Каина. Семя Сифа составляло доеврейский, чужой народ несдвигаемых (реминисценция симонианского языка, понятий стоял-стоит-устойт), странников в этом мире, но не из этого мира. Они были детьми своей истинной небесной Матери, Барбело.

Бросается в глаза, что Тертуллиан приписал появление большой группы сект влиянию греческой философии. Речь идёт о той самой группе, которая, по жалобам Климента Александрийского, мешала потенциальным обращённым приближаться к христианству. Поэтому Тертуллиан, называя Маркиона стойком, уничижительно высказывается о Валентине, ученике Платона. Аристотель тоже под подозрением: «Бедный Аристотель! Наполнивший их софистикой». Тертуллиан сияет радостью победителя, веря, что дни философии сочтены³¹. Природа сократического метода стала причиной постоянного обновления толкований, говорил Тертуллиан. Он обвиняет Афины и Александрию в искажении простоты веры, позиция, которую Климент Александрийский точно бы оценил. Всё же есть шанс, что названные выше секты не исходят из одного корня в своём непосредственном контексте, но являются плодом общей культуры, некоторого духовного рынка на пересечении восточных и западных египетских путей, которым была Александрия, насквозь пропитанном

²⁹ Климент Александрийский, Строматы, VII, 17.

³⁰ Ипполит, Опровержение, V, 2.

³¹ Тертуллиан, Об отводе дела против еретиков, 6.

конкурирующими, но зачастую в основе своей подобными, экзотерическими и эзотерическими учениями: греческим, еврейским, сирийским, персидским, индийским, греко-египетским и так далее. Это место освещено звёздными именами, на манер ярких имён 1960-х: Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Фридрих Ницше, Луи Пьер Альтюссер, Мао Цзэдун, Карл Маркс, Джэк Керуак, Боб Дилан, Элвис Пресли.

В этих сплетённых гордиевым узлом дебрях, тем не менее, можно разглядеть некоторую динамику передачи. В начале-середине второго столетия в Самарии, Сирии и Верхней Месопотамии (регион Эдесса, возле границы с Парфией) и Александрии наблюдается некоторое хождение общих идей. Вероятно, вследствие римского опустошения Иудеи (135 н.э.) и войны с Парфией (161–166 н.э.), когда Император Люций Вер завладел Эдессой, центр притяжения далее переместился в Александрию и Египет в целом, откуда философски усовершенствованная гидра эзотерических идей распространилась на Рим и остальную Империю, проникнув в павловские и иудео-христианские церкви, становясь основанием и независимых кругов.

С середины до конца второго века Александрия видела множество сект двух основных направлений, которые в своём развитии основывались друг на друге. К первым относились те секты, что происходили от или ассоциировали себя с теологом Валентином, а ко вторым — секты более магического и либидного характера. Складывается впечатление, что представители валентинианских групп считали себя элитой высшего, духовного, эзотерического христианства, всё ещё ожидая быть принятыми церковью, несмотря на свою авангардность, а сетиане, наассены, офиты, симониане, карпократиане и борбориты позаимствовали обширный христианский материал поскольку он им попросту подходил. Вероятно, они были склонны больше считать себя гностиками, нежели заботиться о признании от католической церкви, которую многие из них терпеть не могли. Такая обобщённая картина не включает и не затрагивает каждую возможную секту, и можно предполагать весьма серьёзное пересечение, уподобление и множественное членство, подобно тому, как ярые франкмасоны присоединяются к разным орденам в поиске идеального, или просто из любопытства и жажды новых впечатлений.

Похоже, некоторые имена употреблялись ересиологами без всякого разбора и могли быть различными названиями или прозвищами для

одной и той же группы (члены которой вполне могли называть себя как-либо иначе), поскольку если их гнозис и вправду был «ложно так называемым», как заявляли ересиологи, то не повредит ортодоксу называть их по их работам. Ипполит, например, говорит, что наассены «рядились гностиками». Поскольку название «офиты» происходит от греческого «змей» (*ophos*), а наассен происходит от еврейского слова «змей» (*наһаш*), и поскольку поклонение змею было частым среди гностиков, мы не зря предельно аккуратны с названием имён и не слишком в них уверены. Когда речь идёт о сектах, надо учитывать, что они всегда имеют много ответвлений. Надо учитывать, что в делах, ведомых внутренним голосом или суеверным трепетом перед тайными мистериями, авторитетов быть не может, поэтому можно с уверенностью говорить, что размежевания были часты. Слишком частые нововведения разрушают стройность. *Для гностика подвижное воображение и незаурядная самобытность были качествами, которыми стоило гордиться; для негодующего ортодокса они означали сумасшествие.*

СЕТИАНЕ, СОБИРАТЕЛИ СЕМЕНИ И ЗМЕЕПОКЛОННИКИ

Глава 29 иринеевской «Против ересей» начинается с крика предупреждения: «...от вышеупомянутых симониан произошло еще множество гностиков, появившихся как грибы из земли». Традиционно грибы появляются после грозы и ассоциируются с дьяволами, поэтому метафора может представлять собой образ грозы преследований Аврелия в Нарбоннской Галлии в 177 н. э., которые предшествовали прибытию Ириней в Лион. Подобные ответвления появились, судя по всему, уже в Риме при Епископе Аникете (бывший епископом с примерно 157 по ок. 168 н. э.), когда карпократианская женщина-маг Марселлина «свела толпы с пути истинного „искусством волхвования и заклинания, употребляют любовные напитки, прибегают к своим духам и наводящим сон демонам и к другим хитростям“»³², всё, чтобы доказать, что гностики имели власть над «принцами и устроителями этого мира» и всё в том же духе. И снова чувствуется дух симонианства.

³² Ириней, Против ересей, I.25, 3.

Карпократиане, как мы уже помним, исповедовали, что для полного освобождения душа должна пройти весь опыт последовательных воплощений (ср. миф о Елене). Если, как в меру ответственный гражданин, вы не стремились совершать криминальных деяний в этой жизни, вероятно, вы уже были замешаны в них в предыдущих воплощениях. Похоже, что доктрина применялась в основном к сексу и отношениям, связанных с сексом: Ириной часто зовёт гностиков соблазнительями и соблазнившимися.

Согласно еретической доктрине, которую предпочитала Марселлина, сексуальный инстинкт должен быть испытан полностью, со всех сторон, даже до истощения, чтобы души могли достичь безразличия к нему, поскольку всё надоедает в конце концов, кроме абсолютного желания души, неприступной для этих проходящих дел, сколь бы желание «спасения» на этом пути ни вызывало привыкания! Доктрина может оправдать любое падение, слабость и предание себя соблазну, ради обучения, прося терпимости — совсем недалеко от современного весьма сомнительного понятия «жить дальше» после фатальных глупостей и преступлений. Подразумевается, что жизнь и сама по себе достаточное наказание. Всё это чем-то напоминает нетипично благодушную мудрость Дьякона Уильяма Инге «Наказание за то, что ты плохой человек — это быть плохим человеком». Человеку никогда не стать хорошим до того, как он полностью не осознает, что такое быть плохим. Ч.Т.Д., злобно скалится Карпократ, а кроме того, неважно, сколько было нанесено вреда: вселенная родилась из-за вреда.

Последователи Карпократа, писал Ириной, клеймили себя за мочкой правого уха, в эрогенной зоне. В ватиканской *Liber Pontificalis*³³ сказано, что Епископ Римский Аникет приказал служителям не носить длинных волос, вероятно из-за этой моды, царившей среди еретических учителей или последователей в городе.

Ириной в 29 главе своей работы подразумевает, что появление барбелитов или борборитов произошло недавно. Имени основателя не указано.

«Борбориты» вряд ли могло быть самоназванием группы, поскольку с греческого «borboros» значит «грязь», «отбросы», «навоз» и перевести «борборит» как «засранец» будет также верно,

³³ [прим. перев.] Сборник деяний Римских пап, начиная с апостола Петра.

как и «непристойный» (прим. перев. англ. *filthy* переводится и как «грязный/низкий», так и «развратный»). Навозная муха из семейства шароусок также известна как «борборит». Поэтому мы можем предположить, что «засранцы» — это жестокий насмешливый каламбур на имя богини, чья история наиболее распространена в сообщениях ересиологов об их верованиях, это имя — Барбело (иногда Барбелос). Оппоненты гностиков одновременно со своим мнением о практиках поклонников Барбело, порочили и имя богини. А поскольку Барбело появляется в большинстве гностических текстов, особенно в трудах сетиан, легко заметить, что этот культ или ряд культов рассматривался(-ись) весьма «удаленно, абстрактно». Из текста видно, что Ириней не зная значения имени Барбело, писал его в мужском роде, используя местоимение «он». Он, очевидно, имел в виду характерную гностическую особенность приписывать бисексуальность небесным силам. Отец небесный также является небесной Матерью (время зарождения католического подхода к Деве Марии как небесному успокоителю души (посредством Святого Духа)).

Я оставляю своё исследование значения Барбело для глав 10 и 11, когда мои открытия будут иметь больший смысл для просвещённого читателя. Мы посмотрим, что сможем узнать о сексуальных практиках поклонников Барбело от Ириней, Тертуллиана, Ипполита и Елифания.

Из того, что нам известно, гностики Барбело желали быть причастными свету Христа через объятия божественной Матери. То, что это возможно, становится ясно из поверия, рассказанного Иринеем³⁴: Неизвестный Отец пожелал раскрыть себя, то есть, стать известным своей Первой Мысли, Барбело или Барбелос, девственному духу. Есть ответ на практический вопрос: «как мне получить свет?» Он таков: «достигни девственного духа; очистишь от Земли и архонтов». Очень помогает рассмотрение мифа этих гностиков как ответа на практические вопросы, вроде «как сделать ...?», прямо связанные с ритуальной практикой.

Далее читаем у Ириней, что Эннойя «Первая Мысль или Разум» вышел и стоял пред ликом Отца. Идея «выхода» — ключевая для понимания Барбело. Она оказывается «впереди паравоза»: порядок вещей этого не предполагает. Барбело просит пред ликом Отца о *prognosis*

³⁴ Ириней, Против ересей, I.29.

или предвидении, которое Отец ей даёт. Они находятся «лицом к лицу» и да, можно думать о сексуальном объятии. Далее работают вместе две силы: Барбело, девственный дух и Прогнозис, сила прорицания. Будучи способными видеть наперёд, предвидеть и создавать, вместе Барбело и Прогнозис требуют нерушимости и вечной жизни для сохранения чистоты видения. Барбело переполняется удовольствием своего знания Отца; она распознаёт и испытывает сквозь своё существо восхитительное блаженство доселе неизвестной природы Отца. Это сексуальная аллюзия. Миф указывает на священное соитие, вознесённое за пределы мироздания. Посвящённые вполне могли употреблять энтеогены для стимуляции подъёма к божественным объятиям между совместными ритуальными практиками.

Из своей стимулированной радости и восхищения она, Барбело, рождает свет, сходный со светом, свойственным природе Отца. Но он не такой: ибо хотя она получила семя Отца, оно соединено с её собственным отражённым светом (тут мы можем вспомнить о классическом сравнении значения, придаваемого мужской сперме и женским сексуальным жидкостям). Её света хватает на то, чтобы породить всё. Всё приходит из света Барбело и этот свет является невидимым семенем (спегма) и семенем в семени (рпегма), поскольку в абсолютном духовном свете не видно никаких вещей. Это Свет порождающий. Этот Свет, по вере последователей, является также Христом, но не человеком Иисусом (которые сеет семя среди людей), но Христом, которому Иисус служил для самопроявления и придания временной формы. Свет становится различим как Христос лишь после Отца, пользуясь или «принимая удовольствие в» освещающей светом Барбело, «умащает её порождающий свет своей собственной благодатью». Здесь чётко различима идея божественного оплодотворения: о совершенствовании семени. Мысль, принятая Иринеем за чепуху, всё же служил основой и оправданием таинства умащения среди сообщества барбелитов. Но... *Святая Матерь Божья!* Что это ещё за умащение?

Христос в свете Барбело — она его мать — требует, чтобы Nous (Нус, духовный Ум) Отца помогал ему. Отец также дарует Logos (порождающее Слово). Так и представляется, как барбелитский новообращённый осведомляется у жреца: «что имеется в виду под словами „Вначале было Слово и Слово было у Бога?“» Подразумеваем освящённую сперму.

Энной соединена с Логосом. Нерушимость (Aphtharsia) с Христом. Вечная Жизнь (Zōē Aiōnios)) создана в сизигии с Thelema (Воля или божественная воля; ср. «да будет воля Твоя, яко на небесі и на землі»). Нус — пара Прогносису: Ум и Предвидение, суть пророчества. Были ли, интересно, эти сизигии воплощены в парах в тайном коллективном ритуале, вместе с песнопениями?

Всеми этими высшими силами великий свет, окружавший Барбело, увеличивался. Прямо слышно, как торжественно произносится цитата из Евангелие от Луки (1:46—47): «И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем». Гностическая торжественность, которую ортодокс скорее примет за чистейшую сатанинскую дерзость, поскольку неявное указание на сексуальное таинство, как бы невинно оно не практиковалось, явно присутствует в мифе о Барбело. Это не просто «взбесившаяся» метафизика: это оправдание духовного секса. Барбело точно была неопалимой купиной симониан, из которой был слышен голос Бога. Мы можем это сказать по несколько расплывчатым утверждениям Иринея, следующим за его рассказом о порождении барбелитских эонов: «Отсюда, говорят они, произошли мать, отец и сын; от человека же напротив и знания произошло дерево, которое они также называют знанием»³⁵.

Гнозис — это дерево. Значение этого станет понятным далее по тексту.

Ветви растут вниз, неся плоды. В нисхождении происходит нарушение гармоний, как всегда в гностических системах. Результатом становится нижний мир, который гностик должен преодолеть, вначале посредством осознания объёмов проблемы, затем через таинство, принимая в душе и тем готовясь к восхождению духа в день, когда материальное тело умрёт. Гностики видели, что тёмные силы, явленные в мире физического рождения, тени рождения духовного, могут победить изгнанный дух, поэтому божественные сущности входили в мир под разными именами и масками.

Но как получилось, что всё пошло не так, и как можно уйти от этого?

Барбело направляет «Святого Духа», которого, по словам Иринея, барбелиты также называли София (Мудрость) и Пруникус (это не поясняется). Иринея использует мужское местоимение для этой

³⁵ Ibid., 1.29, 3; курсив автора..

фигуры, которую мы привыкли считать женской, и которая обычно считается тем же действующим лицом, что и Барбело в большинстве дошедших до нас гностическим систем. Ириней использует местоимение мужского рода также и по отношению к Барбелос, вероятно из-за мужского рода форм греческого слова с окончанием на «-os». Может быть и другая причина. Ему хочется избавить читателя от соблазна этих идей. Андрогинная, двуполая или мужская фигура затемняет чувственный резонанс мифа, и он спокойно мог изобразить все это как псевдофилософскую ерунду.

С другой стороны, заключение мифа о сотворении, которое передаёт нам далее Ириней предполагает, что имел место партнёр мужского пола у женского персонажа Барбело, в той мере, что (хотя он и не говорит этого прямо) Барбело, вероятно, была сотворена андрогинно-бисексуальной. Если только она впитала семя Отца, ведь знание ей было передано лицом к лицу. Эти тонкости часто теряются в большинстве повествований о гностиках, которые зачастую поверхностны.

Более того, по рассказам Ириней, двойственная природа Барбело или мужская природа позволяет говорить в мифе о том, что падший Святой Дух становится Демиургом — необычный, действительно уникальный поворот в гностической системе. Это происходит потому, что мать София покидает его, потому что он ошибся.

«Потом от первого ангела, который находится при Едином, произошел Дух Святой, Которого они называют Премудростью (Σοφία) и Пруникос. Он [Святой Дух] же, увидев, что все прочее находится в сочетании, а Он не имеет супруга, искал с кем бы ему сочетаться; и не нашедши его, Он расширился и посмотрел на нижние области, думая найти здесь супруга; и не нашедши, с досадою [, нашедшей на него,] *отвернулся назад*³⁶ [от своего места], потому что сделал попытку без благоволения Отца. После того, побуждаемый простотою и добротою, Он произвел творение, в котором было неведение и дерзость. Это произведение Его, говорят они, есть первый начальник (προαρχων) [Демиург или Первый Архонт], создатель этого [нижнего] творения; Его, по сказанию их, великая

³⁶ Прим. перев.: англ. *leaped forth*.

сила отвлекла от матери, и Он низошел от нее в нижние области и сотворил твердь небесную, в которой, по словам их, и живет Он. И как неведение, Он сотворил все подчиненные Ему власти ангелов, тверди и все земные вещи. После сего соединившись с дерзостью (*αυθαδεια*), произвел злобу, ревность, зависть, ярость и похоть. После того как эти родились, мать Премудрость со скорбью удалась и возвратилась на высоту и стала, если считать снизу, осмерицею. С удалением ее, Он подумал, что один только существует, и потому сказал: „Я один Бог, Ревнитель, и кроме Меня нет Бога“. Такие-то вещи они выдумывают» (Против ересей, I.29, 4, курсив и вставки автора)

Отметьте «отворачивание назад» Святого Духа-Софии-Пруникус от своего места. Здесь подразумевается, как мы думаем, не только женская неразборчивость, но также мужская преждевременная, неконтролируемая эякуляция, результат которой — плохое дитя, тень своей матери, как могут сказать соседи: вселенная, в которой гностическая душа рождена спящей.

Путь наверх заключается в перерождении связи между Матерью, которая не пала, но чья природа может быть постигнута, если будет пробуждена в падших, низших областях. И здесь тоже может быть каламбур. То, что связывает человечество с Землей, содержит в себе семя спасения от Земли, поскольку низших ангелов или негативные тенденции можно превзойти. Эта система не лишена этики, но она должна быть применена специфично к эффективной, сконцентрированной духовно-сексуальной практике, нацеленной на союз или воссоединение: исцеление раненного духа или внутренней вселенной через непрерывную концентрацию субъекта на наднебесной цели. Апогей может выразиться через соединение микрокосма с макрокосмом. Ересологи, вероятно, верно считали мага *fons et origo* (лат. источник) практики.

Довольно путаный рассказ Ириней о сетянах указывает на другой поворот в основной мифологии, с которой мы теперь знакомы. У нас появляются дети Барбело по имени Синистра, Пруникус и София или «муже-женская». Она/он, хотя и ниже своего источника, ещё достаивается божественного «орошения света»³⁷. Напращивается

³⁷ Ibid., I.30, 9.

визуальная аналогия с феноменом звёзд в иначе тёмном покрове ночи. Положение звёзд в те памятные времена описывало условия рождения. Тот свет, что есть во вселенной, это свет сиюминутный, результат любопытной жадности Иалдабаофа до орошающего света — который он видит, словно дикарь, разглядывая чужой груз на берегу моря — расточающийся на тех, кто над ним, и кого он не может увидеть из-за слепоты своей. Зная лишь свою работу, он «ревнивый бог».

Иалдабаоф это имя Демиурга и множественное число предполагает его родство с именем Элохим (= Боги), Бытия, создавшего земного человека. Вероятно, имя является игрой слов от «прародителя Сафаофа» (= воинств, ангелов или звёзд), совмещающей арамейское *ialad* (дитя) и *baoth* (хаос). «Дитя хаоса» — имя более чем говорящее. Уильям Блейк создал имя своего демиурга «Old Nobodaddy» (прим. перев.: во втором слове каламбур nobody+daddy = никто + папа), «Ветхого Днями», который как Юрайзен³⁸ устанавливает границы вселенной, из имени «Иалдабаоф», найдя в нём арамейский каламбур на «папу» (*abba*), германское и древнеанглийское *alt* или *eald* в значении «ветхий» и *Ia* или *Ja*, обозначающее краткую форму ниспосылателя Закона Моисея и судьи. Блейк хорошо усвоил идею.

Иалдабаоф столь ревнует своего Адама, что создаёт Еву просто ради опустошения его, но Пруникус отбирает у Евы свои силы, чтобы расстроить Иалдабаофа. Другие приходят, любясь Евой и влюбляясь в неё, и заводя с ней детей, которые суть ангелы. Развитие истории явно вдохновлено главой 6 Бытия, где повествуется о трансгрессивных детях Бога и Нефилим, история, которая преобразовалась в Хранителей из Книги Еноха, вероятно первоисточника гностической теории архонтов.

Решив заставить Адама и Еву очнуться от снотворной силы Иалдабаофа, София заставляет змея убедить их в том, что приказ Иалдабаофа не вкушать от древа Познания должен быть нарушен. Змей становится символом воли Софии, тогда как, согласно Иринею³⁹, некоторые сетиане утверждали, что София сама стала змеем. Она имплантировала гнозис в людей, «по этой причине змей считался мудрее всех

³⁸ Уризен, Юризен или Юрайзен (англ. Urizen) — верховное божество в сложной и оригинальной мифологии Уильяма Блейка, в произведениях которого он описан творцом материального мира, представляющим собой некое подобие библейского Иеговы.

³⁹ Иринеи, Против ересей, 1.30, 13.

остальных». Гностики даже говорили, что внутренности змея, через которые поступала еда, раскрывали «скрытую породительницу».

Ева следует совету змея, словно тот сын божий (отметьте снова ссылку на Бытие 6) и убеждает Адама поступить также. Вкусив, они «постигли гнозис той силы, что выше всего и отошли от тех, кто создал их»⁴⁰. Сетианец также стремится вкусить от дерева, чтобы уйти от сил мира. Это не только мифология ради мифологии, как представляет Иринея. Это обоснование поеданию табуированных субстанций: сексуальная терапия для воссоединения с силами сетианского семени и ангелами, которые свыше и за пределами этого скрытого в тених мира, выше всех сотворённых вещей, включая творца этих вещей. Этот гнозис Иисус-Сиф передал своим ученикам дословно: «примите, ядите; сие есть Тело Мое». Вероятно, Иринея намеренно лишил смысла описываемые практики, чтобы случайно не поощрить врагов. Гностические практики в его рассказах представляются сугубо богохульными и фундаментально бессмысленными отклонениями от пути истинного.

Сетианский же подход, конечно, совершенно иной. Пруникус радуется, доказав, что поскольку истинный Отец нерушим, Иалдабаоф, объявивший себя Отцом — лжец. Иринея дополняет всё интригующим и довольно странным, неисследованным примером. Когда божественный человек (*anthrōpos*) и первая женщина (предположительно Барбело) «предсуществовали», что, должно значить, что они были из вечности (эонов), Ева, земное отражение её высшей Матери «согрешила, совершив адюльтер». Этот грех в данном контексте выглядит парадоксально, поскольку, согласно Бытию, грех Евы обрёл её в глазах Бога на циклы болезненных рождений и смертей, «адюльтер» Евы, её нарушение приказа, даёт ей, в сетианских терминах, уверенность в свободе. У нас встречается первое указание на то, что романтическая любовь обязательно имеет природу адюльтера (*contra mundum*), что наглядно отображено в анналах западной литературы, поскольку это — любовь, превосходящая плотские страсти и любую собственность. То, чего достигает Ева оплачено ею сбрасыванием цепей. Брак рассматривается как часть цепей Демиурга, служащих лишь его целям. Это звучало во втором столетии также разрушительно для устоявшихся социальных институтов,

⁴⁰ Ibid., I.30, 7.

как и сейчас. Эти гностики не христиане, кричат ересиологи. Сложно, глубоко изучив их специфический путь к просветлению не соглашаться с этим утверждением.

Ириней рассказывает о том, что, по нашему мнению, является наставлением новому члену сетианского сообщества. *Как г, что мы отличаемся от остальных? Почему мы, сетиане, выше? Что не так с Г-ном и Г-жой Обычными?*

Изначально Адам и Ева имели тела духовные, а вход в мир сделал их более темными, тяжелыми и неповоротливыми. Открытые теперь только мирскому вдохновению, их души стали слабыми и вялыми. Однако, «сжалился над ними Пруникус и возвратил им благоухание орошения свет»⁴¹. Они пришли в воспоминания о самих себе и узнали, что они наги и имеют материальное тело. Тело, подверженное времени, будет преодолено; заточение закончится. Тем временем, София (как Ангел-Павлин Мелек-Тавуз йезидов) наставила Адама и Еву о пище и плотских знаниях: так родились Каин и Авель. К сожалению, их рождение принесло в жизнь зло, унаследованное из сущности Иалдабаофа. Однако предвидением Пруникус был зачат Сиф, начинатель совершенной расы чужаков, не своих в мире.

Пруникус дарует также другую гностическую святую по имени Норея, которую сетиане считали женой Ноя и, как следствие, прародительницей всех племён. «Мысль Нореи» называется одна из работ корпуса Наг-Хаммади. Это молитва Нореи Отцу и Барбело, о том, чтобы она смогла присоединиться к «нерушимым». Это произведение написано в конце второго века или начале третьего в Египте. Вполне правдоподобным видится использование этой молитвы в сетианском богослужении.

Однако Пруникус/София платит высокую цену за то, что связалась с низшим миром. Истощённая, отрезанная от своего духовного дома, она призывает небесную Мать. Можете представить себе терапевтическое значение этого мифа про изгнанную и измученную женщину, страдающую во времена поздней античности. К Софии на землю отправлен Христос, ради «орошения света», объявленного Иоанном, который подготавливает крещение для нового воплощения Бога и крестит Иисуса, дабы Христос имел чистый сосуд, через

⁴¹ Ibid., I.30, 9.

который проявиться. И хотя человек (который является человеком) Иисус — это «сын этого Иалдабаофа», Иалдабаоф окажется в проигрыше, когда Христос возвестит «Жену». Христос скрывает свою сестру в «орошении света», с сильным подтекстом, касающимся эротического союза Христа и Софии, «и Христос, сошедши в этот мир, сокрылся прежде всего в своей сестре Премудрости, и оба радовались друг о друге; и это, утверждают они, представляет жениха и невесту»⁴². Сетианская аллегорическая христология весьма интригует. Иисус рождён «чрез действие Божие от девы»; предполагается, что Дева — Барбело. Из-за этого Иисус был «мудрее, чище и праведнее всех людей; Христос, соединенный с Премудростью, сошел в него и таким образом произошел Иисус Христос».

Согласно герметическому принципу «что вверх, то и вниз», этот наднебесный союз отражается на Земле в гностических кругах в особых отношениях, приписываемых Иисусу и Марии Магдалине. Нет причин считать, что эти отношения исторически реальны, хотя история для гностика проявляет себя в своих разрозненных схемах, будучи погружённой в иллюзии, будто тайный свод правил реальности. Что было очевидно для освобождённого гностика, было лишь слегка заметно мирским ученикам, чья жизнь согласно евангелиям синоптиков и по Иоанну проходила без пользы святой пневме, то есть в духовной слепоте.

Есть свидетельство, позволяющее предположить дохристианскую сетианскую структуру. В рассказе Ипполита о сетианах⁴³, он упоминает книгу, названную «Парафраз Сифа», где раскрывается их тайная доктрина, основанная на троице Света, Духа и Тьмы, чья смесь породила космос (поскольку Тьма «не знала Света», она набросилась на Дух). Эта работа должна быть близка работе «Парафраз Сима», найденной в библиотеке Наг-Хаммади, поскольку она подходит под описание Ипполита. В существующей версии этой книги, помимо того, что Сиф стал сыном Ноя, (а его имя породило слово «семитский», ещё и фигура спасителя названа «Дердекеас»). Однако, основная тема чистого света, который также есть семя, искажённое примесями, преобладает.

Высший потенциал скрытого света должен быть спасён из объятий демона, проявляющегося в образах ложного бога. Поэтому в этом тексте

⁴² Ibid., I.30, 12.

⁴³ Ипполит, Опровержение, V, 15–17.

содомиты имели знание, а знание имело содомитов истинного семени и именно из-за этого знания Содом был сожжён демоном (ранний пример «теории заговора» — почти изобретения гностиков; странно, что в современных евангелистских теориях заговора — «Иллюминаты» и иже с ними *ad nauseam* — винят во всём гностиков!).

Автор и учёный Фредерик Виссе считает «Парафраз Сима» важным текстом для формирования ранней христологии, поскольку сетианская или симианская философии были до определённой степени христианизированы. Вопрос в том, насколько. Есть изящные отсылки к крещению Иоанна Крестителя, которое, в результате, не было не общехристианским, поскольку было чисто водным; из-за того — от демона. Но именно через этот недостаток раскрывается истинное крещение. Работа дышит неистовым, бунтарским духом трансгрессивной теории освобождения, а поскольку Сиф представляет надмировое семя, христианская часть содержания практически не имеет значения, и мне думается, что она вообще постхристианская, из-за пародий и шуток на католическую веру — включая теологию первой главы Евангелия от Иоанна.

Что-то мне также подсказывает, что «женщина», за которой последуют, и это — несомненно, Мудрость, является также дублёром вероятно андрогинного Иоанна Крестителя. Хотя Иоанн Креститель считается источником свидетельства «иоанновского» евангелия (Ин. 1:19), у Иоанна были собственные гностические последователи в этот период (их возможные потомки ныне широко известны как секта мандеев), и это могло быть причиной явного до- или нехристианского их происхождения или характера, поскольку мандеи чтят Иоанна «посланником света», никак не поклоняясь Иисусу.

Работа базируется на том, что обычный секс непристоен, поскольку касается только порочной плоти, однако просвещённое сетианское сексуальное таинство восстанавливает силу семени посредством призвания духовного света, сокрытого в сперме, чей источник вне этого мира. Есть женщина, которая знает: «И люди последуют⁴⁴ за женщиной, обладающей пониманием, которую ты [Сим] явишь

⁴⁴ Прим. перев: в английском тексте «Парафраза Сима» используется глагол *behead*, в английском обозначающем обезглавливание. Кажется, автор отталкивается именно от этого слова, хотя в русском переводе это слово переведено как «последовали». Эта разница создаёт серьёзную смысловую неувязку в этом тексте.

на Земле». Женщина — явно София, среди прочих имён, везде в тексте грубо именуемая «шлюха». «та женщина, за которой они последуют в то время, есть средоточие силы демона, который будет крестить жестоко семя Мрака, чтобы оно смешалось с нечистотой»⁴⁵. Враг в тексте — природа, чей неистовый огонь, низвергающийся в борьбе с Духом во Тьме, исходит из её «тёмного влагалища»: отголоски этого касаются женской утробы, страдающей от регулярных попыток задиристой истеричной природы.

Забавно, дальнейшие отголоски этой идеи затрагиваются Иринеем в продолжении его рассказа о сетианах: сетианские идеи о семени основывались на предположении, что семя Каина показало свои злые корни в убийстве Авеля, и далее Ириней представляет нам ещё одну гностическую группу, «каинитов».

В 31 главе работы «Против ересей» предполагается, что каиниты создали «Евангелие от Иуды», сенсационно явленное обществу в 2006 году (см. мою книгу 2008 года «Поцелуй смерти: подлинная история Евангелия Иуды»). Поскольку откровение Барбело — центральная особенность дискурса Иисуса в этой «лживой истории» (Ириней), учёными эта работа считается сетианской, нежели каинитской. Сам Ириней различает авторов евангелия от Иуды, говоря, что они идентифицировали себя с грешниками Завета, поскольку это на них «нападал Творец». Пусть никто из них и не оказался травмирован, но Исав, Корей восставший против Моисея (Чис. 16:1–40), уничтоженные содомиты (см. Парафраз Сима) и Иуда Искариот (люди) ни в какое сравнение не идут с этим утверждением, и речь, вероятно, о духовной травме. София «имела привычку забирать у них то, что принадлежало ей» — предположительно их свет. Иуда, судя по всему, один знал правду и «свершил мистерию предательства», и через него «всё вещи, земные и небесные, были тут же спутаны». Так Иуда перехитрил и Демургга: сама идея «перехитрить владыку времён» была заимствована из пламенных писаний Павла (1Кор. 2:6–8), а также Книги Еноха.

То, что каиниты практиковали сексуальную магию, ясно из выводов Иринея, и мы можем заключить, что нет существенной разницы между каинитами и сетианами Иринея, для которых Сиф,

⁴⁵ Nag Hammadi Library, VII, I, 40.

как мы видели может проявляться в некоторых трансгрессивных индивидах, чей общей чертой была способность возбуждать силы мира, чтобы их уничтожить. Именно поэтому Иисус естественно включается как Сиф. Поскольку гностикам противостояли ортодоксы, это тоже говорило о том, что они на верной стороне, откуда ортодоксы были слугами Саклы глупца, специалиста в «обезглавливании» женщины, то есть, лишения её жизни и голоса.

Восхищает то, что в кратком представлении Иринеем трудов каинитов, «каинитская» мысль приписывает сотворение вселенной Истере, что значит «утроба», чьи труды каиниты считают никчёмными. Это может быть развитием симонианского Эдема-рая-утробы, что обсуждался ранее. Также есть аллюзия на распространённую гностическую идею о том, что менструация отражает первичную рану сердца самой Софии и её разрыв с Плеромой («Полнотой») Бога ниже живота или Единства. Предполагалась ли связь с дисфункцией репродуктивных органов, вызывающих нарушения в психике, что дало нам заимствование термина «истерия» — неизвестно, но его использование предполагает возможный терапевтический аспект сетрианских сексуальных ритуалов, нацеленных на связь гностиков с их неземным ангелом, не загрязнённым временем, пространством или материей, дабы перенаправить обеспокоенный ум на его истинную Мать:

«И так же, как Карпократ, говорят, что люди не могут спастись, если не пройдут чрез все роды дел. И при всяком грехе и постыдном поступке присутствует ангел, и действующий осмеливается приписывать свою дерзость и нечистоту ангелу, и каково бы ни было действие, совершать во имя ангела и так говорить: „О ангел! я злоупотребляю твое дело; о сила! я совершаю твое действие“. И совершенное знание, по их словам, состоит в том, чтобы предаваться безбоязненно таким делам, которые непозволительно и называть». (Против ересей, I:31, 2).

Мы же можем назвать их сейчас: совокупление (в основном гетеросексуальное), куннилингус, сперматофагия, мастурбация самостоятельная и с партнёром, поглощение смеси вагинальных жидкостей и спермы, употребление менструальной крови, продлённое соитие.

Будучи беспристрастны, мы хотели бы отомстить ересиологам, но если остановиться на мгновение, и подумать о том, какими были

бы наши чувства, если бы мы разделяли что-то из выше названного с кем-то кого мы поистине любим, внутренне и внешне, и кто, как мы знаем, любит нас, и чьё духовное стремление к любимому делу разделяется нами как высшее благо?

София, в конце концов, понималась гностиками тогда и видится сейчас как предвечная архангельская мудрость любви. Её мудрость также считалось, что присутствует в медицине и целительстве, в бальзамах, травах и умощениях, и быть может, история об Иисусе, исцеляющем женщину «в нечистоте» указывала на гностические возможности сексуального лечения. Тогда как ортодоксы принимали текст Бытия за чистую монету, считая, что женские гинекологические страдания были достойным наказанием за грехи Евы и должны претерпеваться именно в таком значении. Сетиане же, напротив, считали воды крещения ортодоксов нечистыми, потому что они были *смешанными*, когда видны. То есть, в глазах Сима, который был «от несмешанной силы»⁴⁶, и который был выше «тьмы», которая «над бездною» (Быт. 1:2), Сиф, Сим, Иисус, София — пришли исцелять: «Ибо знание того, что предписано, является истинным исцелением страстей материи»⁴⁷.

ИППОЛИТ О НААССЕНАХ

От Ипполита мы впервые узнаём, что были жрецы с такими убеждениями и назывались наассенами, но они лишь «принарядились гностиками». Видим общегностическую инверсию. Поскольку змей, согласно ортодоксальному христианству и общепринятым иудейским убеждениям, был проклят за «ошибку», которая повлекла за собой падение Адама, то змей этот должен быть, для тех, кто в курсе дела, врагом того, кто лишил Адама его права по рождению: духовного знания, осознанности, свободы. В противостоянии Элоһим (Демииургу) змей доказал свою дружественность Адаму и Еве. Это сделало змея открывателем свободы: плотского знания, свободы выбора, самосознания. И Демииург показал свою истинную окраску, напав на Адама и Еву.

⁴⁶ Ibid, VII, I, 1.

⁴⁷ Nag Hammadi Library, Asklepios, VI, 8, 66.

Как открыватель змей связан с Иисусом, который, по словам наассенов, говорил с тремя частями человека одновременно, земной, психической и духовной причём интеллектуальный разум включался в последнюю часть. Каждый тип или часть человека слышит слово, принадлежащее этой природе. Наассены получали своё слово от языка змея прямо и создали высшую церковь, поскольку три природы проявились в трёх церквях: ангельской, психической и земной. Как только вы принимаете такую позицию, становится понятно, что там была путаница или смесь, в двух других. Это более чем сравнимо с тремя принципами первичного конфликта сетиан. На самом деле ясно, что мы снова имеем дело с гностиками-сетианами, поскольку Ипполит советует читателю, который желает знать больше о наассенах, изучить Евангелие Египтян, которое чудом библиотеки Наг-Хаммади дошло до нас и снова может быть изучено. Там фигура великого Сифа — основная: «Тогда великий Сиф пришел и принес свое семя»⁴⁸. «И посеяно оно в зонах рожденных, число же их — мера Содомы». Эта местность нам уже знакома. Семя Сифа сохранилось в Содоме и Гоморре: «Это великий нетленный род, что вышел через три мира в мир». Снова мы видим девственную мужедеву, Барбелон, и непризываемый девственный Дух (неназываемый также, вероятно, Барбело).

В обширных доказательствах Ипполита мы обнаруживаем, что интерес в семени Сифа доказывает практику сексуальных ритуалов, интерпретируемых как трансформация обычных сексуальных жидкостей в святое причастие.

Ипполит отмечает скандальную, ошеломляюще наглую манеру цитирования наассенами письма Св. Павла к римлянам об извращениях божественно установленных сексуальных отношений до содомии, лесбиянства и оргиастических излишеств, знакомых гедонистическим язычникам: «Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным». Что есть естественное употребление, согласно наассенам, мы укажем далее. «Подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение» (Рим. 1:26–27). Очевидно, эти тексты еретики

⁴⁸ Nag Hammadi Library, III, 2, 60.

сами использовали, чтобы утверждать, что Павел показал «всю их тайну и сокрытую мистерию благословенного удовольствия!» Для наассенов секс действительно был извращён. Дьявол мира извратил истинные отношения мужчины и женщины, поскольку лишил их истинного «омовения», то есть крещения семенем:

«Ибо обещание омовения есть ни что иное, как они говорят, нежели погружение омываемого в, по их словам, воду, дающую жизнь [сексуальные жидкости] и умащение несказанными помазаниями в непреходящее блаженство. Но также они утверждают, что в подтверждение их доктрины есть доказательства, которые можно получить у ассирийцев, и также у фригийцев, касательно счастливой природы — сокрытой и, одновременно, явной — вещей, которые были и будут, и ещё далее грядут — [счастливая природа,] которую [как наассены] говорят, есть царство небесное, кое искать следует внутри человека». (*Опровержение, V, 2*).

Удивительно, Ипполит показывает, как эти ребята использовали евангелие от Фомы, выражая себя так: «Тот, кто ищет меня, найдёт меня в семилетних детях; ибо там скрытый, я проявлюсь в четырнадцатилетнем» (ср. Наг-Хаммади, Евангелие от Фомы, логики 4-5). Ипполит продолжает, правильно:

«Это, однако, не [учение] Христа, но Гиппократ, который использует такие слова: „Ребёнок семи лет уже наполовину отец“. Так что эти [еретики] полагают производительную природу вселенной в причинном семени, [и] утверждая этот [афоризм] Гиппократ, что ребёнок семи лет наполовину отец, говоря, что в четырнадцать лет, согласно Фоме, он проявляется. Это у них несказанный и мистический Логос». (*Опровержение, V, 2*).

Если читателю не ясно, в тексте сказано, что те, кто ищут живого Иисуса найдут его в поллюциях, которые характерны для перехода от физиологического детства к половой зрелости. Для наассенов это отражение божественной мудрости в детской невинности. Ипполит понимал то, что многие теологи и комментаторы гностических текстов

не могут понять. Дело в том, что «Евангелие от Фомы» узкоспециальная работа. Это может уяснить любой её читатель, понимая, что сетианцы и наассены защищали ритуалы, связанные со спермой. Когда табуированные ссылки поняты, проясняются многие гномические⁴⁹ игры с каноническими текстами. Это многих шокирует, я знаю. Но змеи, даже очень холодные, всё же кусаются.

Далее Ипполит поясняет, что наассены интерпретируют любую попадающуюся им философию на основе фаллоцентрического принципа, найдя первоматерию у себя на лобковой кости. Поэтому золотой жезл Гермеса или Меркурия у них фаллический символ, поскольку это преобразующая сила, податель жизни и смерти. Также фраза «Будешь пасти их жезлом железным, как сосуды горшечника сокрушишь их»⁵⁰ ясно указывает на божественную эрекцию перед инициатом. Это жезл, который может «пробуждать умерших»; так они интерпретируют Эф. 5:14, «Посему сказано: „Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос“».

Мы уже должны начать получать живое представления об «орошениях света» в понимании сетианских гностиков. Наассены осуждают «земное совокупление». Поощрять секс в обычном виде значить хулить святую мистерию. Дети Израиля должны бежать египетского пленения, то есть тела, прежде чем смогут объять святой Иордан, воды, дающие жизнь, чьё земное направление, вниз, должно быть перевёрнуто, дабы его свойства направились к небу — вероятно, особая формула сохранения семени, как это практиковалось тантрическими йогами или пероральное принятие сексуальных жидкостей, против разбрасывания или оставления их природе. Сексуальные жидкости, так или иначе, должны переназначаться; как Иисус призывал водам направляться, куда он скажет, прежде преобразования земной воды в духовное вино, что стало прототипом истинного таинства, совершаемого очищенными жрецами.

Согласно наассенам, те, кто вернулся из Египта — то есть, те, кто участвует в земном соитии — «должны умереть как мужи», даже потому, что «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3:6). Это, по словам Ипполита, для них «поколение

⁴⁹ Поучительные, афористические.

⁵⁰ Псалмы, 2:9.

духа», в противоположность «поколению змей». Неискупленное семя есть яд. Семя должно быть освобождено от служения власти мира (власть имущим) и этого не достичь, как и у энкратитов, воздержанием от драгоценной субстанции, но лишь искуплением её в тайном елее или помазании брачного покоя.

И дабы никто не усомнился в сакраментальных намерениях наассенов, Ипполит весьма явно о них заявляет, говоря, как «эти чудеснейшие Гностики, изобретатели нового грамматического искусства» переняли Евхаристию, в смысле храма самофракийцев, где два обнажённых мужчины стоят с эрегированными пенисами, с обеими руками, вознесёнными к небу, как статуи Меркурия на Горе Киллини. Эти образы, говорит комментатор наассенов, указывают на «первичного человека» Адама, духовного человека, который рождён снова «в каждом смысле та же плоть, что и тот человек», поэтому Иисус говорит:

«Если вы не будете пить мою кровь и есть от плоти моей, вы не войдёте в царствие небесное; но даже хотя вы и будете пить из чаши, из которой пью я, куда бы я ни шёл, вы не сможете войти туда. Ибо Он говорит, что Он знал, какой природы был каждый из его учеников, и что было необходимо, чтобы каждый из них смог прикоснуться к Его особой природе. Ибо Он говорит, Он избрал двенадцать учеников от двенадцати племён, и говорил через них с каждым племенем. По этому счёту Он говорил, проповеди двенадцати учеников и не услышал никто, а если и мог услышать, не могли обрести. Потому что вещи, которые не соответствуют природе этих людей, противны их природе». (Опровержение, V, 3).

Могила есть тело, а спасение — от тела, и средство перерождение есть Святой Дух. Обрести его значит «войти вратами небесными».

Вообразите, что эти люди обрели экстаз, соответствующий их образности! Не слишком ли далеко мы зайдём, если предположим, что центральной их практикой было то, что сегодня называется кундалини-йогой?

Санскритское прилагательное *kundalin* значит «круговой» и использовалось как существительное о змее, пока она скручена. Согласно Ипполиту, одним из аспектов своего «нового грамматического искусства» они отметили, что греческое слово *paos*, означающее «храм» было

очевидно (для них!) заимствовано от слова *paas*, означающего «змея», то есть все храмы дотоле являлись метом поклонения змее, и никто об этом не знал! А змея — это «влажная материя», как вода среди первопринципов, из которой все вещи могут обретать жизнь. Наассенский змей — синоним жизни в её источнике, источаемой темнотой мира, но способной быть перенаправленной в мозг, который, согласно Ипполиту, они считали метафорой Эдема, откуда четыре реки проистекали в мир. Насколько мы можем знать, ни один наассенский практик никогда не встречал ни одной человеческой спермы (гр. *sperma* = семя), но если бы и встретил, то не удивился бы. Если провести аналогию с кундалини-йогой, миф наассенов — это миф позитивного искупления с преимуществами возможного доказательства на практике.

Из Сирии или Малой Азии третьего-пятого веков до нас дошла алебастровая чаша 22 см. в диаметре. Изображение на ней интересно с офитской точки зрения. Внутри чаши изображены шестнадцать обнажённых молодых людей обоих полов, стоящие в круге, некоторые держат руку на сердце, некоторые стоят с одной рукой, поднятой к небу от локтя, иные делают оба знака, а некоторые прикрывают руками гениталии или животы. В центре, в двух концентрических окружностей — свернувшийся змей с маленькими крыльями. Картина напоминает солнечные лучи, светящие под ноги участникам праздника (источник: *Journal of Hellenic Studies* 54 [1934]: 129–39, изображение III).

КУНДАЛИНИ ГНОСТИКИ?

Ссылки на йогические практики вроде кундалини-йоги становятся яснее в рассказе Ипполита о другой гностической группе, тесно связанной с наассенами, которую он называет ператами или ператиками. Происхождение имени неясно, хотя Климент Александрийский⁵¹ говорит, что оно происходит из места, считающегося востоком Евфрата: Мидия или Персия. Последняя — со времён Софрония Иерусалимского [xxiv], поскольку он говорит о предполагаемом основателе секты, Евфрате, с суффиксом *Persicus*, или Персидский.

В главе 12 (книги V) Опровержения, Ипполит, будучи не в курсе этого факта, выводит базовую теорию того, как духовная жизненная

⁵¹ Климент Александрийский, *Строматы*, VII.

энергия кундалини, свёрнутая в основании позвоночника, пробуждается посредством пранаямы (дыхательных упражнений), дабы продвигаться вверх к седьмой чакре, называемой короной, активируя золотую нить, связывающую гипофиз и шишковидную железу. Любой, кто знаком с этим ответвлением йоги узнает в рассказе Ипполита слегка искажённую версию того, что в индийской формулировке известно только с пятнадцатого века нашей эры.

«Поэтому никто, как он [источник Ипполита] говорит, не может ни спастись, ни подняться вверх без помощи Сына, который есть Змей [весьма вероятно, что здесь есть указание на духовно-физические практики]. Потому что, как он низвел сверху образы Отца, так и опять возведет их наверх, перенеся отсюда туда, после того, как эти образы пробудятся ото сна, вернут себе память и из не сущих станут сущими. Вот что означают слова: „Аз есмь дверь“ (Ин. 10: 7), ведь он переносит [упомянутые образы], отпирая у уснувших [медитирующих?] взоры глаз. Так же как нефть притягивает к себе отовсюду огонь и ни что иное, или как магнит притягивает железо и кроме него ничего, или как одна только пыль привлекается янтарем, так же и Змеем привлекается назад из космоса один только совершенный и единосущный род, прежде ниспосланный им вниз. В качестве пояснения они приводят анатомию головного мозга: сам мозг они сравнивают с Отцом в силу его неподвижности, а мозжечок — с Сыном из-за того, что он движется и имеет форму змеи. Мозжечок беззвучно и незаметно втягивает в себя через шишковидную железу духовную и животворную сущность, текущую из коры головного мозга. Приняв эту сущность, мозжечок подобно Сыну без слов передает идеи материи, это означает, что по спинному мозгу растекаются семя и роды родившихся в теле. При помощи такого примера им кажется удобным сообщать свои неизреченные, без слов передаваемые таинства⁵². Нам нечестиво говорить так; однако через это легко составить мнение о них, на основе многих идей, которые были переданы». (Опровержение, V).

⁵² Приводится по тексту <http://www.nsu.ru/classics/gnosis/Hippolyt.htm>

Это свидетельствует о том, что такие практики появились в Мидии или Персии, были перенесены в Индию, во времена вторжения Сасанидов, или могли быть перенесены в Римскую Империю через Персию, из Индии или даже из Китая. Возможно, что передача знания произошла на запад во времена войн второго века с Парфией.

Есть свидетельства изображения сексуального акта как божественной мистерии в этот период. Ссылки на «трижды негодных людей» могли быть шуткой Климента Александрийского на счёт последователей Гермеса Трисмегиста (Гермеса Трижды Великого), или сетианских жрецов. В Строматах (III, 4) написано: «Считающие Афродиту Пандемос мистическим групповым сексом, оскорбляют само это имя. Ведь дурной или добрый, поступок все равно остается поступком. Точно так же, стремление к общности — хорошее дело, если оно касается денег, еды или одежды, но они используют это понятие нечестиво и применяют его ко всевозможным сексуальным развлечениям. Рассказывают, например, что один из них, увидев красивую девушку, подошел к ней и сказал: «Ты знаешь, что написано: „Отдайся каждому, кто попросит“». Она же, не желая понимать его наглого намека, ответила с достоинством: «Если ты желаешь поговорить о женитьбе, обратись к моей матери». О безбожные дела! Эти трижды негодники⁵³, провозвестники сексуальной свободы и братья по разврату перевирают слова спасителя. Они — позор не только для философии, но для всего уклада человеческой жизни, извращающие истину, а точнее, принижающие ее настолько, насколько это возможно. Иерофанты телесных желаний и группового секса, неужели они и вправду желают достичь таким путем царствия небесного?!»

Климент отмечал, что это приведёт их просто в бордели, вероятно имея в виду место, где Симон нашёл свою королеву небес, Елену. Почти два века спустя, Епископ Епифаний с чистым сердцем согласится с точкой зрения Климента. Согласно Епифанию, обнаружение лекарства от ересей поклонников Барбело привело его к несчастливому флирту с котлами египетскими.

⁵³ Приводится по тексту http://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/3. Обратите внимание, что «трижды негодники» по приведённой ссылке переведено как «коммунисты».

ЕПИФАНИЙ О БАРБЕЛИОТАХ И БОРБОРИТАХ

Подробному рассказу Епифания о гностической ереси в научном мире обычно не доверяют. Хотя его не терзают сомнения, когда он высказывает своё глубочайшее отвращения, и он не испытывает необходимости в «объективности» в современном смысле слова, тем не менее он рассказывает то, что считает фактами о практиках, ожидая, что достойные люди вряд ли заинтересуются интерпретацией этих практик, как только узнают о самих этих практиках. Он говорит о «развратных людях» (борборианах) следующее:

«по совокуплению в блудной страсти, сверх этого простирают хулу свою на небо: приняв женщину, истечения от мужского органа на собственной руке муж ставит в отрицание небу — на руке имея нечистоту, так молится. Раздражающие стратиотики и гностики дуют на эту руку, делая подношение Отцу и говоря: «приносим Тебе это приношение — тело Христово». И таким образом едят это, имея долю в общем безобразии и говоря: «сие есть тело Христово и сие есть пасха, чрез страдание наши тела, и страсть Христова (πάθος τοῦ Χριστοῦ) принуждает к согласию». Таким же образом и с женщиной: когда настает время освобождения крови, месячную кровь нечистоты собирают и, получив таким образом, едят сообща. И «сие, говорят, есть кровь Христова».

«5. Посему и в апокрифах читаю: „видел древо, приносящее двенадцать плодов ежегодно, и сказал мне: это — древо жизни“, — видят в сем иносказание о месячном женском очищении.

При взаимном же друг с другом совокуплении возбращают деторождение, ибо и растление у них допускается не для рождения чад, но для удовольствия. Смех диавола над такими и издевательство над заблудшим Божиим созданием! Но удовольствия совершают, получая друг от друга нечистоту своих сперм — не на деторождение роняют, но безобразно поедают. Если же кто из них и предастся сеять извержением естественное создание, и женщина зачнет, то осмелимся сказать страшное для слуха. Ибо, одновременно вытягивая эмбрион вниз, забирают зародыш этот для поедания в едином круту и, собравши

все свиное и собачье, смешивают мед, перец и другие ароматы и масти, дабы не стошнило их, и каждый приверженец имеет по персту от измученного младенца. И таким образом произведя людоедство, молятся наконец Богу и говорят, что не развлекаются от князя желания, но сгоняют грех брата. Вот, собственно говоря, каково это пасхальное пиршество.

Но как страшно этим смельчакам, ибо неиствующими самих себя делают, рукою смешивая безобразия извержения и рукою пробуждая желание обладать друг другом, молятся совсем голые телом, чрез такое занятие ища откровения от Бога. Тела же свои и мужчины, и женщины день и ночь рядят, умащая мазями, омывая, упитывая, проводя время на ложах и в пьянстве. А постящегося они проклинают, говоря, что поститься не должно, ибо пост есть дело сего князя, совратившего век. Должно же насыщаться, дабы тела были крепки и могли дать плод во время оно.

6. Пользуются же и Ветхим и Новым заветом, хотя отрицаются Глаголавшего в Ветхом завете. И когда найдут какое-либо изречение, которое может иметь противный им смысл, тогда говорят, что сказано это духом мира сего. А если какое слово может быть представлено имеющим сходство с их пожеланием, не потому что действительно таково изречение, но потому что так понимает обольщенный их ум, то, извратив оное по своему пожеланию, утверждают, что оно изглаголено духом истины». (Панарион, 26, 4:6—6:2)⁵⁴.

Детали, касающиеся каннибализма абортированных зародышей, кажутся не только жуткими, но и полностью надуманными. Однако, в работе Рулофа ван ден Брука о Епифании⁵⁵, автор готов принять возможность того, что сообщение Епифания основывается на опыте, полученном им в Египте, когда женщины, члены секты, пытались соблазнить его, о чём Епифаний рассказывает, не утверждая, однако,

⁵⁴ Приводится по тексту <http://khazarzar.skeptik.net/books/epiph/panarium/26.htm>.

⁵⁵ «Sexuality and Sexual Symbolism in Hermetic and Gnostic Thought and Practice, Second to Fourth Centuries» in Hanegraaff and Kripal, *Hidden Intercourse: Eros and Sexuality in the History of Western Esotericism*, 12ff.

что он наблюдал эти ужасы, или узнал о них непосредственно от участников. Всегда есть вероятность, что кто-то из последователей заходил за грань относительно безопасных (возможно) символических актов и тайно практиковал преступные действия. Однако Епифаний использует подобную информацию, дабы очернить любую гностическую секту обвинением, так и не доказанным в римском суде. О сектах всегда говорят нелепости, поскольку само подозрение работает на обвинение и вызывает отвращение.

Детали об употреблении сексуальных жидкостей в роли евхаристии согласуются здесь и с рассказами других авторов. Существует идея о наличии параллели между сексуальной страстью и страстями христовыми, не без доли мазохизма среди мужчин, как и среди женщин, согласно известному каламбуру на еврейское слово «пасха», соотнесённое с греческим глаголом *paskein* (страдать) и существительным *pathos* (страсть).

Сексуальная страсть приравнивается к страданию, при рассмотрении её как средства Демиурга, для порабощения душ в цепях тел. Это сравнение коренится частично во всём корпусе идей о желании Софии познать Отца. Её страсть, согласно базовому гностическому мифу, который ассоциируется с Валентином, но не ограничивается рамками его последователей, в конце концов приводит к изгнанию и космосу-выкидышу. То есть у нас сразу имеется идея о духовных томлениях по познанию и страстях сердечных и плотских, поскольку плоть и сердце после преобразования переносят нас в явно романтическую область, которую исследует духовно гетеродоксальное движение символистов в искусстве (конец XIX — начало XX века). Само это движение вдохновлено болезненной, если даже не большой по своей интенсивности заключительной частью оперы «Тристан и Изольда» Вагнера, «Смерть любви», заставившей членов французского оккультного возрождения, а позднее Сальвадора Дали и ему подобных декадентов пасть в пучины отчаяния. Религиозное устремление и сексуальный инстинкт смешались, или принимаются в смеси, в результате рождается эротическая религия, далёкая от предпочтений культурной моды.

И уж явно далёкая от предпочтений Епифания: его подход к сперматофагии и подобному прост. «Так называемый гнозис» начинается, когда ересиархи извиняют свои неконтролируемые страсти, нагружая свои самооправдания на теологию. Поэтому Епифаний говорит,

что последователи Николая⁵⁶ (осуждённого в Откр. 2:6, 15), николаиты оказались в ловушке стремления их предтечи к красивой жизни, которое он не мог контролировать, и вместо того, чтобы устыдиться и покаяться в своей несдержанности, он объявил, что вечная жизнь требует ежедневного секса, а сам при этом оскорблял свою жену, воображая, что мужчины вождели её также, как и он. Обсуждая Николая, Епифаний объясняет, почему борбориты делают то, что делают: «Другие же еретики, подобно николаитам, чувствуя какую-то Пруник, опять на основании сего примышления срамных дел, удовлетворяя своим страстям, мифословно говорят: силу Пруник (τῆς Προυνίκου τῆν δύναμιν) собираем из тел в истечениях, разумею в семени и в месячных очищениях». (Панарион, 25, 3:2)

Исследуя список обвинений против сетиан, мы видим, что эти гностики считают божественное начало проявленным в репродуктивной силе человека: «В начале было Слово», и Слово понималось как потенциал семени, которое есть пневма, чья сила, как сказано в глубоко еретическом Евангелии от Фомы, распространяется в мире, «но люди не видят её»⁵⁷. Без сомнения, многие исследовали гностицизма, включая и Епифания, упускали из вида этот аспект во многих случаях.

Спасение происходит через подношение телесных выделений Богу, что отсылает нас к старозаветному пониманию, что «без пролития крови [что понималось еретиками как жизнь/семя] не бывает прощения» (Евр. 9:22). Епифаний весьма резок в вопросе того, почему Пруник зовётся шлюхой. Она продолжает появляться перед архонтами в прекрасном виде и «через их порождённые вожделием извержения крадёт их семя». Она это делает, чтобы восстановить свои силы «защитые» в некоторых ревнивых архонтах⁵⁸.

Согласно Епифанию, николаиты следовали за Пруник в своих собраниях: «силу Пруник собираем из тел в истечениях»⁵⁹. Девственность они понимали как сопричастность незапятнанному семени, подобно их героине Нории, возлюбленной Барбело, Великой Матери, или девственной дочери Евы, как в тексте Ипостаси архонтов из

⁵⁶ Николай Антиохиец.

⁵⁷ Библиотека Наг-Хаммади, Евангелие от Фомы, II, 2, логгон 113.

⁵⁸ Епифаний, Панарион, 25, 2:4.

⁵⁹ Ibid, 3:2.

библиотеки Наг-Хаммади, или жены Ноя или Сима. Основной интерес всегда один: цель семени и спасение его от повреждения властями мира. Согласно точному прочтению Елифанием гностических приоритетов: «Ибо Ной, говорят они, покорен был князю, а Нория открыла вышние силы, и одну из сил, Барбело, супротивную князю, как и другие силы; и утверждала, что похищенное у вышней матери князем, сотворившим мир, и другими с ним богами, ангелами и демонами, должно собрать у силы, заключающейся в телах, посредством истечений — как мужских, так и женских». (Панарион, 26, 1:9).

Согласно одному из текстов («Большие Вопросы Марии»), который почитался в этой секте, ритуал был установлен Иисусом в сопровождении Марии, предположительно, Магдалины. В подобие рождения Евы, Иисус взял Марию в горы, овладел женщиной сбоку и перед потреблением результирующих жидкостей сказал: «Так должно нам делать, чтобы жить»⁶⁰.

Когда Иисус говорил в их тексте своим ученикам «если не будете есть мою плоть и пить мою кровь», ученики возмутились «кто может такое исполнить?». Поэтому впали в раздражение и ушли. Учение было слишком уж жёстким для них! Они не смогли возвыситься так высоко, как на горе смогла Мария. Мужчины были во власти архонтов: «скованы» (англ. uptight), выражаясь жаргоном хиппи 60-х и ранних 70-х. Трансгрессия была «при них». Последователи должны научиться снимать с себя одежду, в предзнаменовании лишения тела: душа к душе. Они должны разоблачиться с невинностью ребёнка, как призывает Евангелие от Фомы (ср. эффект творчества The Living Theatre Юлиана Бека на Джима Моррисона).

Гностики цитируют Псалмы 1:3: «И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое», дабы подчеркнуть, что плод от древа есть момент исторжения: оргазм есть плод. Образность плода и древа пронизывает насквозь верования этой секты. Барбело, есть корень и жизнь древа, которое есть гнозис. В плоде содержится семя. Среди «барбелитов» (кажется, так лучше, чем довольно корявое «барбелиоты») семя отдаётся ради возрождения (гр. *apokatarsis*) раненного существа (Плеромы). Раны или страсть Барбело и её дочерей (в особенности Софии) суть аллегории, которые

⁶⁰ Ibid, 8:2.

воплощены в менструальной крови, представляющей страсти по Богу, также как боль мира под властью архонтов. Боль излечивается семенем, Словом, приходящим свыше, дабы спасти и оплодотворить бесплодных, духовно говоря.

Единство, ведущее к воспроизводству, останавливает кровотечение, становясь высшей страстью, в которой материальное «я» оставляется и оказывается превзойдённым в союзе, таким образом «исцеляя страсти материи». Обычный секс, с другой стороны, для барбелитов это проигрыш природе, победа архонтов и беззаботное сливание семени среди «трав» и «сухой земли», на пожирание «зверьми» (то есть плотным телом). Епифанию всё едино. Секс предполагает разврат. Он относится к священному сексу как к сексу, скрываемому извращенцами. Энkratит по внутреннему настрою, Епифаний рассматривает телесные жидкости как «грязь». Если бы вы спросили его «кто сотворил эти жидкости», он без сомнения ответил бы «лучше бы вы спросили, зачем они были сотворены». После он рассказал бы вам, что они были сделаны для размножения толпы грешников, как часть божьего промысла за грех Евы, но сильные духом, избранные, продолжают сторониться секса поскольку Дьявол использует его, дабы ловить в свои узы и возвращать.

Некоторым читателям захочется повторить вопрос, заданный Зоей Олденбург во введении к её книге «Резня в Монсегюр». Какая на практике разница между миром, созданным Богом и извращённым Дьяволом, и миром, созданным Дьяволом, чьи жители могут спастись в Боге? Епифаний не видел никакой разницы. Невозможно получить адекватной доктрины в богохульстве и разврате.

Гностик мог бы ответить: «Всё зависит от того, на что богохульствуешь». Святой Павел говорил, что крест перехитрит «правителей мира». Дерево поработило их. Тот, кого подвешивали на дереве согласно еврейскому обычаю, был проклят. Если бы «правители мира» знали, что они делают, они никогда бы не распяли Господа славы (1Кор 2:8). Павел поддерживал идею о «мессианском секрете», финальном спасении человечества в распространении Мудрости предвечной, поскольку у Бога было предвидение: глаза, которые видят прежде наших. Иисус, согласно, Евангелию от Иоанна (8:23) был «не от мира сего». Он был «свыше», его враги — «испод». Иисус знал об архонтах, правителях земных. Его миссией было совершить суд Божий над ними. Что касается разврата, это всё только пародия на

то, чем должен быть священный секс. Было ли развратом в обычном смысле этого слова то, что заставило женщину прикоснуться к краю одеяний Иисуса, дабы её кровотечение было исцелено (Мф. 9:20)? И не увидит ли барбелит в слове «одеяния» слово «тело»? Если барбелит признавал, что «подол» или «бахрома» жреческого одеяния особо святы, он без сомнения понял бы, которую часть тела освящала инициированная интерпретация текста.

У барбелитов было Евангелие от Евы, для особо «взрослых», из которого Епифаний цитирует следующее: «Начинают же глупыми свидетельствами и видениями и возвещают их в своем благовестии, ибо говорят так: „стал я на высокой горе, и увидел человека рослого и другого изуродованного, и слышал как бы глас грома, и приблизился, дабы явственнее слышать, и проглаголал он мне, и сказал: я — ты и ты — я, и где ты ни бываешь, там и я, рассеян во всех; и в чем ни пожелаешь, собираешь меня, собирая же меня, собираешь себя“». (Панарион, 26, 3:1).

Так барбелиты объясняли все библейские указания на собирание заблудших овец. Барбелиты считали себя, прямо говоря, спасителями жизни. Можем вспомнить, что симониане считали Елену заблудшей овцой Симона. Здесь мы видим развитие этой идеи. И эта мысль развивалась в Евангелии от Евы, в описании того, что рассеяно меж всеми вещами, но что также есть абсолютное знание себя, и со временем окажется свойственным философскому камню алхимиков, если не было с самого начала, поскольку легендарный персидский алхимик Остан оставил известную цитату, что существовал в Египте такой камень. А что существует в сердцевине плода в соку?

Аналогично, метафоры сбора и срезания плодов с деревьев интерпретировались барбелитами как спасение семени от падения на землю. Епифаний настаивает, что барбелиты воздерживались от продолжения рода, поскольку оно включает в себя оборачивание семени в созданную архонтами, тленную плоть. Это несколько расходится с понятием освященного плодородия. Как мы увидим, дойдя до одержимости валентиниан святым семенем, было вполне возможно лелеять такие мысли и пытаться поддерживать семя в детях, духовно взращиваемых в сообществе.

В Панарионе I, секция 2, 26, 16:4, Епифаний говорит, что барбелиты «воспрещают целомудренно вступать в брак и рожать детей», но практикуют секс в своё удовольствие, чем «воспрещают детородие». Эта фраза говорит о том, что они были сторонниками

контрацепции (вероятно, стараясь совмещать секс, когда возможно, с менструальным периодом), и это не настолько экстремально, как аборт при каждой нежелательной беременности. Однако мы можем предполагать, что барбелиты разделяли распространённое христианское верование, что девственность была благословением, которое следовало поддерживать. Однако девственность ими воспринималась по-особому. Епифаний говорит, что они называли своих женщин девственницами, что было некоторой иронией по отношению к общепринятому пониманию этого слова, поскольку у них был священный секс, а беременности случались, когда совокупление не прерывалось для сбора семени. Стоит ли серьёзно относиться к сообщению Епифания об абортах или каннибализме мы уже обсуждали. Мы в наше время уже ритуально не поедаем абортированных зародышей, принимая и реинтегрируя продукты телесных союзов; результаты абортов просто остаются у кого-то чужого, и от них избавляются в клинических условиях.

Под потерей девственности барбелиты понимали внесение по собственной воле вклада в репродуктивный цикл под властью архонтов. Это открывало область духовной правомочности для гомосексуализма, порицаемого христианами и иудеями. Согласно Епифанию, в секте был класс левитов, которые, практиковали однополые сношения, хотя нет никаких известных мне свидетельств того, что левиты были неженаты. Причиной тому то, что колено левитово было единственным племенем, которому по завоеванию Ханаана было отказано в праве землевладения: «Сам Господь удел его, как говорил Он ему» (Втор. 18:2). Также левиты патрилинейны, и жречество в прямом смысле передаётся от мужчины к мужчине.

Епифаний даёт превосходный взгляд на современные ему условия, описывая встречу с живыми барбелитами в Египте в 330 г. н.э. Весьма привлекательная женщина пыталась совратить его в обоих смыслах: «Ибо и сам я, возлюбленные, имел столкновение с этой ересью, и самолично дознал это из уст преданных делу сему. Обольщенные же еретиками женщины не только обращались ко мне с сими речами и открывали мне таковые вещи, но, подобно оной египтянке, погибельной и негодной жене главного повара (τοῦ ἀρχιμαγειροῦ) (Быт.39:1 и сл.), и сами в юном моем возрасте покушались необузданною своею смелостью увлечь меня в вожделение. Но Помогший тогда святому Иосифу помог и мне и, воззвав к Спасшему там

Иосифа, я, недостойный и маломощный, быв помилован и избежав из губительных их рук, воспев же песнь всесвятому Богу, мог и сам сказать: «пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника его ввергнул в море» (Исх.15:1); потому что спасся помилованный, не по силе, подобной Иосифовой праведности, но по волю к Богу. Ибо укоряемый губительными сими женщинами сделался я предметом посмеяния, так что они, смеясь, по-видимому, одна над другою, говорили: не возмогли мы спасти сего юношу, но оставили его гибнуть в руках князя. Как скоро которая из них благообразнее она предлагает себя, как бы в приманку, чтобы провозглашать обольщенных ею не погибшими, но спасающимися. И благообразнейшие обращают уже в укоризну безобразным и говорят: я сосуд избранный, могу спасти обольщаемых мною, а ты не в силах этого сделать. Посему те, которые вели эту обольстительную речь, были весьма привлекательны лицом, и легко склоняли к своему падению, а ввиду развращения своего ума обладали всем безобразием дьявола. Но милосердый Бог избавил меня от их разврата, так что, прочитав их книги и утвердившись умом в истине, а не увлекшись обольщением, бежав и не вкусив приманок, тогда же постарался указать их епископам того места; сделать известными скрытные в церкви имена, изгнать их из города человек до восьмидесяти имен и очистить город от этих поросших в нем плевел и тернов» (Панарион, 26, 17:4–9).

Вот такая картина. Епифаний всегда был хорошим мальчиком. Он просто сказал «нет». Интересно, был ли одним из епископов, ответственных за изгнание, Афанасий, смотритель Александрии с 328 по 373 года н.э. (с перерывами). Если так, Епифаний мог просто быть катализатором Праздничного Письма Афанасия от 367 г. н.э., которое было возможной причиной захоронения библиотеки Наг-Хаммади, без которой вы бы ни читали, а я бы не писал всего этого.

Рулоф ван ден Брук сделал важную заметку о том, что два гностических текста, более ранние чем Панарион, прямо осуждают практики, о которых говорит Епифаний⁶¹. В тексте Пистис София (Вера Мудрости), Фома говорит Иисусу: «Мы слышали, что есть такие на земле, что берут мужское семя и женскую менструальную кровь

⁶¹ «Sexuality and Sexual Symbolism in Hermetic and Gnostic Thought and Practice, second to fourth centuries» in Hanegraaff and Kripal, Hidden Intercourse, 16.

и кладут в тарелку чечевичной каши и едят это, говоря: „Веруем в Исава и Иакова“. Это вообще нормально?

В этот момент Иисус был зол на весь мир и сказал Фоме: „Истинно говорю тебе, что этот грех превосходит все грехи и любую несправедливость. Такие люди будут немедленно выброшены во внешнюю тьму и не вернутся оттуда обратно“. (Пистис София, 147).

Во Второй Книге Иеу, 43 утверждается, что никакие мистерии не будут сообщены служителям семидесяти двух злых архонтов: «Не давайте их и тем, кто служит Восьми Силам Великого Архонта, (Силам), которые поедают менструальную кровь нечистоты своей, а также сперму мужскую, говоря: „Мы узнали Гнозис Истины, и мы молимся Богу Истины“. Их бог проклят». Это важные свидетельства гнозиса, не зависящего от связи духовного и физического семени. Ван ден Брук признаёт полемический характер пренебрежительной речи Епифания, и признаёт, что Панарион «может быть прибежищем некоторой истины в этих обвинениях». Сложность в том, что несмотря на то, что у нас есть понимание того, как Епифаний интерпретировал многие из этих практик, основываясь на собственных писаниях еретиков, мы не знаем точного контекста, (особенно ритуального) описанных действий.

Моя личная точка зрения такова, что, хотя кто-то и может испытывать отвращение к евхаристическому буквализму, он может не быть всецело пародией, как может показаться поначалу. Или пародией без духовной значимости для своих приверженцев, хотя искажение первоначальной схемы вполне имело место. Я думаю, имело место полное заимствование теории, или нескольких теорий сексуальной магии, из нескольких источников: Симон Волхв, Персия, Индия, сам Египет. Маги обычно эклектичны: «если нечто полезно, используй это». Потенциально магическая субстанция заряжается через таинство. Это можно называть сексуальной алхимией, и именно об этом, мы говорим здесь. Сложно сказать точнее. Но, если мы имеем дело с магическим сакраментализмом⁶², а я в этом уверен, то вопрос, являются барбелитские сексуальные практики эротическими или имеют природу таинства, выходит за рамки обсуждения, поскольку, чтобы магия работала

⁶² Теологическое убеждение, согласно которому Божественная благодать передается через религиозные обряды, называемые таинствами.

в том контексте, что характерен для поздней античности, она должна была нести оба компонента в равной мере.

Примечательно, что секты барбелитского типа сохранялись в южной Азии, Сирии и Армении гораздо дольше времён епископа из Саламиса, даже в те времена, когда Восточная Римская Империя полностью христианизировалась с официальной точки зрения, и государство прилагало руку к обвинению и наказанию еретиков. Имперское законодательство нацелилось на них в пятом столетии, когда еретикам-гностикам было запрещено проводить службы и возводить церкви.

Одно из поздних влияний ереси может быть связано с установившимся культом, превозносящим Деву Марию. Для барбелита девой был кто-то, связанный с Великой матерью, а не с материальным миром, кто-то вроде Марии Магдалины, которая предалась Иисусу во служение. Растущий энтузиазм в представлении Девы Марии как небесной силы или даже богини для всех намерений и целей, предполагает возможное смешение идей о Матери Божией и вечной Барбело, Великой Матери, чьим плодом был Иисус, пообещавший вора, повешенным на древе, что они смогут присоединиться к Сыну в раю, сопоставляемом сетианскими гностиками с утробой или вратами. Такие идеи могли появиться как реакция на ортодоксальное почитание Марии, и как помощь в ее установлении. В любом случае, католическое христианство не могло справиться без участия женщины и многие верят, что их будущее находится в её руках.

ТАНТРА — ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

«Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым»
Деяния Апостолов, 10:15, ср. Послание к Римлянам 14:14

Самое время признать, что отношение к гнозису только в терминах христианской ереси и отклонений от ортодоксии вызывает непонимание его сути, то есть того, чем гностические школы были для самих себя. Сложно не поддаваться влиянию обычного отношения ересиологов к гнозису. Они хитро апеллируют к чувству и морали. Однако если отойти на время от христианства и посмотреть на другую, примечательно схожую традицию, можно почувствовать, что апологеты ортодоксии намеренно игнорировали ключевой момент, определявший идентичность гностических групп.

Трансгрессивный подход к принятым в культуре нормам поведения является яркой чертой также и традиций, связанных с индуизмом и буддизмом, известных как тантра или путь левой руки. То есть, некоторого рода «декадентский» антиномиализм может составлять адекватный духовный путь, изобилующий практиками, вызывающими у окружающих отвращение, но выполняемых не в погоне за отвратительным, а чтобы превзойти ограничения, налагаемого самим отвращением, то есть для раскрытия скрытых свойств, на деле счастья «в мире, но не из него». Мы встречали эту идею в контексте гностического антиномиалиста Карпократа. Вероятно, нам следует признать, что и Иисус, согласно каноническим повествованиям, «причислялся к трансгрессорам», окружав себя проститутками, сборщиками податей и «грешниками». Он вёл себя вызывающе и ему поклонялись женщины «которые служили Ему именем своим» (Лук. 8:3)⁶³.

⁶³ Прим. перев.: автор цитирует текст как «сущностью своей» (of their substance),

При изучении ряда важных аспектов тантрической традиции, поражаешься просвещённым параллелям с враждебными патристическими (авторства отцов церкви) описаниями «грязных». На основании этих параллелей, можно даже прийти к заключению, что гностики и тантрики разделяют как минимум общие корни, хотя бы в умах людских.

Хью Урбан, авторитетный источник, донёсший тантру до западного учёного мира, сообщает, что слово «тантра» восходит к санскритскому *tan*, появляющемуся в ранних ведических текстах (ок. 1200 д. н. Куларнава Тантра, II. э. — 500 д. н. э.), с указанием на конкретный текст. Оно значит только «ткать, растягивать, распространять», в общем, обозначает демонстрацию. Само слово *veda* для нас более информативно, поскольку значит «знание» или «мудрость», а ранние ведические тексты включают гимны, песнопения и мантры, как раз то, что ересиологи называют плохими практиками гностиков.

Согласно Урбану, тантра это «довольно неясный и многозначный термин, используемый для обозначения целого ряда текстов, традиций, сект и ритуальных практик, который распространены среди индуистских, буддистских и джайнистских сообществ юга и востока Азии примерно с пятого века [д. н. э.] и по сию пору» — то есть, примерно со времени, когда гностицизм барбелитов исчез из западной истории⁶⁴.

В тантрической традиции мы сразу встречаем фигуру, параллельную Барбело, а именно Шакти; понимание Шакти поможет нам понять Мать Мудрости. Шакти это энергия; она созидает и уничтожает вселенную. Нам всем известно, что в тантре ей поклоняются посредством сексуального союза (*maithuna*). Согласно средневековой Куларнава Тантре: «Если бы посредством обычного секса можно было достичь освобождения, тогда все существа были бы (духовно) освобожденными»⁶⁵. Техники — это основа, как и знание используемого, поскольку терпимость тантры к ритуальной транgresсии направлена на сбор универсальной Шакти в существе поклоняющегося. Шакти

однако текст Евангелий от Луки, 3:8 гласит «of their means», что не совпадает и с православным каноническим переводом, приведённым здесь.

⁶⁴ Urban, «The Yoga of Sex, Tantra, Orientalism and Sex Magic in the Ordo Templi Orientis» in Hanegraaff and Kripal, *Hidden Intercourse*, 402.

⁶⁵ Куларнава Тантра, II.

протекает всюду, но в принципе наиболее плодородна в творящих водах мужчины и женщины, которые, будучи «нечистыми» для обычных людей, переосмысливаются тантриками как сосуды божественности, которые надо любить, лелеять и «сохранять».

И тогда вот «грязные люди» Епифания становятся понятны совсем в ином свете.

Тогда как некоторые школы тантры рекомендуют удержание семени, подобно некоторым практикам даосизма, сублимирующим страсть полностью или совершающим внутренний оргазм, члены старейшей из существующих тантрических школ, «Каула», от kula, означающего «преемственность» или «семью» — поглощают исторгнутое семя и маточную кровь перорально. Эта практика установлена в контексте евхаристического ритуала («благодарение»), когда смесь соков, пресуществлённая в восславлении и экстазе, поглощается самой услаждённой богиней, заинтересованной в сборе бесценного семени творения. В благодарность за это поклонение богиня низводит сверхъестественные дары, удовлетворяя нужды поклоняющегося.

Хью Урбан обращает внимание на Брихат Тантрасару («Великая суть тантры»), где объединённые жидкости, пресуществлённые в акте таинства, становятся kula dravya, «сутью клана», включающей тантрическую семью в общение с Шакти через её вечный союз с Шивой (Отчей силой), её супругом. Шакти, как София, связана с земными вещами, однако остаётся вечно чистой от них. Перефразируя гностическое евангелие, она может идти по грязи, но её одежды не пачкаются (Первый Апокалипсис от Иакова): потому она девственная, чистая и божественная гурия, наиболее достойная почитания. Священная субстанция, полученная в экстазе. Божественное наслаждение, становится теперь могучими останками (нахишта) «сексуальной жертвы». И тут мы видим ясную внутреннюю связь между «страстью» и «страданием», то есть преданием себя. Как сказано в «Великой сути»: «[...] ему следует поклоняться Богине в вагине [...] благовоениями, светочами и подношениями пищи, адепт Кулы должен восславлять её разными способами, и затем он сам должен [поглотить] останки» (Agamavagisha, Brihat Tantrasana, 703).

Польза от поглощения нектара не только практическая; есть место и просветлению. Так, тантрическая буддистская Хеваджра-Тантра ассоциирует семя с «мыслью пробуждения» (боддхичитта) и напоминает нам также о таком гностическом тексте: «Я обращаюсь к тем, кто пробудился». Будда Хеваджра-Тантры весьма прям: «Я обитаю

в Сукхавати [Земле Блаженства] вагины женщины под именем семени»⁶⁶. Тантрик пятнадцатого столетия, Кришнананда Агамавиша рекомендует оставить все сомнения в столь важном вопросе: «Тот, кто не скор в питье [вина] или кого отвращает семя или менструальная кровь, ошибается в том, что [на самом деле] чисто и не запятнано; поэтому он боится совершить грех в акте сексуального союза. Он должен быть отринут — ибо как он может поклоняться Богине и как он может читать мантру Чанди»⁶⁷. Тот же мастер тантры объявляет этот «нектар жизни» обладающим «природой Высшего Брахмана» и говорит, что причастившийся жертвенного сосуда впитывает «вечно невинное состояние, свободное от всякого различения»⁶⁸.

Эта субстанция не то, что люди, внешние традиции, могут себе представить, не более того, как поглощение тела и крови Иисуса в католических таинствах составляет акт каннибализма, по мнению враждебно настроенных язычников. Потребление сути клана вне жертвенного сосуда, освящаемого Богиней, ведёт в ад. Сугубо для целей поклонения, она пресуществляется в *amrita*, божественном нектаре. В гностических терминах, таковым считался бы плод древа Барбело, освящающий и трансформирующий.

Практика содержит в своих трансгрессивных свойствах немалый стимул, пусть он и доступен лишь в строго определённых контекстах. Практикующий её — *vīra* (герой), рискнувший превзойти ограничения обычного человеческого существа и почувствовавший в себе безудержную силу, приходящую при преодолении границ нечистоты; эксцентричный вид и поведение часто ассоциируется с тантриками, настолько, что Джеффри Дж. Крипал высказывается в своей работе о бенгальском святом Рамакришне следующим образом: «слишком часто учёные сравнивали тантру с философской школой... игнорируя популярные коннотации термина *Tāntrika*, большая часть из которых крутятся вокруг понятий магической силы, отстранённости, семяночности и секса»⁶⁹. Это сразу же наводит на мысль о Симоне Волхве

⁶⁶ Цитируется в Dasgupta, *An Introduction to Tantric Buddhism*, 142.

⁶⁷ Цитируется в Urban, «The Yoga of Sex, Tantra, Orientalism and Sex Magic» in Hanegraaff and Kripal, *Hidden Intercourse*, 402.

⁶⁸ Agamavagisha, *Brihat Tantrasana*, 703.

⁶⁹ Kripal, *Kālī's Child*, University of Chicago Press, 1998, 28.

и его духовном ученике Алистере Кроули (1875–1947), который с выразительностью писал в своём дневнике от 1920 г.: «Я признаю, что Магика *обращает* любой существующий порядок»⁷⁰.

Друг Кроули и некоторое время его ученик, Джеральд Йорк, писал об антиномиализме Кроули — Кроули как-то раз съел экскременты своей дамы по её приказу, чтобы доказать, что он мог практиковать то, что он проповедовал в терминах «всё есть часть Бога» — «Кроули не нравились эти извращения! Он их выполнял, чтобы превзойти своё отвращение к ним»⁷¹.

Алексис Сандерсон в работе «Чистота и сила»⁷² описывает практику тантриков как «освобождённое сверхдействие посредством ассимиляции необузданной силы в оккультной манипуляции с нечистотой», поскольку с практикой может приходиться *ragegon* или побочный продукт/*siddhi*: получение исключительной духовной мудрости, гностического инсайта или явно чудесных явлений.

Произведение шестнадцатого столетия, Kaulavalinirnaaya, проповедует поведение, сродни описанному Иринеем у Марка, последователя Валентина, в частности, прелюбодейное соитие в магических целях: «Богиня любит вульву и пенис, любит нектар вульвы и пениса. Поэтому должно в полную меру поклоняться Богине, испивая мужскую жидкость и наслаждаясь женой другого человека, так же, как нектаром вульвы и пениса». В то время, как такие заявления, типичные для тантрических героев, предполагают для западного человека лишь простое поклонение сексу, Хью Урбан настаивает, что «в большинстве азиатских традиций, тантра понимается меньше в терминах „секса“ нежели в понятиях силы или энергии. То есть это ряд учений и техник, направленных на пробуждение, укрощение и использование духовной силы, которая, как считается, протекает во всей вселенной и в человеческом теле»⁷³.

Однако мы не можем не заметить, что стремление к обладанию безудержной силой близко по духу гностическим нападкам на бога

⁷⁰ Crowley, *Magical Record of the Beast* 666, 248.

⁷¹ Djurdjevic, «The Great Beast as a Tantric» in Bogdan and Starr, *Aleister Crowley and Western Esotericism*, 126.

⁷² Sanderson, *Purity and Power*, 200–201; quoted in Urban, «The Yoga of Sex», in Hanegraaff and Kripal, *Hidden Intercourse*, 409.

⁷³ Urban, «The Yoga of Sex» in Hanegraaff and Kripal, *Hidden Intercourse*, 406.

закона, привязавшего простых людей к Земле, запрещая поглощение плода. Этот бог работает на низшем уровне сотворённого бытия, проявляясь в неискупленных гениталиях, которые при нормальных условиях тратят семя или толкают его к несчастному воспроизводству неискупленных душ.

Важно также признать, что в тантрическом видении кундалини (змéя) мы узнаём гностический путь, проложенный внутри человеческого тела: можно предполагать, что члены гностических групп делали то же самое, судя по тому, что мы уже узнали. Многие из того, что ересиологи считали сумасшедшей физикой, паршивой теологией, извращёнными писаниями и нелепыми креационными схемами, воспринималось носителями традиции как коды и метафоры для физических практик вкуче с зарождающейся психологией — как считал и глубоко верил Карг Юнг.

Вся драма гностических мифов сотворения и искупления должна рассматриваться не как события, происходящие в объективном, видимо иллюзорном мире, и даже не вне границ пространства, но внутри пробуждённого существа гностика, где рай в гениталиях, неизвестный Отец открыт через корону головы, а змей-София искупляет семя, приходящее свыше и несёт его обратно по позвоночнику (древу) через зоны, соответствующие чакрам, к его источнику, из которого драгоценная жемчужина сотворения выпала в низшие области, управляемые тёмной беспросветностью, порабощённой в цикле рождения и смерти. Путь к вечной жизни направлен вверх и требуется немало смелости, дабы предпринять путешествие; мир не желает, чтобы мы в этом преуспели. Мир требует, чтобы мы делали то, что сказано. Мы нужны миру запутанными для нашего «собственного блага» (и мы не можем отказаться от этого дара). Поэтому тантрический практик — герой, а его партнёрша — героиня, поскольку воплощает Шакти, как он воплощает Шиву, чьим символом является возбуждённый шивалингам. Теперь, сняв покров восемнадцатистолетий ортодоксального удушения, мы, вероятно, сможем понять по-настоящему, в чём состояло служение Симона и Елены.

Гордан Джурджевич написал весьма выразительное пояснение к использованию тантриками декаданса в духовной технике с целью восхождения от нижней чакры, (śakṅga «колесо» или «цветок»), mūlādhāra, расположенной в гениталиях, к верхней, где высшая радость ждёт удачливого практика: «Согласно тантрической теории, семя, которое в своём изначальном состоянии [расположенная сверху

головы] обладает свойствами амброзии, обращается ядом, достигая нижней части тела [ср. Демиург и неискупленное семя], особенно гениталий. Дабы исправить эту ситуацию, семя следует вернуть обратно в верх головы»⁷⁴.

Практики для достижения этого включали в себя добровольное удержание семени и воображаемое переназначение его в основание позвоночника, и даже всасывание обратно совмещённых жидкостей из вагины после некоторой экстраординарной йогической подготовки. Эти действия рассматриваются в основном как позднейшие разработки тантрической практики. Метод Каула считается наиболее древним. Пероральное поглощение семени (*bindu*), менструальной крови (*rajas*) и вагинальных половых жидкостей (*yonitattva*) переносило участников в божественное состояние. То же самое может быть основанием утверждений симониан о том, что их последователи обладают вечной жизнью. Вальтер О. Кэльбер рассказывает о ведическом аскетизме в древней Индии следующее: «Мужское семя также способно нести духовное перерождение и бессмертие»⁷⁵. Учитывая всё это, насмешки Иринья и Епифания в адрес гностиков выглядят как брюзжание невежд. Есть древнее поверие на индийском субконтиненте, что потеря семени вызывает болезни, старение и преждевременную смерть, поскольку семя есть жизнь и залог плодородия.

В северной индийской тантрической традиции *Nāth Siddha*, зарекомендовавшей себя, разработав хатха йогу, считается, что тогда как бинду несёт бессмертие, его вечное истечение из короны растрчивает энергию при его потреблении в пищеварительном огне живота или через эякуляцию, которая, дабы быть наиболее священной, должна уж лучше нести пользу в позвоночных лотосам, раскрывая их для усиления духовной пробуждённости в пути подъёма духа домой. Надо постараться, чтобы не заметить аналогии (как минимум) с гностическими заявлениями о «реализованном искуплении в теле». Тантрики считают, что пероральное поглощение способствует омоложению, как и просветлению, ибо нектар богов есть также эликсир бессмертия,

⁷⁴ Djurdjevic, in Bogdan and Starr, Aleister Crowley and Western Esotericism, 115.

⁷⁵ Walter O. Kaelber цитируется по Djurdjevic in Bogdan and Starr, Aleister Crowley and Western Esotericism, 116.

амрита, или божественный напиток soma, дающий пьющему его «вечную жизнь небесную на земле»⁷⁶.

Весьма интересна также тенденция в гностической мысли к упоминанию другого тела Иисуса, которое смотрит на ход распятия со стороны. Оно упоминается в материалах Наг-Хаммади в Апокалипсисе Петра и во Втором трактате великого Сифа⁷⁷. Обычно приписываемый ереси докетизма (Иисус лишь выглядит как человек), акцент на том, что Иисус пребывает вне тела можно соотнести с целым рядом идей, неявно присущих тантре, согласно которым плотное тело скрывает в себе тонкое тело, и целью алхимии является выделение тонкого из плотного. Потому тонкое тело незримо распространяется от гениталий по позвоночнику к короне головы. Рассматривая позвоночник в терминах барбелитского древа, можно по-новому осмыслить произнесённое Иисусом в «Апокалипсисе Петра», который можно было бы назвать также пробуждением Петра:

«Сказал мне Спаситель: „Тот, которого ты видишь у креста, радостного и улыбающегося, есть живой Иисус. А тот, в чьи руки и ноги они вбивают гвозди, это его плотская оболочка, которая всего лишь отражение. Они предают позору то, что является его подобием. Но взгляни на него и на меня“. Когда же я взглянул, сказал я: „Господи, никто не смотрит на тебя. Давай убежим из этого места“».

Никто не смотрит на духовное тело. Это было жалобой гностиков: столь заняты плотью были плотские материалисты, что не могли видеть того, что на самом деле происходит: духовная слава живого Иисуса, а не смерть плотской накидки. Поклоняясь человеку, они ослепляли себя по отношению к себе. Последние слова Апокалипсиса таковы: «Когда он сказал это, пришел Петр в себя». В том-то и дело. Он обратился к себе.

Строфа Иоан. 3:14 виделась гностикам ключом, разоблачавшим тайну: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесены быть Сыну Человеческому». Для тантриков, безусловно, первичной

⁷⁶ Ibid., 118.

⁷⁷ Библиотека Наг-Хаммади, Апокалипсис Петра, VII, 3, 81–83, Второй трактат великого Сифа, VII, 2, 55–56.

духовной энергией является змей, свёрнутый в основании позвоночника. Знал ли об этом Тертуллиан, интересно мне, когда в работе *Adversus Valentinianos* (II.76) безжалостно пародировал предполагаемую эзотерическую «мудрость» валентинианского змея:

«Словом сказать, голубь всегда служит прообразом Иисуса Христа, а змея (дьявол) является только для того, чтоб искушать Его. Стало бытъ, простота одна в состоянии познать и заявить Бога; а мудрость сама по себе легко может преследовать Его и изменить Ему. Пускай змея скрывается, как может, пускай оборотами и извилинами своими утомляет мудрость свою, углубляется в подземные места, погружается в мрачные убежища, завёртывается в многочисленные изгибы колец своих, никогда явно не показываясь, и не терпя ни дня, ни света. Наш голубь обитает в святилище простоты, пребывая всегда на возвышенном месте, и озаряя каждого светом своим. Образ Духа Святого любит сияние востока, который есть образ Иисуса Христа. Истина ничего не стыдится, разве только того, когда бывает не открыта. Да и кто, в самом деле, постыдится слышать и почитать за Бога того, кого сама природа ему открывает, чьё присутствие он вседневно ощущает в Его деяниях»

Для тантриков, которые вполне подходят под слова поучения Тертуллиана, *kundalinī śakti* является микрокосмическим аналогом Великой Богини, чей божественный партнёр Шива живёт в эзотерическом доме наверху головы человека. Аж даже слышны слова Тертуллиана: «Микрокосмическим! Скорее микрокомическим!» Ересь, помните, началась в Эдеме, так что карфагенский юрист⁷⁸ вряд ли размышлял над тем, что Шива и Шакти кажутся разделёнными, мир иллюзорен и ведом болю; Иисус ведь пришёл спасать мир обычных людей не всяческими эзотерическими изысками («ибо змей более утончён, чем иные звери полевые»), а истиной, доносимой прямо, полагает Тертуллиан. А гностик, в ответ на тирады Тертуллиана, мог бы ответить: «А голубь, который является Святым Духов

⁷⁸ Скорее всего, его [Квинт Септими́й Флоренс Тертуллиан] отождествление с юристом Тертуллианом, упоминаемым в Дигестах Юстиниана, не обосновано.

с твоих слов, разве не осенял чело Иисуса при крещении, когда Иисус всплыл из вод, что снизу, и не был ли слышен глас: „Се есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение“?»

В своей книге «Дитя Кали» Джеффри Дж. Крипал предупреждает нас рассматривать тантру не как философскую и текстуальную школу, но как «грязный путь» к онтологическим истинам, которые столь же ужасны, сколь глубоки⁷⁹. Джурджевич цитирует слова Алехсандерсона о пользе декадентского отказа от правил чистоты:

«Сознательность, обязательная для поддержания чистоты и социальной системы, должна быть изгнана из его сущности тантрическим Брахманом как сама нечистота, единственная нечистота, которую он признавал, состояние невежественного закабаления самого себя в иллюзии того, что чистота или нечистота, запрещённость или признанность являются объективными качествами, присущими вещам, людям и действиям»⁸⁰.

Тантра в сути своей посвящена особому роду брака, и *sādhāna* (сексуальный ритуал) часто выполняется в наши дни в рамках в остальном обычного брака. Как мы увидим далее, исследуя практики валентиниан, похожие установления использовались у них меж тех, кто был соединён в праздновании некоего рода мистического брака, включавшего что-то наподобие алхимии тел женатой пары, таким образом полностью перенимая идею брака и придавая ему духовную сущность. В тантре человеческое тело является основанием и средством достижения гнозиса. Говоря об алхимии, мы пойдём в правильном направлении, размышляя о том, что же скрывается за базовым металлом, который превращается в золото: алхимики не перестают твердить о том, что первоматерия Великой Работы это нечто, повсеместно распространённое, на которое, однако, никто не обращает внимания. Он был в мире, и мир был создан им, но мир его не знал.

Кто он? Что он?

⁷⁹ Kripal, *Kālī's Child*, 28.

⁸⁰ Carrithers et al., «Purity and Power among the Brahmins of Kashmir» in *The Category of the Person: Anthropology, Philosophy, History*, 198.

БУДЬ МОИМ ВАЛЕНТИНОМ

В ожидании света Отца,
[о] возлюбленная моя, подруга в постели, Софэ,
умащённая в купели Христа нерушимым елеем,
ты ушла лицезреть лики эонов,
ангела Великого Совета,
истинного Сына
*Мемориальная доска, ок. 40 см. высотой,
от мужа-гностика своей жене Флавиус Софэ.
III в. н. э., Рим*

Связь гностического учителя Валентина и тем, что мы зовём романтической любовью, равно стара и глубока. Впечатляющие слова одинокой надписи, приведённой выше, являются не только достаточно редким аутентичным свидетельством гностического присутствия в Риме в третьем веке, но и говорят о духовной любовной связи. Такая связь была и является той чертой, которая характеризует пары, разделяющие гностическую идею вечной любви.

Мы обычно принимаем романтическую любовь за данность, но так было не всегда. Брак был и до сих пор во многих частях света является в основе своей инструментом реорганизации собственности: что жена приносит во владения мужа; той, что муж приносит в семью жены; а также фиксирует положение жены в собственности мужа. Чувство любви, характерное для романтических мечтаний, было в основном частью добрачных отношений или супружеской измены: объект любви был в основном прямо недоступен, поскольку он или она уже были «обещаны». Иронично горьки слова сержанта Фрэнсиса (Фрэнка) Троя из «Вдали от обезумевшей толпы» Томаса Харди: «Все романы заканчиваются браком».

В западной культуре есть другая идея «недоступной любви»: далёкой и духовной, бесплотного идеала, к которой влюблённые

приходят *contramundum*⁸¹. Этот апофеоз любви связан с воображением и отмечен способностью пресуществлять романтические физические удовольствия в безбрежный экстаз, в единение душ, в нечто редкое, неиспорченное грязью и двойственностями мира: в знание сердца.

Такая любовь сильно ассоциируется с поэтом египетского происхождения, пришедшим в Рим около 136 г. н. э., и вызвавшим всеобщий переполох своими яркими идеями и харизмой во времена папства Епископа Гигина. Уроженец Фребониса в дельте Нила, Валентин (ок. 100 г. н.э. — ок. 160 г. н.э.) чуть было не стал епископом самого Рима. Его расстройство из-за неудачи в этом деле рассматривалось очернителями его имени, вроде Тертуллиана, как основная причина создания Валентином его еретической школы «гнозиса, ложно так называемого». Даже враги высоко оценивали интеллект Валентина, тем временем, естественно, всячески оговаривая интеллектуализм.

Согласно Клименту Александрийскому, последователи Валентина (получившего образование среди эллинизированных евреев) утверждали, что мастер получил секрет, внутреннее учение, от Февда, обретшего гностические учения от Павла (см. 2 Кор. 12:2—4). Согласно Тертуллиану (*Adversus Valentinianos*, IV), Валентин в какой-то момент уехал из Александрии в Кипр и взял в ученики Вардесана. К тому времени он уже немало постарался, чтобы превратить своих студентов Ираклиона, Птолемея, Марка, Феодота, Флорина, Секунда, Коларбаза и Аксионика в преподавателей и разработчиков, а то и извратителей своего учения. Тертуллиан говорит, что только Аксионик из Антиохии остался верен учениям мэтра; остальные отрицали какое-либо влияние Валентина на себя и были против именования их валентинианами. Тертуллиан особо подчёркивает, что среди его последователей личные инсайты рассматривались как откровения, знаки гнозиса. Поэтому оригинальность и личное суждение ценились у него более, чем последовательность и уважение к авторитету.

Поскольку мысли Валентина известны в основном сквозь призму умов его учеников, сложно точно сказать, в чём состояла собственная доктрина Валентина, поскольку надструктура валентинианства (ведь и она может быть не его работой!) отлична от большей части симонианских, василидианских и сетианских примеров идей об эманациях

⁸¹ Лат.: против мира.

групп эонов, включая удалённость непостижимого Отца от нижнего творения Демиурга, лишь в каких-то деталях и общей масштабности. Но более внимательное прочтение текстов позволяет предполагать, что определённые черты, будучи общими среди его учеников, могут считаться вдохновлёнными их учителем.

Среди этих черт — поэтический подход к философским вопросам, ответы на которые даются в элегантных мифических построениях, и, наверное, более всего проявлены в соблазнительной доктрине небесных браков. Более того, в Библиотеке Наг-Хаммади обнаружился ранее считавшийся утраченным текст, Евангелие Истины, который может быть идентичным тому, который упоминается под этим именем у Иринея⁸², и который валентиниане использовали как писание, и, следовательно, он может быть написан самим Валентином. (Убедительные аргументы даются в книге Яна Хельдермана (Jan Helderman) *Die Anapausis im Evangelium Veritatis*). Это евангелие отличается утончённой изысканностью, она властна в тоне и фундаментально отлична от остальных валентинианских работ, таких как Евангелие от Филиппа. Это не означает, тем не менее, что её автор именно Валентин.

В свои семьдесят лет, датский теолог и историк христианства Жиль Киспель (Gilles Quispel (1916—2006)) поделился со мной своим аргументированным мнением, что идеи Валентина жили в памяти его последователей столь твёрдо, и столь опасна была его ересь, что Церкви пришлось изобрести собственного Св. Валентина, чтобы спутать образ и стереть память об этом Архигностике.

Подозрения Киспеля выглядят вполне убедительно. Человек, названный Св. Валентином, как считается, погиб мученической смертью в середине третьего века, но его имя не появляется в римских мартирологах до конца пятого столетия, то есть через столетие после того, как римский император Феодосий I объявил христианство в его ортодоксальной форме религией Империи, назвав отклонившихся от ортодоксии глупыми сумасшедшими, достойными преследования. К тому времени, кто бы решился вступить публично за проклятого еретика?

Таким образом католической церкви удалось подмять под себя эту фигуру. Взамен яркого, высокочтимого еретиками образа противника,

⁸² Иринея, *Adversus Haereses*, III, 11.9.

это имя оказалось связанным с историей, несущей довольно вялую версию того романтического значения, о католическом мученике Валентине, чьи деяния (со слов Папы Геласия I, произнесённых им в 496 г. н. э., в день установления им 14 февраля днём почитания Св. Валентина) «были известны лишь Богу», то есть исторически не зафиксированы, хотя он был весьма активно почитаем людьми. Появились легенды, что мученик женил христианские пары, чтобы они избежали отправления в армию. Неплохо, когда ортодоксальный христианский брак создаёт основу подменного образа, вместо фигуры, защищавшей форму христианского брака, значительно отличную от той, что проповедовалась безбрачными клириками пятого столетия.

Поразительно, но более яркие формы романтической любви вокруг дня Валентина развились в английский образованной среде вокруг личности Джеффри Чосера в тринадцатом веке. Они были связаны с остатками куртуазной любви — через более чем столетие после того, как католическая церковь пропагандистскими средствами нейтрализовала силу трубадуров в одобренные песнях к Деве (бесспорно, недоступной!) и очистила любовные коды, которые заставят даже монашку томно улыбнуться. Интуитивные люди увидят, что в этом что-то есть; вероятно, феномен ясно говорит о странности троп, которыми подавленная традиция пыталась пробить себе путь через превратности времени. Шила в мешке не утаишь!

Первоначальный Валентин, вероятно, был бы опустошён современной идеей эротической и наполненной сентиментальностью любви, облачённой лишь налётом романтизма, будучи при этом на самом деле только чувственной страстью, украшенной промышленными ароматами и залепленной косметикой. Однако не все те, кто оказался порождением отправленной валентинки, погрязли в бездне «лёгких отношений». Духовно ориентированные души интуитивно знают, что есть любовь и есть одухотворённая любовь. И она не обязательно должна быть целомудренной в плотских вопросах, но целомудренность её проявляется в намерении сердца и ума, не забывая о возможности потери видения полноты любви и друг друга в похоти и самоублажении.

Духовный эротизм может быть возвышенным, так сказать, с головой, украшенной сияющей короной с каналом в вечность, дальше звёзд, и может включать трансмутацию нижней природы через высшую магию духовного единения. Он может быть назван мистерией и, для тех, кто вне контекста, безусловно, быть эзотеричным. То есть,

если любовники настоящего и будущего пожелают купаться в лучах валентинианской любви, им должно искать вознесения в любви, а не впадения в неё⁸³. Также полезно помнить, что имя Валентин происходит от латинского *valens*, что значит «сильный», «достойный», «здравый», «крепкий», «стоящий». Эти качества суть основы добродетели, жизненно необходимые для распространения духовных ценностей, а одухотворённая любовь — корона и печать её.

Валентинианские любовники, совсем не с затуманенным взором выходят из облаков, скрывающих вершины устремления; они отвечают ясному зову, для которого чистота зрения является базовой потребностью. Что приближает нас к пониманию философии или даже, как я говорил в других своих работах, эрософии этого инновационного гения.

На мой взгляд, особой характеристикой *идеи*, присущей валентинианской системе, является тот метод, которым её основатель узрел психологическую истину внутри мифической схемы, которая, предположительно, попала к нему через Василида, Менандра и Доситея, хотя в течение трёх столетий соответствующие иудейские мысли имели большое хождение в Александрии.

Согласно Тертуллиану, вопросы, заставлявшие людей становиться еретиками были таковы: «откуда зло и почему? откуда человек и каким образом? и, что недавно предложил Валентин, откуда Бог?»⁸⁴

Когда в 1986 году в Нью-Йорке я встретился с Хансом Йонасом, уважаемый *«alte meister* изучения гностицизма» выразил мне своё убеждение, что церковь многое потеряла, прокляв гностическое движение. Она потеряла дух дерзания, креативности, интеллектуального приключения и воображения в созидании доктрины. Тогда как католическая доктрина окаменела, исключила воображение и потеряла гибкость, гностики смогли найти «пути ответить на все вместе вопросы и обернули всё в одну огромную схему».

Очевидно, профессор Йонас думал о гнозисе в понятиях его философского содержания, чего-то, что ересиологи мгновенно распознавали и, чем больше они обнаруживали следы философий Платона,

⁸³ Прим. перев.: игра слов. «Влюбляться» по-английски звучит как *fall in love*, дословно: «(в)падать в любовь».

⁸⁴ Тертуллиан, Прескрипции против еретиков, VII.

Аристотеля, Гераклита, Анаксимандра, Парменида, Зенона, Эпикура и поэзии Гомера и других в гностических учениях, тем больше сил они вкладывали в их порицание. Валентин же для них был более серьёзной проблемой, ведь он был креативным теологом, защищавшим христианство в той форме, в какой он его видел явно изнутри церкви. Точнее, он создавал апологию христианству изнутри философии, пусть и весьма особенной — той, которую сегодня мы бы назвали теософией, поскольку она была ориентирована на бога. Усилия Валентина, на первый взгляд могли бы показаться полезной услугой, поскольку они могли бы привести неверующих, философски и спекулятивно настроенных людей, к вере на основании того, есть у всего этого основания *шире*, нежели только вера. Однако проверка методов Валентина заставляла некоторых ужасаться.

Тогда как иудеи и христиане признавали фундаментальную философию Моисея, согласно Пятикнижию, в особенности то, что сотворение вселенной было актом божественной воли (*Fiat Lux!* — Да будет Свет!), Валентин утверждал идею *materiale ex passione* — сотворение материального на основе страсти, из чувства, боли, страдания: волны, беспокоящие сознание, как рябь и тени в бассейне, неутрачивающее основание. Следствие этих посылов — *Spirituale ex imaginatione*, духовное из воображения, было даже более шокирующим. В этой фундаментально трансгрессивной идее коренится, как я думаю, вечная притягательность валентинианства, поскольку его послы, будучи ужасающими для традиционного рационалиста, столь глубоко связаны с опытом творческих и художественно одарённых людей (должно быть, каждого из нас!) и с жизнью сердца.

На основании наблюдений и интереса к творцам, будь то Ван Гог или Джон Леннон, или Микеланджело, мы можем признать, что сотворение может являться продуктом боли. Художник страдает; он или она может писать, рисовать, красить, вырезать, гравировать, сочинять, изобретать, разрабатывать и так далее: вначале воображение, затем коагуляция мысли в видимый объект. Циник мог бы сказать: «Вам нужно искусство от художника? Закройте его на чердаке и держите на голодном пайке, пока он не забьёт чердак полотнами». Если перенести эту идею на сотворение вселенной (что более-менее и сделал Валентин), мы сможем локализовать потенциального инициатора творческого процесса в боли. Боль заставляет вещи происходить, поскольку страдание вызывает реакцию, а валентинианская концепция

сотворение это в некотором роде цепная реакция, зажжённая искрой, которая в ходе самого процесса превращается из метафоры в духовную материю, и отсюда облекается плотью.

Будучи хорошим знатоком работ Платона, Валентин не мог заставить высшего Бога страдать, поскольку, как учил Аристотель, Бог есть «недвижимый движитель». Не может быть страдания в абсолютном существе, поскольку абсолютное существо абсолютно совершенно. Страдание, с другой стороны, предполагает недостаточность. Поэтому должен иметь место перенос ответственности за способность страдать или чувствовать, и этот перенос появляется как следствие рефлексивной мысли Единого. Эта мысль есть потенциал совершенствования, но, безусловно, в рефлексии потенциал развивается, пусть и в концептуальном удалении от его совершенно не испытывающего страданий источника. Первая Мысль Бога есть девственный Дух Божий, и Она может соучаствовать, и в этой вовлечённости в Глубь Божественного Существа она получает семя.

Как нам обретать мудрость, если мы не можем страдать, то есть испытывать боль и удовольствие? И то, и другое требует способности к страданию: отсюда её мистериальная двойственность. Оригинальность Валентина состояла в рассмотрении этого страдания как творческого начала, как в макро, так и в микрокосме, творческого как в его позитивном, так и в негативном аспектах.

От первичного семени, которое есть искра, начинает расти древо, древо гнозиса. Искра, которая есть страсть, становится духом или соком древа, чей корень — страсти Софии, страсти Мудрости, вознамерившейся узнать непознаваемого Отца, вместо того, чтобы быть по-настоящему собой (то есть, в согласии с волей Бога по отношению к ней), то есть мудрой, достаточно мудрой, чтобы принять факт того, что глубинная природа существа не может быть понята рациональным путём. Невозможно даже использовать термины *глубинная* или *природа*, или *что-либо ещё*, или *кто-либо ещё*, не может также рационально быть назван «ничем» по причине того, что израсходовалось в бесполезном усилии понять неизвестного Бога. Человечество наследует эту страсть Софии из этого источника, и с ней — трагедию. Лишь некоторые к ней готовы, она в прямом смысле в нашей крови, завязанная на вечную боль живой ткани. И тут скрыто великолепие. Истина нашего затруднения в наследовании его источника. Мы глубоко встроены в божественную схему; мы призваны

к пробуждению. Если мы пробуждаемся, мы можем восстать через жизнь этого дерева. Наши тела подвешены на этом дереве и через него мы можем видеть рай за пределами наших тел. Как сказано в валентинианском Евангелии от Филиппа: «он [Христос] пришёл, распиная мир». Как объявил Св. Павел, плоть дерева, на котором был повешен Иисус, было ловушкой, поставленной на архонтов, и план перехитрить их этим действием был заложен во чреве Мудрости от начала времён.

Всё это философия, но также, как мы видели, это путь особой практики единения, когда позвоночный столб есть дерево, а путь в Плерому — шишковидная железа.

Вероятно, Валентин получил озарение из тех ключевых слов Павла и дальнейшего созерцания Иисуса на кресте. Зная из классической философии, что высшее существо не подвергается внешнему воздействию, Валентин не мог спорить с этой идеей, пока не увидел очевидную (для себя) истину в образе прибитого ко кресту, истекающего кровью Иисуса. Спаситель казался страдающим, и из этого страдания явилось новое творение: христианская церковь с её открытыми путями в эоны, в вечную жизнь, в новое начало для человечества, явленное в третий день. Его «кровь» — эссенция жизни, данная всем, кто может взять.

Иисус создал новый мир через свою «смерть», то есть: он не желал этого; он принял волю через знание себя. Новое творение пришло как продукт божественной человечности, открытой чувствам: страсть была унаследована от истинной Матери Христа, желавшей искупить потерянную рпеиша.

Затем Валентин размышляет над бытийными обязательствами привязанного к земле человека. Мы в тумане, потерянные, что касается знания высшей истины, нашего происхождения, нашего истинного места в космосе и вне него. В результате мы страдаем. В результате мы находимся в поиске истины, понимания, знания; из этого параллельного устремления произрастает истинная церковь. Любовь созидательна. Любовь и страдание идут рука об руку. Страсть может изменить всё. Почему тогда страсти не могут стать причиной всего? Не это ли мы видим ежедневно в нашей жизни? Страсть порождает материю. Если тоска по знанию способна положить начало исцелению души, если она может быть удовлетворена, не потому ли это происходит, что муки плоти, обретаемые из-за этой тоски по знанию, остаются неудовлетворёнными?

Вселенная содержит зло, потому что она наполнена страданием её создания.

Как пишет автор Евангелия Истины, вероятно сам Валентин:

«Через это Евангелие того, кого искали, которое и [было] открыто тем, кто совершенен, через Милости Отца, Сокрытой Тайны, Иисуса, Христа, -просветило тех, кто из-за Забвения пребывали во тьме. Он просветил их; он показал (им) путь. А путь этот — Истина, которой он учил их. Поэтому Ошибка всё более гневалась на него, преследовала его, огорчала его (и) была сведена к нулю. Он же был пригвождён к дереву, (и) он стал плодом Познания Отца. Он, однако, не вызвал разрушения, так как был съеден, но тех, кто ел его, он побудил возрадоваться открытию, и он открылся им в себе самом, и они открыли его в себе. Что касается Непостижимого, Немыслимого, Отца, Совершенного, создавшего Всеобщность, то внутри него — Всеобщность, и Всеобщность нуждалась в нём. Хотя он удерживал в себе то их Совершенство, которое он не отдал Всеобщности». (*Евангелие Истины*).

Вероятно, теперь мы можем понять, как страдание, тоска и любовь сыграли столь большую роль в духовно-сексуальной жизни тех, кто принадлежал к пробудившимся избранным, причастившимся плода древа и «получивших от Отца Истины милость познать его через силу Слова, исходящего из Плеромы».

Но не только трагический миф творения сделал Валентина, по словам Киспеля, «одним из самых оригинальных мыслителей христианской традиции». Валентин, согласно Киспелю, «открыл мистическую конъюнкцию духовного человека и его ангела-хранителя или, другими словами, сознательного Эго и бессознательного я. Его система напоминает каббалистический Зо́ар и идеалистическую философию Гегеля. Всем этим он [Валентин] обязан Христу, явившему ему Себя в форме ребёнка, Логоса, тем самым вдохновив его на создание «трагического мифа»⁸⁵. Киспель к давно запоздавшим аплодисментам добавляет слова Элейн Пэйджелс о том, что Валентин

⁸⁵ Quispel, «Reviews» *Vigiliae Christianae*, 39 (1985), 394.

был «единственным человеком во всей иудео-христианской традиции, который был всем сердцем за секс и брак, и явно учил равенству и взаимному дополнению мужчины и женщины»⁸⁶.

Когда современные авторы последних сорока лет или около того пытаются дать новую жизнь гностической традиции, процесс идёт обычно в сторону валентинианской модели. Не встречается борборитов, не встречается откровенных сперматофагов⁸⁷, вместо этого у нас везде трагедия Софии, прямо связанная с борьбой души в этом мире. Яркие черты душевных страданий женщины используются защитниками божественной женственности, а проще говоря, феминистическими теологиями, из-за того, что, кажется, освежают борьбу духа против эффектов патриархии — как из истории церкви, так и в современном обществе в целом. Кажется, Валентин разговаривает с нами. То, что он был приверженцем радикального свободомыслия, делает ему хорошую репутацию в контексте либерального консенсуса второй половины XX столетия. То, что его осуждают, делает его мучеником за истину.

Когда речь заходит об особенностях произведения «Кода Винчи», особенно, что касается вероятно страстных или предполагаемых интимных отношений между Иисусом и Марией Магдаленой, особым источником, которым пользуются защитники этой версии, является именно валентинианское Евангелие от Филиппа (наряду с Евангелием от Марии из Берлинского кодекса). Тем временем, новые теологи и весьма расплодившиеся комментаторы от эзотерики получают больше удовольствия от радикально антипуританской, открытой для секса богини, «блудницы и святой» из текста «Гром — совершенный ум»⁸⁸, образ которой без особого труда ими связывается с Софией-Марией валентиниан.

Не удивительно, что ни Иринея, ни Тертуллиан, ни Климент Александрийский, ни Ипполит или Епифаний не считают эту работу сколь либо значительной. Как явствует из крепких слов Тертуллиана, Валентин не только обвинил «нас», — Тертуллиана и его «непневматичных», «негностичных» братьев, также известных как «христиане»,

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Прим. перев.: автор в этом утверждении кажется излишне самонадеянным

⁸⁸ Библиотека Наг-Хаммади, «Гром — совершенный ум», 13:18.

в поклонении скотине и в провале Бога Отца Господа Иисуса Христа, но, ко всему в довесок, обвинил в этом и тех, кто не может достичь высот духовного сознания, то есть католических ортодоксов и остальных: все обречены на смерть, и попадание обратно в хищные когти Бога этого мира, и будут стёрты или переработаны тёмной средой вселенной-выкидыша. Валентин может быть и спас своё дитя, но вместе с грязной водой он выкинул и возможность всеобщего спасения. У него были хорошие новости для узкой группы избранных, владевших истиной; для остальных же это стало просто жёлтым заголовком о катастрофе. Насколько верно эта картина отображает настоящий валантинианский прогноз, мы поведаем вам чуть позже.

ВОПРОС СЕМЕНИ

И одни из них тайно растлевают женщин, слушающих у них это учение, как неоднократно многие женщины, обольщенные некоторыми из них, и потом обратившиеся в церковь Божию, исповедали вместе с прочими заблуждениями и это; а другие явно и бесстыдно, влюбившись в каких-либо женщин, сманивали их от мужей и брали к себе в сожительство. А иные, сначала обещаясь жить с ними честно, как с сестрами, с течением времени обличали себя, когда сестра делалась беременна от мнимого брата.

(Ириней, Против ересей. 1.6, 3)

Что мы можем узнать от ересиологов о сексуальных предпочтениях Валентина и его учеников?

Ириней начинает свои нападки на валентиниан тирадой против последователей Птолемея. Последний был активен порядка 170 г. н. э., и его последователи были известны лионскому епископу, обвинявшему их в обольщении обычных христиан утверждениями о своём «совершенстве и избранном семени»⁸⁹. Утверждая, что они обрели добродетели (*charis*) свыше от неопишуемого соединения, они рекомендуют практику мистерии соединения как постоянную необходимость. Истина требует любить женщину, принимая сексуальное обладание ею приоритетным. Однако эта добродетель касается только духовных людей. Животные люди (люди души, а не духа) должны практиковать сдержанность и добрые дела, в надежде затем найти лишь промежуточное обиталище, то есть второсортное место вне Плеромы, очевидно. Обычные люди не пригодны для опыта духовного секса.

⁸⁹ Ириней, Против ересей, 1.6, 4.

Хорошее понимание духовным (*pneumatikoi*) (людям) не требуется, ибо их путь в Плерому строится только на совершенствовании семени, которое, хоть и пришло из Плеромы, вошло в мир в слабом, незрелом состоянии, исправимом постоянным соблюдением мистерии конъюнкции (соединения). Когда всё семя Плеромы будет к концу времён доведено до совершенства, их первичная Мать (Ахамот) войдёт вновь в Плерому из промежуточного места, дабы взять Спасителя своим мужем: они станут женихом и невестой. Эта первичная Мать — София⁹⁰, а Плерома — их брачные покои. В этом великом свадебном празднестве всё совершенное семя, очищенное от животной души, дабы стать разумным духом, станет женихом ангелов, ожидающих Спасителя.

Как отметил Жиль Киспель в обзоре работы *Die Anapausis im Evangelium Veritatis*⁹¹ Яна Хельдермана (Jan Helderman), слово «покой» (*anapausis*) значимо для валентиниан, что доказывается не только текстом Евангелия Истины, но и повествованием Ириней о Птолемеяе.

В конце материальной катастрофы, Демиург уйдёт в среднее место, где найдут покой также души праведников, но ничто животной природы (душа) не войдёт в обиталище совершенства в божественной Полноте (Плероме). Когда это некосмическое спасение свершится, огонь, сокрытый в мире (вероятное заимствование симонианской идеи) вырвется наружу и уничтожит всё, включая и себя.

Валентинианам явно было важнее испытывать покой через соединение в этой жизни, то есть, стать спасённым, полностью реализовавшимся семенем, будучи на Земле, нежели страдать одержимостью конца света. Гарантией окончательного спасения является реализация спасения внутреннего. Плодами семени являются мудрость, дар прорицания и неизбежное ревнивое прельщение сил, которыми обладает Демиург.

В восьмой главе первой книги труда «Против ересей» Ириней подчёркивает, что три типа людей, материальные, животные (физические или наполненные душой) и духовные — не существуют более в одном теле, но составляют три неизбежных класса, которые типизируются как Каин (материальные), Авель (животные) и Сиф

⁹⁰ Там же, 1.7, 1.

⁹¹ Quispel, «Reviews» 394.

(духовные). Однако в том же параграфе, Иринея, кажется, противоречит этому разделению, указывая, что Птолемей говорил о существовании добрых животных душ и иных, злых по природе. У добрых есть способность получать духовное семя, тогда как злые по природе своей не могут достичь этого. Можно заподозрить, что точки зрения по этому критической важности вопросу различались и разрабатывались валентинианскими группами, представители которых то и дело сомневались в том, кто сможет, а кто не сможет обрести это семя.

БЕССМЫСЛЕННЫЕ И ВЫЖИВШИЕ ИЗ УМА

Если Птолемей показан нам как продавец разврата, то Марка Иринея изображает новым Симоном Волхвом. В XIII главе первой книги своего труда «Против ересей» он говорит о нём как о «совершенном адепте магических обманов», старательно затащившего большую толпу последователей-мужчин и «не одну женщину» в свой магический омут. Иринея описывает Марка не без доведения до абсурда, как «предшественника Антихриста». Он описывает, как Марк церемониально бросал некий осадок в чашу с вином, так, что его цвет изменялся, и называл это кровавым сиянием Благодати (*charis*). Огорошенная толпа присоединялась к питию Благодати, установленной перед ними, чаши освящались женщинами. Маг затем наполнял большую чашу так, словно она переполнилась содержимым малой чаши, произнося слова о том, что Благодать заполняет «внутреннего человека» и сеет «горчичные зернышки в вас как в добрую почву». По словам Иринея, это представление доводило женщин до сумасшествия. Вероятно, осадок был не просто краской.

Иринея говорит, что Марк

«более имеет дело с женщинами, и притом с щеголеватыми, одевающимися в багряницу, и самыми богатыми, которых часто старается увлечь, льстиво говоря им:

„Хочу преподать тебе моей Благодати, потому что Отец всего всегда видит ангела твоего пред лицом Своим. Место же твоего величества между нами: нам надобно составить одно. Прими сперва от меня и чрез меня Благодать. Уготовься, как невеста, ожидающая жениха своего, да будешь то, что — я, и я буду, что — ты. Водрузи в брачном чертоге твоего семя

света. Прими от меня жениха, вмести его и вместишься в нем. Вот Благодать сошла на тебя, отверзи уста твои и пророчествуй“. Когда же женщина ответит: „никогда я не пророчествовала и неумела пророчествовать“; тогда он во второй раз делая какие-то призывания, к поражению обманываемой, говорит ей: „отверзи уста свои и говори, что бы то ни было, и — ты будешь пророчествовать“. А женщина, надмившаяся и восхитившаяся от таких слов, разгоревшись душою от ожидания того, что сама будет пророчествовать, при усиленном более надлежащего сердцебиении, отваживается говорить и говорит вздор и все, что случится, пусто и дерзко, как разгоряченная пустым ветром, (как сказал о таковых лучший нас, что душа бывает дерзка и бесстыдна, когда разгорячена пустым воздухом). И с тех пор почитает себя пророчицею, и благодарит Марка, давшего ей от своей Благодати, и старается отплатить ему не только даянием имущества (отчего он и собрал очень много стяжаний), по и телесным общением, желая во всем иметь единение с ним, чтобы составить одно с ним». (Против ересей, 1.13, 3)

Какой бы ни была правда по этому обвинению в соблазнении, сами эти слова дают нам некоторое понимание идей, который мог использовать Марк или которые он вырвал из некоторого контекста к своей выгоде. «Ангел» входит в женские «брачные покои» (вероятно, гениталии) его посредством. У него есть «зачаток [семя] света». Передача семени каким-то образом вводит ангела в её присутствие. Неясно, находится ли ангел (её конечный жених) в семени, которое Марк передаёт ей через свой распалённый фаллос, либо ангел является небесным, но духовным внутренним свидетелем освящённого сексуального действия, призываемым, или даже заклинаемым; при этом она становится им (мужчиной: духовно единым с женихом), когда, что наиболее интересно, он становится невестой. Тонкость обращения мужчины в женщину часто упускается в комментариях о валентинианских брачных покаях.

Хотя семя придаёт мужам преимущество, освящение брачного покоя включает мужчину целостно в женское измерение духа. Есть подозрение на существование андрогинного союза, посредством которого и лишь посредством которого женщина становится способна войти в царство, в Плерому: через добродетель, передаваемую

мужчиной, и это делает женщину мужчиной, и поэтому она может войти во святая святых. Это — избранный путь женщины для входа в контакт с плеромным сознанием, будучи в женском теле. Эта классическая валентинианская уловка против энкратитского запрета на половой контакт с женщинами предполагает влияние иудейских приоритетов в греко-египетском оформлении. Женщину нужно вернуть обратно, или искупить, в мужчину. Стоит поблагодарить Иринея за сохранение маленького трюка Марка с соблазнением, ибо теперь мы можем хорошо, дословно понять иначе примечательно сложно трактуемый логион 118 из Евангелия от Фомы:

«Симон Петр сказал им: Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни. Иисус сказал: Смотрите, я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в царствие небесное». (Евангелия от Фомы)

Таково также спасение Софии, поскольку она не может войти в Плерому, не сочатавшись браком со Спасителем: в валентинианской литературе этому браку служили прообразом духовные отношения между Иисусом и Марией Магдалиной: земными отражениями эонов или совершенных разумов, Софии и Спасителя. Поскольку кажется ясным, что девственный дух андрогинен (ср. Мать и варианты «девственного мужа»: Барбело, Барбелос и Барбелон; см. Евангелие от Египтян⁹²); духовно говоря, невеста также является женихом и наоборот, поскольку финальная цель — стать одним, поскольку двое, как разделимые элементы, явились лишь в проявленном мире, где объекты разделены, поскольку сотворение отделяет от неизвестного Бога, который совершенно Един.

Теперь становится понятным, почему освященный половой акт являлся столь важным элементом для валентиниан: он был подготовкой к финальному божественному союзу, одобренному Софией, как излечение нарушенной гармонии докосмической Плеромы. Безусловно, такая система позволяла злоупотребления, как и любая другая система.

⁹² Библиотека Наг-Хаммади, Евангелие от Египтян, 2, 42, 62.

Ириней обвиняет Марка в использовании любовных зелий, чтобы заставить женщин раскрываться перед ним. Более вероятно же то, что травяные стимуляторы использовались для усиления возбуждения в ходе освящённого соития, включая сознательно ощутимый мистериальный опыт. Ириней говорит, что некоторые из женщин, «выживших из ума» простофиль, благо дело, возвращались в лоно Церкви Божией, говоря, что были растлены из-за «горячей страсти». Это делает Марка чем-то вроде Лорда Байрона по отношению к его влюблённым последователям, таким как бедная Леди Каролин Лэмб, дошедшей до убийства. Ириней цитирует по этому случаю дьякона Азии, чья прекрасная жена подпала под чары Марка и крутилась вокруг него, пока не была «обращена» братьями: затем она нередко участвовала в публичных исповедях, сожалея о своём постыдном падении. Сильное предупреждение!

По словам епископа, не только Марк, но и его последователи среди мужчин, занимались соблазнением, утверждая, что «впитали величие знания этой несказанной силы», преуспев «достичь высот над всеми силами». С такими утверждениями мы явно находимся в симонианских «землях», хотя подобные обороты попадаются везде в гностической литературе, откуда, я подозреваю, Ириней их и взял.

Он упоминает об особом рода духовном опыте, который проходили маркосиане, дабы породить в себе столь раздутую гордость в её духовной безграничности. Он называл это искуплением (*apolytrosis*) и связан он был также с сексуальными практиками.

Довольно ясное описание этого искупления нам встречается в Евангелии от Филиппа: «Господь [создал] все в тайне: крещение, помазание, евхаристию, выкуп и чертог брачный»⁹³. На следующей странице существующего коптского текста мы видим, я уверен, обширные подтверждения того, что такое искупление требовало сексуального союза на духовном плане: «Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того, как она отделилась [от него], появилась смерть. Если она снова войдет в него, и он ее примет, смерти больше не будет»⁹⁴. Женская природа должна быть втянута им обратно в себя; сексуальные ритуалы являются прототипом финального соединения и актуализируют осуществление гностической истины на Земле.

⁹³ Там же, Евангелие от Филиппа, 68.

⁹⁴ Там же, 71.

Мужское и женское суть аспекты одного духа. «Благодаря Духу Святому мы порождены. Но возрождены мы Христом в обоих. Мы помазаны в Духе. Когда мы родились, мы соединились»⁹⁵. Если это не сильно ясно, то вот ещё один фрагмент оригинального текста: «Итак, женщина соединяется со своим мужем в чертоге брачном. Ибо те, кто соединился в чертоге брачном, более не будут разделены. Потому Ева отделилась от Адама — ибо она не соединялась с ним в чертоге [брачном]»⁹⁶. Искупление осуществляется Христом: «Поэтому пришел Христос, дабы снова исправить разделение, которое произошло вначале, объединить обоих и тем, кто умер в разделении, дать жизнь (и) объединить их»⁹⁷. Иисус, будучи сам плодом Плеромы, желает, чтобы радостные любовники собирали и берегли семья. Разделённое должно объединиться. Когда вся рпешта более не будет разделена посредством материи и в ней, но будет собрана в себе, космос прекратит быть. Освящённый секс является отображением всей валентинианской философии бытия. Страсть это лечение «страстям материи».

Ириней рассказывает, что совершенные обладали особым проходным билетом в Плерому: буде они пред ликом судьи (например, римского судьи, обвиняющему их в исповедании незаконной религии), им стоит лишь вознести молитвы Матери, которая сделает иллюзорную ситуацию суда нереальной так, что дух совершенного, невидимый судье, будучи охвачен матерью, поднимается в реальный мир брачного покоя (предположительно, на небесах), где передаётся своему возлюбленному, то есть своей ангельской паре: в этом великая награда искуплённой души. Таков был валентинианский подход к каноническим повествованиям о суде и страстях Иисуса; привлекательная сила таких историй должна быть очевидной.

Ириней добавляет колкость. Некоторые из бесстыдных женщин, принятых Марком и его группой уходили от них порой в таком состоянии, что потом сторонились всего христианского учения в совокупности, а иные находились в состоянии «не внутри, не вовне». И это всё, говорит Ириней, что у них оставалось «как плод семени детей знания». Это весьма разрушительная критика, следует отметить. Последней

⁹⁵ Там же, 74.

⁹⁶ Там же, 79.

⁹⁷ Там же, 78.

фразой он демонстрирует, что уловил суть языкового мира своих оппонентов и их высокопарного символизма. Эти женщины напоминают современных жертв деструктивных культов, выходящих из программировавшего их сообщества полностью дезориентированными.

То, что верования Марка стали прототипом, прямо или косвенно, интерпретации Быт. 6 в «Книге Еноха» (где речь идёт о сынах Бога, сексуально обладавших прекрасными дочерьми человеческими, и породивших от этого расу гигантов), подтверждается поэмой «святого старца» о Марке, включённой в обзор Иринея. В этой поэме силы Марка приписываются Азazelю, который, согласно «Книге Еноха» является невидимым князем этого мира и правителем восставших небесных Наблюдателей, принесших как знание, так и порок в этот мир. Енох, в этой основополагающей апокрифической работе, носящей его имя, прорицает осуждение и заключение в этом мире.

«Посему справедливо и прилично такой твоей дерзости божественный старец и проповедник истины взывал к тебе в следующих стихах:

Создатель идолов и дивозритель Марк, Искусный звездочет и хитрый чародей,

Для подтверждения полных лжи своих учений.

Кого обманешь ты, тем знамения кажешь,

Отступной силой то даровано тебе; —

В коварстве против Бога своему предтече,

Тебе отец твой сатана дает всегда

Творить их ангельскою силою Азазила».⁹⁸

Касательно особенностей маркосианского искупления, Иринея сообщает в главе XXI (книга I), что никакой конкретной доктрины у них не было, поскольку каждый из последователей изобретал собственные методы и теории, подходящие их нуждам. Были, однако, некоторые общие мысли. Главная идея в том, что Иисус принёс крещение водой (Иоанново крещение) во отпущение грехов, но есть и дальнейшее крещение. Павел называет это крещением огнём или

⁹⁸ Иринея, Против ересей, I, XV, 6.

Святым Духом, но маркосиане идут ещё дальше. Эон Христа, ниспославший Иисуса, принёс крещение совершенства, которое, в отличие от крещения водой, духовно. Это мощное крещение, как мы будем не удивлены узнать, проводилось в некоторых случаях посредством брачного ложа или кровати:

«Одни из них устрояют брачный чертог и совершают тайноводство, с произношением каких-то слов над посвящаемыми, и говорят, что совершаемое ими есть духовный брак, по подобию горних сочетаний. А другие ведут на воду и, крестя, приговаривают так: „во имя неведомого Отца всего, в Матерь всего, Истину, — в Сошедшего на Иисуса, — в единение, искупление и общение с силами“. Иные же, чтобы более поразить посвящаемых, приговаривают какие-то еврейские слова, именно: Васема Хамосси Ваэанора Мистадиа Руада Куста Вавофор Калахфи. Истолкование же сих слов таково: „призываю то, что превыше всякой силы отчей, что именуется светом, духом благим и жизнью, потому что ты царствовал в теле“. А другие искупление произносят так: „имя сокровенное от всякого божества и господства и истины, в которое облекся Иисус Назарянин в жизни света Христа, — Христа живущего Духом Святым, в искупление ангельское“. Имя восстановления: „Мессиа Уфарег Намемпсеман Халдеаы Мосомидаэа Акфране Псауа Иису Назариа“. Изъяснение сих слов таково: „во Христе не разделяю дух, сердце и милосердную пренебесную силу; да пользует мне имя твое, Спаситель истины“. И это произносят сами совершители тайнодействия. А тот, над кем оно совершается, отвечает: „я утвердился и искуплен и искупаю душу мою от века сего и от всего, что в нем, именем Иао, который искупил принадлежащую ему душу во искупление во Христе живом“. Потом, присутствующие говорят: „мир всем, на которых имя сие почивает“. После сего посвященного помазуют соком бальзама, ибо говорят, что эта масть есть образ превышающего все благоухания».⁹⁹

⁹⁹ Там же, XXI, 3.

Из слов Иринейя явствует, что крещение совершенства должно было победить там, где София потерпела крах. Маркосиане верили, что те, кто обладает этим знанием обязательно «возродится в превысшую всего силу»¹⁰⁰. Такова их интерпретация валентинианского имени Непознаваемого Отца. Он зовётся Вуθος (по-гречески), что значит «Глубина» или «Пропасть», в смысле необъятного океана. В этой глубине гностик крестится, веруя, что это крещение, основанное для избранных Христом и предначинанное Иоанном заместить крещение водой для тех, кто сможет устоять в нём. По словам Иринейя, некоторые проводят его в виде тайного ритуала на кушетке или кровати; иные — в воде; другим же умащают голову маслом или водой, или бальзамом; таково искупление. Ещё иные рассматривают вообще любой ритуал неверным, поскольку это смешение телесного с не телесным: гнозис «неизреченного Величия сам по себе совершенное искупление».

Ириней также поясняет, как некоторые практикуют умащение маслом или водой тех, кто при смерти, с целью обезопасить восхождение духа через «начала и власти», покуда их животная душа направляется к Демиургу (подобные практики могут являться далёким корнем знаменитого *Consolamentum*, совершаемого над верующими, но не совершенными катарами перед моментом смерти, согласно записям из Франции и северной Италии в промежутке между двенадцатым и четырнадцатым столетиями).

Что же касается Иринейя, то, по его мнению, сие есть фактически выкрещивание из Церкви Бога во мрак заблуждения.

ТЕРТУЛЛИАН О ВАЛЕНТИНИАНАХ

Интересно отметить в свете современных идей, что наибольшим камнем преткновения между католиками и еретиками было гностическое верование, что, как пишет Тертуллиан: «наша плоть не может быть восстановлена по Смерти», каковое «мнение разделялось всеми сектами философов», тогда как церковь «признает одного Бога, Творца мироздания, и Иисуса Христа, рожденного от Девы Марии, Сына Бога-Творца, и воскресение плоти»¹⁰¹. Словами старой песни:

¹⁰⁰ Там же, XXI, 2.

¹⁰¹ Тертуллиан, О прескрипции [против] еретиков, 7; 36.

«Кости, кости будут ходить вокруг; кости, кости будут ходить вокруг; кости, кости, сухие кости; теперь же слушай слова Господа!»¹⁰²

Для ортодоксальных католических учителей, все валентинианские разговоры о духовной Плероме, бессмертных эонах, делении смертной души, неодушевленном теле и бессмертном духе является просто отрицанием роли Бога как судьи и творца всех вещей, позволяющим оправдывать любое физическое излишество духовными символами, телесную сдержанность духовной дерзостью. Только семя имеет значение, его плоды следует собирать как урожай, во уничтожение материальной вселенной.

В главе 36 своих «Прескрипций», незамеченных гностическими учителями, Тертуллиан великолепно проходит по гностическим идеям святого семени, используя Рим.9:16–25 своим вторичным источником:

«Ибо даже из косточки плодоносной, наилучшей и настоящей оливы появляется корявое и дикое оливковое дерево, а из зернышка приятнейшей и сладчайшей смоковницы вырастает бесплодная и пустая дикая смоква. Так и ереси: хоть от нашего ствола, но не нашего рода; хоть из зерна истины, но одичавшие от жи».¹⁰³

Текст требует некоторого пояснения. Св. Павел говорил в своём послании к римлянам, что древо спасения Господня свято и чисто, но некоторые ветви его срезаются с него (евреи, не признавшие Иисуса мессией), тогда как «дикое оливковое дерево» прививается на святой стембель. Под диким корнем подразумеваются *гоим*, неевреи, находящиеся вне завета Моисея, которые услышали призыв Христа и последовали за ним. Тертуллиан уверен, что гностики восприняли метафору Павла совершенно иначе (см. также «Excerpta ex Theodoto» 56–60 Климента Александрийского, где сказано, что Теодот-валентинианин использует фигуру Павла об оливковом древе).

Для многих гностиков, дикое плодовое дерево родилось вне Плеромы, развиваясь ветвями вниз. Для валентиниан, Мать этого

¹⁰² «Dem bones, dem bones gonna walk around; dem bones, dem bones gonna walk around; dem bones, dem bones, dem dry bones; now Hear the word of the Lord!»

¹⁰³ Тертуллиан, О прескрипции [против] еретиков, 7; 36.

древа — София, которая заблудилась, однако древо всё равно несло плод семени Отца, который она унаследовала, будучи Первой Мыслью, оплодотворённой сперматическим Словом (Логосом). Для сетиан, как мы видели, это семя, семя Матери, оплодотворённой отчим Словом, было великим сетианским семенем, кое не повреждено владыкой этого мира и его архонтами.

Тертуллиан не оставляет этого просто так. Он говорит, что новая смоковница еретиков растёт из благородного теперь древа неевреев, несшего плод честной веры. Дикая смоковница, привитая на чистое древо всё ещё родственна старому древу диких времён; Тертуллиан имеет в виду философии Платона, Гераклита, Эпикура, Аристотеля, Зенона и других: опилки Афин, непригодные для святого Иерусалима. Ереси появились как дикие отростки нееврейского ствола, принявшего Христа, и новая дикая смоковница бесспорно была дикой породы, росшее дикой и всё ещё дикая, не связанная с заветом святого древа Божия.

Тертуллиан безжалостно пародирует эманлирующее древо Птолемея в работе «Против валентиниан» (XX):

«Птоломей не забыл басен, рассказываемых детям, что в море случаются плоды, а на деревьях рыбы. Вот почему он поместил на высотах неба вертограды. Демииург действует слепо; а потому, вероятно, и не знает, что деревья не могут расти нигде, кроме земли».¹⁰⁴

Такое богатство спутанных концепций, говорит Тертуллиан, явилось от «весьма другой расы»: это вернее всего является нападком на тех гностиков, что утверждали себя недвижимыми, «чуждой» расой на древе Барбело. Другими словами, так называемое святое семя еретиков — плохое семя. Потребляйте его себе во вред, будь то на кушетке или кровати, или среди ветвей Плеромы! Тертуллиан был слишком скромнен, чтобы предположить, что раскаявшиеся обращённые, вернувшиеся в церковь Иринея, потратят остатки своих жизней, пытаясь выплюнуть его.

В магистерииальном фрагменте полемического сарказма, работе «Против валентиниан» (строфа 30), Тертуллиан обращает внимание

¹⁰⁴ Тертуллиан, Против валентиниан, 20.

на похотливость валентиниан, основывающих свои развратные методы на неприятной идее о том, что покуда обычные члены церкви вынуждены нести полный груз требований праведности, будучи лишь душами, требующими строгого наставления, они сами — люди духовные, с которых взятки гладки и они могут «они присваивают себе полное благородство происхождения через посредство своевольтва жизни своей и любви к разврату».

И за такую жизнь они ожидают, говорит Тертуллиан, быть единственными, кто войдёт в Плерому, когда нижний мир и всё в нём будет разрушено. Тертуллиан разносит в пух и прах небесное празднество невест и женихов, духов и ангелов. Для него это всего лишь одна большая земная оргия, начатая в воображаемой иллюзии этой жизни:

«Никакая душевная или животная сущность не приемлется в чертоги Плерома, кроме духовного сонмища Валентинова. Тут уже люди, то есть, люди внутренние, начинают совлекаться. Совлекаться значит оставлять души, в которые казались они облечёнными, и возвращать своему Демиургу те души, которые получены ими в удалении от него. Тогда соделаются они духами чисто разумными, неосязаемыми, невидимыми, и в этом состоянии введены будут невидимо и таинственно в Плером. — А после? — Они розданы будут Ангелам, спутникам Сотера. — Может быть в качестве сынов? — Нет. — Не для того ли, чтобы быть их служителями? — Отнюдь нет. — В таком случае для того, чтобы быть их образом? — Дал бы Бог, чтобы они, по крайней мере, того удостоились. — На какой же конец, если позволено спросить? — Для того, чтоб эти души были их супругами. Какова участь Ангелов? Они будут наслаждаться приятностями брака, похитив и разделив между собой этих Сабинок.

Вот какая награда будет для духовных людей; настоящее мздовоздаяние за их веру. Таково-то достоинство всех этих басен. По милости их, какой-нибудь Марк, Кай или Север, взошедши на эту кафедру нечестия, кто бы он ни был, муж, отец, дед или прадед, лишь бы был человек, может войти в брачный чертог Плерома, чтобы от Ангела родить (нельзя не краснеть от стыда) какого-либо образцового Эона. Когда эти супружества, законно совершаемые при блеске светильников

и под покровом багряницы, войдут в обычай: то, мне кажется, что скрытый огонь, вспыхнувши, пожрёт всю сущность ереси, обратит в прах и уничтожит всё, что у них имеет жизнь; а потом и сам исчезнет. С тех пор, по крайней мере, басен уже не будет. Но что я, дерзкий, делаю? Не довольно того, что обнаружил столь великое таинство, я ещё смею издеваться».¹⁰⁵

В Тертуллиане разношёрстные последователи Валентина встретили весьма сильного соперника.

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ И ТЕОДОТ

Важно отметить, что Климент Александрийский — единственный, кто находит за что похвалить валентиниан. И дело даже не в том, что Климент не разделял враждебности Тертуллиана и Ипполита к Платону, а скорее в том, что валентиниане не были поражены энкратитской «ненавистью к плоти», что последних приводило к отрицанию брака («Строматы», III, VII, 60). Климент отмечает, что валентинианское «восхищение браком» коренится в их попытках уподобиться жизни вышних эонов. Дошедшая до нас памятная надпись Флавии Софэ является доказательством того, что эта пламенная черта была весьма характерной для христианской жизни валентиниан.

Климент различает валентинианские и «плотские и распутные» сексуальные акты карпократиан, и одно это отличие должно заставить нас быть осторожными, и не позволять терминам вроде «гностицизм» сузить наше понимание истинной широты спектра гностического опыта; тот факт, что все секты всесторонне подвергались жесточайшей критике, не значит, что все они одного толка. Климент отмечает, что валентиниане не использовали символы как дымовую завесу для прикрытия циничных распущенных развлечений. В «Строматах» (III, 29), Климент высказывался о гностиках: «если эти люди совершали духовное соитие (*pneumatikas koinonias*) как валентиниане, вероятно, к их мнению можно и прислушаться».

А под духовным соитием Климент, оказывается, подразумевает секс во браке с целью плодить детей, что должно происходить под

¹⁰⁵ Тертуллиан, Против валентиниан, 32.

влиянием воли, а не случаться, как только у участников проснётся непреодолимое влечение друг к другу. Согласно Клименту «мы суть дети не вожделения, а воли [*thelematos*]». Вряд ли это было попыткой Климента придаться к паролю системы Алистера Кроули, называемой «телема»: «Любовь есть закон, любовь в основе воли». В «Строматах», (III, 58) отражено знание валентинианского «брачного руководства»: муж должен любить, а не вожделеть, жену, «дабы родить детей под руководством целомудренной и контролируемой воли». Страсть должна быть ограничена, не должно ей поддаваться, будь то бы то не имеет значения для предполагаемого высшего, невидимого, неосязаемого и удалённого Я. Поскольку, с точки зрения Климента, духовная жизнь направлена к божественному Логосу, если бы высшее Я было святым, то и путь к нему тоже должен быть, несмотря на безумства мира и тёмные его аспекты.

В «Извлечениях из Теодота», Климент даёт более внутреннее, существенно менее колкое суждение об экзегетических тонкостях идей одного из последователей валентинианства, Теодота. Климент цитирует иначе нигде более не известные работы Теодота и не пытается вывернуть наизнанку то, что он находит, не пытается излить весь свой сарказм, дабы осветить исследуемое в худшем возможном свете.

Уроженец Византии и адопционист (подход, согласно которому Иисус-человек был сыновлён нисходящим Христом, использовавшим его тело), Епископ Виктор, отлучил Теодота от Римской Церкви между 189 и 198—199 гг. н. э.¹⁰⁶ Из работы становится ясно, что не все валентиниане были подвержены оргиастическим эксцессам, завуалированным под тошнотворное ритуальное благочестие, как выразился Тертуллиан. Здесь описывается валентинианская женатая пара, считающая важным делом духовное наставление своего отпрыска, дабы передать драгоценное семя в вечные зоны в его наивысшем состоянии: совершенные христиане, возвышенные над законом, пока они наполняют жизнь любовью и деяниями очищенной любви. Теодот считал, что важно защитить детей от зодиакальных сил, влиявших на состояние ребёнка при рождении; это значит, что родители должны регулярно быть в контакте с высшими силами посредством брачных покоев:

¹⁰⁶ Евсевий, Церковная история, 5, 28, 6.

«„Когда были во плоти...“, — говорит апостол, как будто он уже покинул тело. Плоть, о которой он говорит, указывает на те телесные слабости, которые произошли от небесной Женщины. Однако, говоря Саломе о том, что смерть будет править до тех пор, пока женщины будут рожать, Спаситель не утверждает, что рождение есть зло, ведь оно необходимо для спасения верных и рождению предстоит продолжаться до тех пор, пока не иссякнет то количество семени, которое рассчитано заранее. Напротив, указывал он на небесную Женщину, которая рождала в страданиях и производила бесформенных убудков. Спаситель пришел именно ради того, чтобы освободить нас от страданий и принять как своих детей. Тогда мы были детьми только этой Женщины, зачатые во грехе, несовершенно, неразвитые, неразумные, слабые и аморфные, рожденные недоносками, теперь же, после того как мы получили форму от Спасителя, мы стали законными детьми, рожденными от мужа и жены».¹⁰⁷

Силы, управляющие судьбой обнуляются при духовном крещении, согласно Теодоту, крещении души посредством символа восхождения вод. Духовное крещение вызывает перерождение, после которого новое существо поднимается «выше, чем все остальные силы»¹⁰⁸. Такое размышление наводит нас на мысль об обширно известном и весьма осмеянном гностическом превосходстве. Следует подняться над унаследованными силами низших миров, чтобы помешать им испортить характер ребёнка:

«До крещения Судьба реальна, как они говорят, после же — ошибаются астрологи. Освобождает не только омовение, но и гносис, знание того, кто мы были, кем мы стали, где были прежде и где находимся сейчас, куда идем, от чего освободились и что есть рождение и возрождение».¹⁰⁹

¹⁰⁷ Климент Александрийский, «Извлечения из Теодота», 67—68.

¹⁰⁸ Там же, 76.

¹⁰⁹ Там же, 78.

Теодот считал, что дети совершенных родителей вошли в мир со слабостями, унаследованными от их духовной Матери. Поскольку София должна быть спасённой Христом, семя должно быть завершённым, или совершенным, превратившись из женского бесформенного семени в мужское. Вечное благо ребёнка мотивировало заботу о семени:

«До тех пор, пока семя не оформлено, оно является порождением Жены, получив же форму, оно принимает в себя мужскую природу и становится сыном Жениха. Оно не только избавляется от слабости и влияния видимых и невидимых космических сил, но и становится плодом Мужа, получив мужскую силу.

Мать ведет свои порождения к смерти и в мир, Христос же перемещает вновь рожденных для жизни в Огдоаду. И они умирают для мира, но живут в Боге, ибо смерть попирается смертью, а гибель — воскресением».¹¹⁰

НОВАЯ КАРТИНА ВАЛЕНТИНИАНСКОГО СЕКСА

Валентинианская забота о детях недавно хорошо освещалась в замечательном исследовании Эйприл ДеКоник (April DeConick) «Зачиная от Духов: Таинство валентинианского секса»¹¹¹. Её достижением является решительный сдвиг акцентов в понимании валентинианства с духовно-философской в духовно-социологическую перспективу. Профессор ДеКоник сместила традиционную эмфазу с высшей пневмы на подверженность семени опасности: фактор, который, по правде говоря, смотрел учёным в лицо десятилетиями, если не веками, но по странности всегда оставался незамеченным. Её исследование располагает семя как частицу духа прямо в царство воспроизводства.

Как мы уже обнаруживали в нашем исследовании, семя, по наблюдениям ДеКоник¹¹², гарантирует обретение гнозиса. Поэтому она

¹¹⁰ Там же, 79–80.

¹¹¹ DeConick, «Conceiving Spirits» in Hanegraaff and Kripal, *Hidden Intercourse*, 23ff.

¹¹² Там же, 23.

критикует подход к валентинианам как к консервативным снобам или распущенным эгоистам, как их описывали отцы церкви и многие из тех, кто изучал их наследие впоследствии. Согласно ДеКоник: «По некоторой не до конца понятной причине, большинство учёных неверно толковали валентинианское стремление к гнозису как призыв к обладанию интеллектуальным или философским знанием, тогда как, фактически, оно не более чем крест материи»¹¹³. ДеКоник настаивает на том, что валентиниане подчёркнуто не были элитистами, «озабоченными только своим собственным спасением». Скорее они были «великолепными экзегетами», рассматривавшими Рим. 8:29, например, как цель универсального спасения, учитывая слова Павла о тех, «кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего». Они по-настоящему верили в милость и любовь Бога. Отталкиваясь от состояния самого человека, они были ведомы теологическим наследием в беспокойство об смещении духа (семени) и души в ходе испытательного периода в земном изгнании с миром грязи.

Из этого смещения акцентов появляется весьма иной образ валентиниан и, я должен отметить, он выглядит гораздо менее понятно, чем тот, к которому мы привыкли. Новый образ несёт в себе почти навязчивый интерес к значимости своего семени, что напоминает странного полковника Джека Д. Риппера из чёрной комедии Стэнли Кубрика «Доктор Стрэнджлав: Как я перестал бояться и полюбил бомбу»: этот вояка настолько помешался на своих «драгоценных телесных жидкостях», что был готов развязать мировую войну, чтобы обеспечить их чистоту.

В 15 главе книги VI «Обличения», Ипполит приписывает эмфазу на грядущем массовом возвращении зрелого семени в Плерому Василиду, наследие которого предположительно перешло Валентину, добавившему собственных деталей, что касается обнажённости семени в брачном празднестве. В исследовании ДеКоник говорится о том, чем этот случайный акцент стал для последователей Валентина. Судьба семени, подчёркиваемая притчей о сеятеле, знаменитой речью Иоанна Крестителя о предначертанном урожае первых плодов, и даже только предполагаемым использованием притчи о добром самаритянине (пострадавшем от рук воров, но спасённом тем, кто «не прошёл

¹¹³ Там же, 25.

стороной» со служителями закона), становятся базовым материалом и эссенцией валентинианской практики. Удовольствие брачного покоя не предавалось отрицанию, но, наоборот, весьма усиливалось мыслью о том, что там выполняется воля высшего Бога.

Теперь мы можем увидеть валентинианский опыт изнутри как никогда прежде. Ныне открывшиеся нам подробности были глубоко сокрыты враждебностью ересиологов. Благодаря стимулу, почерпнутому в мыслях ДеКоник, мы можем построить полностью новое видение валентинианского брака.

ВАЛЕНТИНИАНСКИЙ БРАК

В сердце валентинианского брака лежала благородная концепция наследования семени, и желание искупить его к высшей жизни.

Сеятель сеял. Семя упавшее на землю, семя духа, пребывает в каждой душе, наполняя её жизнью. Настоящая валентинианская ересь (для ортодоксов, верующих в воскресение плоти) заключается вот в чём: истинное Я это не тело и не рациональная душа, но глубочайшая черта человека, аспект сердца, или внутреннее ядро души (представьте себе персиковую косточку, облечённой в плоть; внутри плоти «камень»; в камне малое ядро, содержащее сущностную энергию его развития). Дух наполняет жизнью человека. Дух есть семя, внедрённое в почву души. Идея семени это не просто метафора, супротив интерпретаций ортодоксов; это истинно порождающая идея. Это скрытое измерение спермы, «драгоценная жемчужина», которая есть в мире, но мир не знает её цены. Она содержит ключи к соединению с непознаваемым Богом, силу излучающего Логоса. Как пишет ДеКоник: «Это Я было Богом в Изгнании»¹¹⁴. Его присутствие в нас вызывает неугасающую печаль о нашем состоянии, ожидание возвращения домой, ощущение оторванности; оно окрашивает мирскую жизнь ощущением трагедии или трагической необходимости: оно вызывает сострадание. Оно говорит об оторванности от природы и её богов.

Это семя в человечестве спит. Оно требует пробуждения. Вот что такое быть гностиком. Семя — это Бог в нас. Пробуждённое, оно обретает собственную волю, которая будет «яко на небеси и на земли». Семя требует заботы; долгом пробудившегося христианина было привести семя из его зачаточного состояния к бытию тем сиянием, что

¹¹⁴ DeConick, «Conceiving Spirits», Hanegraaff and Kripal, *Hidden Intercourse*, 32.

в конце времён позволит объединить ангельские «пары» или святого ангела хранителя с чистым светом хора Плеромы.

Гностик, мужчина или женщина, двойник и истинный спутник живого Иисуса, как Иисус Христос есть двойник и истинный спутник искуплённой Софии, прототипом чего на Земле были отношения Иисуса с «искуплённой блудницей» Марией Магдалиной, принявшей губами святую пневму-сперму Иисуса (дыхание-семя), пробудившую её истинную мудрость, мудрость, к которой глупым ученикам следует прислушиваться лучше, согласно гностическому Евангелию от Марии.

Эти отношения проясняют скрытое значение секса.

В этом свете перед нами открывается вся привлекательность валентинианского решения дилеммы смертного, материального существования. *Валентиниане нашли скрытое значение секса*: истину их свободы. Становится ясно, почему состояние сознания мужа и жены в ходе сексуального объединения, завершающегося кульминацией, несло столь большое значение.

В одной из версий валентинианского мифа о спасении, поколение духовного семени Софии по-настоящему возбуждено сосредоточением её внимания на ослепительном ангеле, спустившемся с Христом (помазанником) по дороге на Землю (Тертуллиан с отвращением изливал пошлые насмешки на этот миф). В древнем мире существовала ясная магическая связь между созерцанием и воспроизведением: нам следует быть осторожными с тем, что желаем. В Евангелии от Филиппа, например, много внимания уделено тому, что если женщина будет думать о другом сексуальном партнёре, занимаясь любовью с мужем, то этот адюльтер выразится в сходстве ребёнка с любовником. Именно поэтому, делали они вывод, Иисус и учил, что помысел о прелюбодеянии равносителен прелюбодеянию. Объект мыслей в ходе полового акта определяет плод, порождаемый в результате. Поэтому следует предположить, что в валентинианском ритуале брачных покоев участники должны были концентрироваться на образе Сына (см. Рим. 8:29), отражённого в струящемся свете, исходящем от брака эонов, ибо Сын наследует воле Отца, как подчёркивается в Евангелии от Филиппа. Быть наследником Христа значит установить семя в его полноте: унаследовать вечную жизнь (дословно, жизнь эонов), чьё царство не в этом мире.

Возможно, для ересиологов всё это было абсурдом, как это абсурдно для современных церковников. Валентинианский гнозис

отвергался на основании того, что он появился после апостольских времён, и когда каждое сущностное предписание к его практике может быть экзегетически отвергнуто исходя из канонических Евангелий и посланий Павла. Бесспорно, это вводило ересиологов в бешенство. Это объясняет также и то, и почему Тертуллиан считал, что надо полностью запретить еретикам притрагиваться к писаниям, ведь, по его мнению, они намеревались извращать их, создавая новые схемы. В случае с валентинианами, не всегда можно сказать точно, что их интерпретировали неверно. Вероятно, интерпретация была лишь несовместима с традиционным пониманием. Иногда бывает, задумаешься, а действительно ли Валентин, как рассказывают, имел доступ к тайному учению Павла, особенно, что касается значения крещения духа. Можно с точностью сказать, что вряд ли кто-то придёт к выводам, вроде валентинианских, основываясь только на канонических текстах. Обязательно должен быть какой-то внешний импульс, со своими заповедями, запретами и основополагающей теософией. Ересиологи утверждают, что Валентин попросту набрался идей у греческих философов, у Платона, и, в частности, у Пифагора, а они были еретиками, поскольку, как мы замечали ранее, ересь зародилась в Эдеме. (Климент Александрийский и Иустин Мученик были исключением из этого правила; оба видели прообразы христианских истин в идеях этих философов: христиан, живших, правда, до Христа).

Платоновская идея о вселенной как тени или копии вечного мира вещей-в-себе значила для валентиниан, что вселенная была недостаточным образом вышнего мира Плеромы, Тертуллиан насмехался, вероятно, с презрением, что при столь многих наличествующих образах, можно предположить, что валентиниане и сами-то были иллюзорны. Поэтому брак, валентинианский брак, построенный по принципу «что вверху, то и внизу» и «что на земле, то на небе», должен был являть образ высшего союза зонов.

Возвышение сознания в ходе близости являлось священной необходимостью для тех, кто заботился о семени, ибо они были истинными христианами, теми, чьи имена были названы, а не «гиликами», чей материализм гасил энергию и световой потенциал семени. Избранный был искуплен сам и должен теперь искупить заблудшую овцу. Если нормальная практика ритуала не удавалась, стоило лучше поститься, чем производить плохие плоды и давать пищу князю мира сего, пытавшемуся, но не преуспевшему в распятии сущностного Христа на своей

воле, однако раскрывшему поразительный плод на древе, который лишь гностический взгляд, и только он, сможет узреть.

Это предписание о том, что физики (души-сознающие) должны следовать экзотерической схеме Павла и остерегаться плотской связи по возможности полностью, привело к обвинению валентиниан в том, что они практиковали одно, а проповедовали «тем, кто ниже них» другое. Вероятнее всего, это во многих случаях клевета, поскольку сам Павел несёт ответственность за разделение христиан — есть часть из них, что достойна только молока, и не готова к истинному духовному мясу, которым, по его словам, он обладал, но не собирався раскрывать при публичном чтении посланий. Павел берёт высшие таинства для посвящённых. Он говорил с простолюдными просто, хотя обладал огромными знаниями, более чем кто-либо на Земле (он, или кто-то или что-то с ним близко связанное, испытали «третье небо», было ли то в или вне тела, он не знает (II Кор. 12:2)¹¹⁵). Валентиниане сказали бы: «всё там, в писании, если будете читать его со включенным светом; но вы слепы, вы даже не знаете, что свет включился, причём это обычный свет мира, но видим он лишь духовно продвинутым; не вините нас, просто это — так. Этот свет проистекает из семени, но не все способны его видеть».

То есть брачное ложе для валентинианской четы было местом пронизанной благоговением святой практики. Там Дух Божий соединялся с христианской гностической душой в сотворении новых Адамы и Евы в раю утробы. Если родители правильно улавливали суть, дети будут благорасположены к свету и смогут сознательно соучаствовать в искуплении падшей Софии и потери, которую испытывает душа.

Для тех, чья душа была в ладу с Богом, секс был благодатью, чудом, свершавшимся не во тьме как деяние стыда, но в свете, с вином и благовониями духовной радости, наполняющей новый день. Это было их хлебом насущным, который поглощали они ежедневно с благодарностью. Те, кто не мог видеть духовного великолепия, профанировал саму идею действия; кто не мог увидеть свет в действе были грязными людьми с грязными умами. Такие люди никогда не поймут: они живут в смывной жиже проклятия Адама и Евы, но никак не в свете искупленного обещания вечного рая. Гностики соглашались,

¹¹⁵ Прим. перев.: «... в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба».

что они живут в полностью свежем промысле, который превосходил «мирские способы». Вероотступничество тут невозможно.

Предположительно, валентиниане посещали обычные службы в храмах, но также имели и ложи (вероятно, неудачный термин, так как это было не масонством в той форме, как нам известно ныне!), где духовное наставление объединялось с таинством умащения (chrism) и искупления (apolytrosis). Жиль Киспель описывал валентиниан как «детей знания сердца» («Гностики», Телесериал СЗ, 1987 год, эп. 1). Всё это раскрывается в их писаниях, в основном в Евангелии Истины.

ЗНАНИЕ СЕРДЦА

В столь сложном тексте, котором является Евангелие Истины, Иисус был явлен «Гнозисом и Совершенством, проповедуя всё то, что в сердце»¹¹⁶.

Коптское слово для «сердца» — «het», и это «сердце Отца», которое узнаёт духовный христианин. Валентинианин обретает «плод Его сердца и выражение Его воли»¹¹⁷. Это не интеллектуальный подход. Должно понимать сердцем то знание, которое в нём содержится. Нужно чувствовать его свет. Такой акцент на чувствах сердца и его знаниях (которые не знает ум) стал предтечей континентального движения пиетистов, выросшего из Реформации шестнадцатого века, когда дореформационные духовные течения направились назад и проявились в Германии, Франции и, до определённой степени коснулись английской церкви, откуда распространились в Америку с моравской церковью, швенфельдианами и другими пиетистскими сообществами. Основным сторонником их был, бесспорно, Якоб Бёме (1593—1652), чьи поклонники, Абрахам фон Франкенберг (1593—1652) и Готтфрид Арнольд (1666—1714), считали, что Бёме находился в духовной орбите валентинианских гностиков.

Хотя по наблюдениям ДеКоник, валентиниане были заинтересованы в «знании, что», вероятно, их всё же больше интересовало «знание, как». Недостаточно было думать о Боге; следовало испытывать Бога и испытать его можно напрямую через любовь, праздную мужем и женой. Опыт божественной любви должен был вести их

¹¹⁶ Библиотека Наг-Хаммади, Евангелие Истины.

¹¹⁷ Там же.

далее простой мысли или идеи Бога (в чью сущность каждый христианин и так должен верить); они должны были раскрывать реальность вне этой идеи: целью была реализация Бога, прямой гнозис. Полное совершенство всё ещё было отложено до конца времён, когда они уйдут с промежуточного уровня, разоблачатся от своих покровов, то есть элемента души, и обнажённые, то есть как чистый дух, соединятся со своими ангельскими супругами, архетипическими отцами их семени, в вечной радости вне времени. Брачные покои являлись прототипом последнего опыта, когда сама Плерома станет одними большими покоями божественного союза. Таинство брачного покоя содержало конечный опыт как имманентную или временную реальность. *Воскресение Сейчас!* Визионерские планы опыта ассоциировались с валентинианскими таинствами, поскольку общее состояние сознание поднималось также, как Моисей воздел змея в пустыне, исцеляя детей изгнания от укусов гадов этого мира.

Можно усомниться в точности слов Иринейя, когда он утверждал, что конечное спасение было доступно только пневматикам, как он описывает последователей Птолемея. Сам Ириней говорит, что валентиниане подразделяли «животные души» на обладающие хорошими чертами и плохими, и хорошие могли получить семя, тогда как гилики, не слышавшие зова, никогда не получают его и прокляты со всем тем, что они считают реальным, то есть со вселенной.

Опираясь на все значимые тексты, философия в теории должна была практиковаться так, что существует шанс обратиться ко Христу, а Христос знает, что делать с хорошими душами. Те же, кто очнулся, могут не испытывать никаких сомнений в том, куда направится их дух в конце концов, хотя они и оставят свои активные души. Что это может значить в контексте психологии самости, правда, остаётся неясным; но совершенный гностик обретал покой.

Такое состояние покоя смягчает тот образ гностиков, что был создан их врагами: будь то бы они ходили, напыщенные как петухи, смотря на остальных сверху вниз. Вероятно, это была проекция беспокойств и волнений самих врагов. С другой стороны, возможность встретить распалённое, несносное эго — постоянно с нами: такие люди встречаются часто в коридорах власти, а смесь семени и уверенности в своём величии всегда была моральным риском в валентинианско-христианской жизни, даже если чванливый Демиург понимался как ложный бог или эго всего сущего. Многие из нас могли бы поведать

о встречах с уродством безумного эгоизма, облачённого в религиозные добродетели в каждой религиозной традиции: идентификация обычного эго с Богом не редкость; эгоист, или, если всё совсем запущено, псих, знающий только себя, ошибочно считает это знанием себя. Это всегда выглядит ужасно. Ложная скромность всегда тошнотворна настолько же, насколько реальная помпезность, возможно даже гораздо больше. «Держись своего я!» любыми способами, как пел Брайан Уилсон, но не превращай в идола; не будь им поглощён.

Притча о сеятеле, даже в ортодоксальной интерпретации, предполагает, что часть семени упало на каменистую дорогу или была задушена сорняками или, не неся плодов, оставалась умирать, или сжигалась в огне. Безусловно, ортодоксальная точка зрения понимает семя как метафору логосу мессии, или призыву Всемогущего Бога к покаянию, а не как сперматическое слово гностиков. Но принятие того или иного мнения значит, что ортодоксальное недовольство привилегированным спасением среди гностиков только подчёркивает католическое беспокойство о том, что они могут и не быть спасены: остальной неверующий мир язычников и неисккупленных грешников всё ещё мог отправиться в ад! Конечно, у ортодоксов не было сомнений в том, что гностики предназначены оказаться в том же агонизирующем забвении.

С точки зрения валентиниан, весь опыт деторождения воплощал важные силы семени, силы, которые могли в своём взрослом состоянии выводить гностика из западни сил этого мира. «Будучи зерном души, семена могли взреть, и возвращал их «свет мира» Иисуса». Семена привязывали душу к телу, что само по себе даёт возможность предполагать, что, по их мнению, семя существовало *in potentia* в каждом человеке, иначе это был бы попросту не человек, но они, как мы, могли и сомневаться в этом, встречая настоящего негодяя.

Всё было серьёзно у валентинианской пары: семя призвано божественным императивом жатвы. Читая проповедь Иоанна Крестителя о грядущем пламени жатвы с духовной точки зрения, валентинианин видел отличие зерна от плевел, которые сжигались. Кризис грядущего суда возвышает божественный дух, порицая плоть. Таково было «евангелие» или даже «тайная книга» Иоанна. Естественно, гилическую часть души валентиниане считали плевелами и семенем дьявола, единосушным ему, поскольку валентинианское семя души кажется копией, созданной демиургом по частичному подобию духа, поскольку суть его архонты уловить не могли. Именно из этого они и сделаны: недостаточная субстанция, неисккупленная,

поскольку произошла от тревожных поползновений (enthymesis) Софии, действовавшей без её сизигии (вероятно, валентиниане не очень дружили с мастурбацией, если только она не была оправдана сбором семени для ритуального поглощения). Душа, в любом случае, обеспечена тёмными силами тварного мира, как кратеры-шрамы луны или внешние жилы на персиковой косточке, содержащей сферическое совершенство внутри.

ДОБРЫЙ СПЕРМАРИТЯНИН

Валентиниан беспокоило, что злые духи обитают в душе и похоже, экзорцизм сопровождал периодически ритуалы искупления, дабы сохранить сердце, ядро души, от загрязнения. У них, вероятно, были собственные объяснения и способы справляться с особо наглыми и властными членами группы. Им приходилось жить с тем, что является естественными состояниями души, у которой есть и негативные склонности. Исцелением было Причастие внутреннего Сына, освящавшего сердце своим светом, изгоняющим тьму и подчиняющим себе бури мира, чтобы сердце могло найти покой, отдых и несказанный мир. Эти блага являлись из добродетели, изливающегося света Спасителя, что пришёл на Землю, но был не от мира сего.

«Ты ходил в грязи,
и одежды твои испачканы не были,
и ты не был схоронен в отбросах их,
и ты не был пойман».¹¹⁸

В работе из Библиотеки Наг-Хаммади, известной как «Валентинианское объяснение» естественные недостатки души приписываются страстям Софии¹¹⁹. Они могут быть исцелены сексуальным искуплением в валентинианских брачных покоях. Раны Софии могут быть защищены, если вы позволите мне так выразиться, «добрым спермаритянином», который пожалеет того, кто пострадал от рук воров. Валентиниане чтит крещение как избавление от демонов и помазание как призвание Святого Духа. Если вы считаете меня бесцеремонным в моей такой ссылке на

¹¹⁸ Библиотека Наг-Хаммади, (Первый) Апокалипсис Иакова.

¹¹⁹ Tertullian, Q.S.Fl. Tertulliana Adversus Valentinianos, NHL XI, 2.

доброе самаритянина, посмотрите на гностическую работу «Толкование о душе», где душа, которая может быть по праву сопоставлена с искупленной блудницей Еленой Тирской, отслеживается в её нисхождении на Землю: «а когда упала в тело и вошла в эту жизнь, тогда оказалась в руках многочисленных разбойников; и наглецы перебрасывали ее друг другу и осквернили ее»¹²⁰. Отец исцелил её осквернение умощением (*chrism*) и крещением. Валентиниане не страдали от непонимания того, почему евангельский Иисус был сопровождал блудницами; ведь он **понимал**.

«Толкование о душе» говорит прямо о благословении семени возлюбленного искупленной души и о важности воспитания хороших детей: «И когда она соединилась с ним, получила она семя от него, т.е. Дух животворящий, чтобы при его участии смогла родить добрых детей и вскормить их. Ибо это великое и совершенное чудо рождения, так как этот брак совершается по воле Отца»¹²¹.

Тем, кто отвергает валентинианский подход, считая его духовным элитизмом, надо снова напомнить, что корнем разделения является всё тот же Павел. Оппозиция Павла Иакову, брату Господа, разожгла разделение между психиками, которые должны слушаться принципов правильного поведения и пневматиками, которые стали «законом себе», имея образ Сына в сердце. Иаков был защитником *цедек* и *хесед*, «добродетели» и «милосердия», то есть добрые дела служили средством спасения. Павел же рассматривал это всё как старый завет, который теперь был оспорен появлением пламени духа и крещением духа, которого удостоилась ветвь дикой смоковницы, коей была христианская семья неевреев. Посев диких семян означал для валентиниан дар спасения, переданный неевреям; их древо выросло диким, вне завета Моисея, который, как они подозревали, был вдохновлён Демиургом. Павел учил, что духовный человек настолько же выше, насколько духовный огонь выше воды. Поэтому, пневматики спасены по природе своей; тот же, кто следовал рациональному пути закона будет доволен благословением, которое давало милосердие тем, кто хорошо трудился; им придётся зарабатывать на вход.

Валентинианские пары с радостью принимали обычное христианское причастие, поскольку оно и его символы наполняли душу

¹²⁰ Библиотека Наг-Хаммади, Толкование о душе.

¹²¹ Там же.

и её устремления согласием с образом «совершенного Человека», Иисуса, хотя они знали и более возвышенную близость, нежели разделение хлебов и вина, которые для них самих было лишь вхождением в дарующую жизнь сущность сексуального ритуала. Их опыт причастия искажал образ совместного с обычными прихожанами церкви поглощения элементов. И снова-таки, эта дихотомия раздражала епископов: «с нами, но не с нами», как они могли бы говорить. Ортодоксия ставила своей целью избежать смешения и изолировать гностиков. Они вполне преуспели, заимствуя и преобразуя по пути некоторые гностические духовные символы. Поэтому могло казаться. Что гностик Валентин, чьим ключевым символом был скрытый свет Бога, стал сентиментальным духом романтических подарочков, редко наполненных чем-то духовным.

Многие, читающие это, подумали бы, а не потеряла ли церковь что-нибудь от своей собственной души, выделяя еретиков в своих рядах, причёсывая все группы под одну гребёнку полнейшего презрения и моральной антипатии. Что касается валентиниан, их вдохновение пришло из писаний, оживлённое духовным воображением, преобразованное экзальтированным эротизмом и наполненное чувством нового творения полностью духовного свойства. Поэтому, когда они читали о рождении Сифа после катастрофы, случившейся с Каином и Авелем, они видели, что в момент зачатия Сифа Адам обладал своей женой Евой, будучи преисполненным любви, надежды и веры, и душа Адама восходила на высоты небес, находя там образ истинного Сына — для сотворения ребёнка, на которого возлагались все надежды. Что касается Сифа, так же было и с его собственными детьми: творилось святое поколение, дом которого построен в небесах. Как выражает это видение Эйприл ДеКоник: «Именно такой была форма любви, которую валентиниане почитали священной и верили, что она приведёт их к их собственному спасению, которое было ничем иным как спасение самого Бога»¹²².

В конце концов мы можем ясно и непредвзято рассматривать гнозис как освобождение пленённого семени через сексуально гармоничное созерцание ангельских сущностей. Для валентиниан акты любви были исцелением сердца и подготовкой семени к воссоединению.

¹²² «Conceiving Spirits» в Hidden Intercourse, 46.

В ПОИСКАХ ТАИН ПРУНИКОС И БАРБЕЛО — В АЛЕКСАНДРИЮ

Одна из многих тайн, до сих пор окутывающая истоки гностического движения скрыта в именах, данных гностической богине, или, лучше сказать, архангельскому образу, у валентиниан звавшегося эоном София (матерью ангелов), также известной последователям офитов и сетиан как Барбело, Барбелос, Барбелон или Барбало, девственный дух.

Тогда как в ряде текстов Барбело тесно связана или даже идентична Софии (обе богини — первичные и материнские образы), последняя из них яснее проявлена в большинстве текстов как своенравная и самовольная дочь андрогинной праматери Барбело. Барбело же стремится только познать Бога Отца лицом к лицу и обрести его отражение (семя). Барбело вначале просит, затем получает. Для барбелоитов (или, как я предпочитаю, барбелитов) небесный человек пробуждён образом Бога (Барбело), божественной искрой. София же явно не архетип просящего. Будучи мудростью она, безусловно, должна уже была познать. Она горда.

В Апокрифе Иоанна София названа «София Эпинойя»¹²³ («эпинойя» значит мысль, предназначение, устройство, намерение), тогда как Барбело, появляющаяся первой из глубин Плеромы, есть андрогинная проноя (предмысль или прогнозис) Отца (он/она также — «человек», который обретает семя Отца, чтобы соделать Христа и который умащён девственным светом). София появляется как эманация или дочь андрогинного Барбело, будучи аспектом мудрости матери-отца предзнания Барбело.

Одна из причин удивительной сложности генеративного процесса отца-матери-дочери-сына заключается в том, что творцы

¹²³ Библиотека Наг-Хаммади, Апокриф Иоанна, 9:25.

гностического мифа пытались через него дать философские аргументы к неразрешимым проблемам, таким как почему совершенству вообще потребовалось создавать что-то несовершенное? Основной миф нацелен показать, что процесс получил импульс из неизбежной необходимости природы Монады: её таинственного, непознаваемого сердца, великодушия в любви, присущего духу и неотделимого от его существа, поэтому передаваемого его столь желанному семени.

Ириней пытается приравнять Барбело к образу Ргунис (на латыни) или Ргунейкос или Ргуникос (по-гречески). Это имя не встречается в Библиотеке Наг-Хаммади. Кажется, что эти имена чуть ли не идентичны, поскольку София и Барбело также функционируют во многих текстах на равных правах. Однако черты Пруникус наиболее соответствуют мифу Софии и её изгнания, также, как и образу неименованной «блудницы и святой» одного из текстов Наг-Хаммади — «Гром, совершенный ум»¹²⁴. Чтобы оставаться в контексте парадоксального описания гностической мудрости, нам придётся принять факт того, что Мать есть Дочь и Дочь есть Мать, поскольку плодородное семя Отца есть в Матери. Появляется вопрос: кто из них является заблудшей овцой?

Чтобы выяснить значения имён Барбело и Пруникус, давайте взглянем на еврейскую общину в Александрии за два столетия до рождения Иисуса. Мы находимся в Египте, во время правления старших офицеров греческой армии, связанных браками с египетской аристократией, поскольку Александр Великий захватил Египет и основал город Александрию в 331 до н.э. В ответ на подавляющее влияние греческой культуры, как сообщает нам легенда, греко-египетский фараон Птолемей II (ум. 246 до н.э.) заставил семидесяти или семидесяти двух еврейских учёных переводить святое еврейское писание на греческий язык, чтобы добавить его в великую библиотеку в Александрии. Начавшись в третьем веке до н.э., работа была завершена к концу второго века до н.э. Греческая Библия известна как Септуагинта (или Книга Семидесяти). Перевод с иврита на понятные грекоговорящим людям слова имел огромный эффект на развитие мысли среди иудеев, а также образованных неевреев, интересовавшихся еврейской культурой.

¹²⁴ Там же, Гром, совершенный ум, VI, 13:18.

Есть и ещё один существенный аспект изложения идей одной культуры в терминах другой. Когда вы переводите лингвистически гомогенный текст, оттенки смысла меняются во всём. Например, переводя еврейское слово *hochmah*, означающее мудрость, на греческий язык словом *Sophia* или *logos*, мы даём эллинистическому сознанию ассоциативное упражнение: еврейские повествования наделяют имена новым философским и мифологическим контекстом. Читатель думает, что имеет дело с тем же образом, который вам известен, но на деле значение понятия расширяется, изменяется, искажается до некоторой степени.

Александрійцы, которых интересовали история и философия, получили возможность взглянуть на еврейское наследие в его совокупности. Это касается как евреев, так и неевреев. Греки получили возможность заглянуть в то, что прежде было полностью чуждым и закрытым для них. Пять Книг Моисея (Пятикнижие) считались (и считаются) философией, также как такие книги премудростей, такие как Псалтырь. Синкретизм оказался неизбежен, как это бывает при столкновении чуждых друг другу философий. К еврейским текстам можно было подходить с разных сторон, исходя из предпосылок чрезвычайно отличных от тех, которыми мотивировалось написание этих книг изначальными авторами. Тексты привлекли к себе внимание и породили вопросы; ранее они лишь требовали уважения как святые тексты.

Важно было, чтобы еврейские учёные дали комментарии к писаниям, доступные для неевреев, дабы грекоговорящий исследователь мог получить верное представление или хотя бы начал приближаться к пониманию еврейского духовного и интеллектуального взгляда на мир, в меру «испорченности» самого интерпретатора, конечно. В ходе этого процесса, безусловно, идеи переходили в обе стороны. Вкупе с новой, эллинистической перспективой, значение иудейских текстов расширилось и в глазах самих еврейских комментаторов. До того их не считали философами, и, хотя религиозные пуриты всячески сопротивлялись этому, городские «высоколобые» спокойно наслаждались этим процессом.

К тому же, что весь корпус еврейской священной литературы сообщает в совокупности? Евреям эта литература открывает эпос истории спасения, того, как, связанные заветом со своим Богом Яхве, люди этого народа переживали невзгоды исторической эпохи; как, из-за непослушания Богу, на которое указывали пророки, на них нисходили несчастья и время от времени падало вражеское ярмо. Но вера была

оправдана; вера была мудра; начало мудрости в страхе Божьем: суть мудрости в знании Бога.

Была и ещё одна история, или способ рассказа истории. Еврейские комментаторы на греческом могли рассказать, как Бог сотворил вселенную своей мудростью, а мудрость для греков была как интеллектуальной концепцией, так и богиней, или неотъемлемым абсолют, или законом природы. И вот в Бытии всё начинается («В начале...») с чистой идеи: нетронутое поле божественной воли; Бог создаёт космос своей мудростью («сотворим») и «видит, что это хорошо». На это тут же даст резонанс идея добра Платона: оптимистичная, натуралистичная, позитивная. Хорошо и чудно. Но затем мы видим, что эта картина хорошего разбавляется шаг за шагом процессом деформации: падение Адама и Евы; убийство Авеля Каином; Содом и Гоморра; Великий Потоп; Вавилонская башня и разделение языков; разделение между Исааком и Исмаэлем, между Иаковом и Исавом; порабощение евреев египтянами; нарушение завета через измену с ханаанейскими богами и богинями; отход Иуды от Израиля; разрушение Храма; вавилонское пленение; завоевание персами; затем, во втором веке до нашей эры завоевание потомками грекоговорящих генералов Александра (Селевкидами), после которой война за освобождение под эгидой Иуды Маккавея и его последователей (после 167 г. до н. э.). Как всё это понять? Как это представить?

С другой стороны, мы начинаем с девы — Мудрости — вне времени, вечной, совершенной. Затем эта божественная идея соприкасается с творением, и с людьми, которых она любит и учит. И что происходит? Постепенно её искажают, извращают, игнорируют, поносят, на неё нападают и порабащают — хотя сама Мудрость остаётся чиста, бесспорно. Когда разрушается первый Храм, Мудрость, фигурально выражаясь, оказывается по кругу изнасилована силами мира и его богами, которых, как мы понимаем, евреи рассматривали как взбунтовавшихся ангелов: гениев наций. Но в конце она оправдана, как и те, кто её любил и любит, и её неписанный образ открывается чистым перед теми, кто благословен.

В начале второго века до н. э. у евреев был их Второй Храм, и праведное поклонение было посвящено Богу Сиона, а народы земные слышали об их вере. Но место пребывания Мудрости не было в полной безопасности: впереди ждали катаклизмы.

В таком ключе, жестокий путь симонианской мифологии первого века н.э., после римского завоевания Самарии и Иудеи, и насаждения поддерживаемого римлянами чуждого иродиано-идумейского правления над Храмом, несёт куда больше смысла, нежели просто миф о сотворении. Это ещё и культурный миф, а насилие над божественной супругой, принуждение её к проституции и давление на неё, отражают судьбу избранных сосудов божьих: временное прохождение Мудрости через руки тёмных ангелов чуждого правления. Имя *Елена* означает «сияющий свет» или «фонарь»: свет во тьме. Вертикальное падение с высот отражено и соответствует линейному, горизонтальному течению времени: что вверху, то и внизу. Мудрость то страдает, то оказывается свободна: «И оправдана премудрость всеми чадами ее» (Лук. 7:35). В Септуагинте рассказывается история и дано обещание её разрешения, и его увидят те, кто имеет глаза, чтобы видеть.

Не удивительно тогда, что именно в Александрии персонифицированная Госпожа Мудрость из Притчей получила спекулятивное внимание в таких трудах как «Экклесиаст» («Премудрости Иисуса сына сирахова») и «Премудрости Соломона». Как и Притчи, эти работы полны зачатками развития мифа Барбело-Софии, когда гностики, вслед за еврейскими платонистами, попытались осмыслить божественные характеристики (эпитеты) как эйдосы Платона, мифологизируя их до антропоморфного уровня.

Послушайте слова еврейского мудреца в Египте, Иисуса, сына Сираха, и отметьте, как он развивает идеи из Притчей о том, что Мудрость — это плодородное древо:

«Высоту неба и широту земли, и бездну и премудрость кто исследует? Прежде всего произошла Премудрость, и разумение мудрости — от века. Источник премудрости — слово Бога Всевышнего, и шествие ее — вечные заповеди. *Кому открыт корень премудрости?* И кто познал искусство ее? Один есть премудрый, весьма страшный, сидящий на престоле Своем, Господь. Он произвел ее, и видел, и измерил ее, и излил ее на все дела Свои и на всякую плоть по дару Своему, и особенно наделил ею любящих Его. Страх Господень — слава и честь, и веселие, и венец радости. Страх Господень усладит сердце и даст веселие и радость и долгоденствие. Боящемуся Господа благо будет напоследок, и в день смерти

своей он получит благословение. Страх Господень — дар от Господа и поставляет на стезях любви. Любовь к Господу — славная премудрость, и кому благоволит Он, разделяет ее по Своему усмотрению. *Начало премудрости — бояться Бога, и с верными она образуется вместе во чреве. Среди людей она утвердила себе вечное основание и семени их вверится. Полнота премудрости — бояться Господа; она напоет их от плодов своих: весь дом их она наполнит всем, чего желают, и кладовые их — произведениями своими. Венец премудрости — страх Господень, произращающий мир и невредимое здравие; но то и другое — дары Бога, Который распространяет славу любящих Его. Он видел ее и измерил, пролил как дождь ведение и разумное знание и возвысил славу обладающих ею. Корень премудрости — бояться Господа, а ветви ее — долгоденствие».*¹²⁵

Автор явно уже был знаком с Притч. 3:18-20 (*курсив* — Т. Чёртон):

«Она — древо жизни для тех, которые приобретают ее, — и блаженны, которые сохраняют ее! Господь премудростью основал землю, небеса утвердил разумом; Его премудростью разверзлись бездны, и облака кропят росой».

Интересно, что Иринея насмехается над гностиками, за то, что они столь абсурдны, что считают, что дождь и воды суть знаки слёз Софии. Вот только в канонических Притчах дождь является одной из основ сотворения Земли Госпожой Мудростью.

Книга во введении приписывается внуку человека по имени Шимон бен Иешуа бен Илиезер бен Сира из Иерусалима, автора книги «Экклесиаст», Иисусу бен Сира, ушедшему в Египет в тридцать восьмом году Эвергета (этот эпитет был дан Птоломею III Эвергету (247—222 до н. э.) и Птоломею VIII, правившему Египтом с 170 по 117 гг. до н. э. Если речь шла о втором фараоне, отъезд в Египет мог быть вызван жестоким сопротивлением Иуды Маккавея против

¹²⁵ Сир. 1:3—20, выделение курсивом — Т. Чёртон.

Селевкидов (167–180 гг. до н. э.). Антиох IV поставил греческий храм на Храмовой горе в Иерусалиме, профанируя алтарь Второго Храма языческими подношениями.

Автор пишет о персонифицированной Мудрости в главах 1 и 24. Мудрость вечна: «Прежде века от начала Он произвел меня, и я не скончаюсь во веки» (Сир. 24:10), ср. Притч. 8:22 «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони». Мудрость пришла «из уст Всевышнего»; она «первородная Бога» (24:3а, ср. Кол. 1:15, где первородный создатель идентифицируется с «возлюбленным Сыном» Бога).

В Сир. 24:21–22 Мудрость (София) призывает слушателей прийти к ней: «Приступите ко мне, желающие меня, и насыщайтесь плодами моими; ибо воспоминание обо мне слаще меда и обладание мною приятнее медового сота». И снова, вдохновение, кажется, почерпнуто из Притч. 8, где будущего сына Мудрости предостерегают от низкой шлюхи города мира, которая затащит молодого человека в бесплодное самоуничтожение. С другой стороны Мудрость, также изображаемая женщиной на улицах, призывает к вниманию: «Она становится на возвышенных местах, при дороге, на распутиях; она взывает у ворот при входе в город, при входе в двери»¹²⁶. «потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею»¹²⁷. «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня»¹²⁸.

Мудрость оказывается своего рода священной блудницей, щедро делящейся собой и своими тайнами, желающей, чтобы мужи останавливались возле неё; однако она достойно большего, нежели богатства, она отдаёт себя тем, ток любит её и остаётся вечно чистой: она — путь, ведущий от уничтожения к добродетели и высшим местам: «плоды мои лучше золота, и золота самого чистого, и пользы от меня больше, нежели от отборного серебра. Я хожу по пути правды, по стезям правосудия»¹²⁹. «идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное; оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума»¹³⁰.

¹²⁶ Притч. 8:2–3.

¹²⁷ Там же, 11.

¹²⁸ Там же, 17.

¹²⁹ Там же, 19–20.

¹³⁰ Притч. 9:5–6..

София говорит о себе:

«Я возвысилась, как кедр на Ливане и как кипарис на горах Ермонских; я возвысилась, как пальма в Енгадди и как розовые кусты в Иерихоне; я, как красивая маслина в долине и как платан, возвысилась. Как корица и аспалаф, я издала ароматный запах и, как отличная смирна, распространила благоухание, как халвани, оникс и стакти и как благоухание ладана в скинии»¹³¹.

Она — то дерево, которое несёт лучший, самый благоуханный плод. Те, кто желают быть плодородными, пусть лучше останутся и вкушают, и пьют с нею.

В Притчах мы также отмечаем, что у Мудрости довольно прямолинейный характер; она наслаждается в компании мужей и она наслаждается Господом, поскольку она глубинно связана с сотворением мира:

«Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими»¹³².

Гностики, бесспорно, задавались вопросом: не слишком ли София радовалась своей славе? Не пыталась ли она стать наравне с Богом? Наслаждаясь, играясь среди сынов падших людей, не слишком ли

¹³¹ Сир., 24:14–18..

¹³² Прит, 8:22–31.

она отпала от благодати? Если она несла такую огромную роль в сотворении, не это ли объясняет те несовершенства, который Бог Отец никогда бы не допустил?

Среди учёных существует мнение, что книга Премудростей Соломоновых была написана в Александрии в период со второго по первый век до н.э., вероятнее всего в последние времена правления Цезаря Августа, ранее известного как Октавиан. Октавиан установил правление Ирода Великого над Иудеей, основав силой в Египте имперский Рах Романа, сместив Клеопатру и Марка Антония у Мыса Акий в 31 г. до н.э.

Появляющаяся в протестантских апокрифах (неканонических текстах для католической церкви), известных как «Книга Премудрости» или просто «Премудрость», София представляется как «дыхание силы Божьей», как «отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его» (Прем. 7:25-26). София стремительна: «Ибо премудрость подвижнее всякого движения, и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает» (7:24) Эта характеристика движения и проникновения очень важна и не была не замечена гностиков, как мы увидим.

София понимается в терминах среднего платонизма и в роли логоса стойков. Она «художница всего» (заставляет всё двигаться); она «светлый, чистый, ясный, невинительный» (7:22); она «мать» добрых вещей (7:12). Автор от лица Соломона утверждает:

«Я полюбил ее и взыскал от юности моей, и пожелал взять ее в невесту себе, и стал любителем красоты ее. Она возвышает свое благородство тем, что имеет сожитие с Богом, и Владыка всех возлюбил ее: она таинница ума Божия и избирательница дел Его... Посему я рассудил принять ее в сожитие с собою, зная, что она будет мне советницею на доброе и утешеньем в заботах и печали». (Прем., 8:2-4, 9)

София представлена даже как агент спасения, имманентный мессия; через неё спасаются люди. Её способность вдохновлять мужей на исправление своих несовершенных путей связана прямо со Святым Духом (9:17–18). Она даже вывела Адама из его «падения»; она учила его тому, что он должен знать: «силу владычествовать над всем» (10:1–2). На самом деле, последний пассаж гностический

экзагет легко мог понять как ясное указание на роль Софии в дозволении Демиургу выполнить весь труд сотворения, поскольку Адам, безымянный, зовётся «первозданным отцом мира» (*patera kosmou*), а этот титул может быть присвоен также ангелу-творцу: «Она сохранила первозданного отца мира, который сотворен был один, и спасала его от собственного его падения: она дала ему силу владычествовать над всем» (Прем. 10:1). Если в этом пассаже и нет такого уж радикального гнозиса, мы не можем не отметить, что это София соприкасается с Адамом после его падения, существенно смягчая большую часть наказания, назначенного ему и его жене, дав осуждённым «силу владычествовать над всем» — то есть то, что, если мы не ошибаемся, было обещано змею вместе с плодом древа познания добра и зла.

Когда Бог разозлился на человеческий род за неправедность и соделал Потоп, Мудрость сохранила мир «посредством малого дерева» (10:4) (заметьте искупительную связь *древа* с *деревом*, а позже, безусловно, в руках Павла и гностиков, с *крестом*: дерево, ставшее ловушкой на князя мира сего). Когда праведного подавляет брат его, она показывает ему путь в «царство Божие» и «знание святых вещей» (*gnōsin hagiōn*: 10:10). София спасает. Когда брат Иосифа бросает его в яму, София идёт в яму вместе с ним и спасает его, и выводит его на путь славы (10:13). Она может войти в мир полностью, даже в самые тёмные места, но всегда остаётся неиспорченной, сияющей, прекрасной.

В этой работе чувствуется сила Септуагинты, поскольку история спасения еврейского народа представлена ясно и систематически как работа Софии, раз за разом спасающей праведного от гибели через своё святое знание и дух. Она освящает путь в царство Божие и, как говорит Иисус в Евангелии от Луки, «оправдана [...] всеми чадами ее» (Лук., 7:35). Она «нетленный дух» «во всём» (Прем. 12:1). Она — мать, приводящая мудрого к знанию Отца: внутренний спаситель.

ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (ОК. 20 ДО Н. Э. – ОК. 50 Н. Э.)

Фигура еврейского философа Филона играет важную роль в понимании того, как греческие спекулятивные построения применялись к еврейским религиозным убеждениям в Александрии. Старший современник Иисуса и Павла, Филон подходит в своих рассуждениях весьма близко к тем же мыслям, что и гностические ересиархи в ряде

вопросов, хотя никогда и не утрачивает веры в то, что творец мира есть Бог абсолютный; но, может быть, он работал не в одиночку.

Кажется, Филон не считал гнозис сам по себе спасительным принципом, однако он считал, что сущность Бога выходит за пределы его понимания как Монады (или Единого), что сотворение мира через его работу в сути своей выполнялось подчинёнными ему силами; что несовершенство в человеческих суждениях надо приписывать самому человеку. Сама эта мысль в спекулятивном ключе уже открывает ящик Пандоры. И Филон поддерживал спекуляции, поскольку определял вечные идеи Платона как мысли Бога, а сила мыслить присуща Человеку.

Филон считал, что связь между трансцендентным Богом и низшим творением осуществляется посредством того, что стоики называли *logos* или Слово, некая промежуточная связывающая сила или разум, присутствующий, как и София из «Премудрости Соломона» во всех вещах. Как отметил профессор Генри Чэдвик (Henry Chadwick)¹³³, персонифицированная Хохма, София, никогда не покидала мыслей Филона, когда он пишет о Логосе, которому он даёт множество эпитетов, таких как «первороденный Сын несотворённого Отца», «второй Бог» и даже «человек Бога»¹³⁴. Такие идеи могли бы родиться из пролога Евангелия от Иоанна. Довольно странно было бы считать, что Иисус и Филон могли встретиться друг с другом на какой-нибудь из улиц Александрии, когда Иосиф и Мария забрали Иисуса из Иудеи после агрессии Ирода Великого в отношении Дома Давида.

Из этого хорошо видно, как мужской род греческого имени *logos* и слово женского рода *sophia* автоматически предполагают андрогинность как мужеско-женской Барбело и отношения между женским и мужским гностическими зонами Софии, Христа и Логоса, поскольку логос приходит от андрогинного *anthrōpos* первых небес, небесного человека как отражения образа Божия: семени в Матери Барбело.

В валентинианской мысли космос повреждается при попытке Софии сотворить лишь своей страстью. Лишь несотворённый Отец может сотворить совершенство самостоятельно; силы совершенного сотворения суть добродетели Отца. О том же говорит мифическое смещение утверждения Платона «время есть движущийся образ

¹³³ Henry Chadwick, «Philo of Alexandria».

¹³⁴ Philo, De confusione linguarum, in Philo, 41, 62, 146.

вечности» (парафраз из «Тимей», 37, с-е) и идеи о необоснованной самонадеянности Софии, поскольку, попытавшись сотворить свой образ вечности посредством неуправляемой страсти познания Отца, она лишь деформировала вечность, превратив её во время, которое оказывается конечно и в самой своей сути разрушительно. Тайна времени сокрыта именно в этой деформации. София безнравственна; она ставит Единого в то же положение. Она отрицает права Единого и создаёт многое, поскольку как Платон говорит о различении времени и вечности, всё, что движется, например, время, делает это исчислимо, тогда как вечность остаётся в единстве. А София, согласно «Премудрости Соломона», «подвижнее всякого движения» (Прем. 7:24).

Это крайне важное утверждение могло бы в уме Валентина открыться по-другому: София сразу же имела что-то от черт мира в себе. Не удовлетворённая покоем в единстве, она, как время, стала двигаться. Она движимый движитель. Она двигает Плерому; то есть, её кривляния сподвигают зоны к состраданию, что само по себе является движением от того состояния, которое Филон рассматривает как божественное совершенство, а именно «*apatheia*», отсутствие «страстей»: Богу мир не нужен. Как, спрашивает гностический философ, мог апатичный трансцендентный Бог прийти до состояния, о котором говорится, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин. 3:16), дабы верующий в Него имел жизнь вечную? София раскачала ложку; из страстей явлено разложение мира; через страсти приходит спасение от них через любовь Божью.

Это делает рано созревшую, откровенную женскую силу настоящей героиней, ибо она не только страдала, она также дала людям возможность испытать *жизнь эонов*, вечную жизнь, преодолев время и испорченный тварный мир.

Филон рассматривал фразу 1:26 из Книги Бытия, «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему» как указание на сотворение не земного Адама, но небесного человека, тогда как Бытие 2:7¹³⁵ как указание на сотворение земного Адама, который, хоть и из праха, имеет в себе дыхание, вдохновенное в него. Отличая тем самым земного Адама от небесного, Филон примиряет платоновскую дихотомию познаваемого и чувственного миров, вечных идей и конечных

¹³⁵ «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою».

копий или отображений: материал, который носил печать высшего влияния. Поскольку Филон идентифицирует Логос и небесный Ум с небесным Адамом, мы лишь в шаге от того, чтобы посчитать Мудрость небесным архетипом, который занялся творением нижнего мира.

Филон называет Логос хлебом (и снова он думает о Софии) или манной, небесной пищей Божьей для человечества, чтобы люди питались в дикой природе (образ спасения из «Премудростей Соломона»). И снова мы недалеко от гностической аллегории хлеба и семени: *logos spermaticos* стоиков, где Логос и сеятель и посев, и потребляется избранными.

Согласно Филону тот, кто стремится к жизни вне конечного тела, должен дойти до полного отсутствия страстей, что облегчает понимание идеи валентиниан о семени, восходящим к Плероме, которое, входя, разоблачается от своих одежд, то есть, психе. Ибо психическое — дом страстей, которые, в ходе восхождения духа к дому постепенно снимаются и передаются иерархии правящих ангелов: Цезарю отдаётся то, что было его от начала.

Первородным грехом по Филону являлась гордость, то есть страсть стать равным Богу была корнем греха. Валентин вряд ли был одинок в том, кто отмечал эту гордость у Матери небес, ведь какая Мать в этом случае не будет горда?

Филон является предвестником гностической концепции злого творения, поскольку его интерпретация Быт., 1:26 создаёт трансцендентному Богу лазейку для любого несовершенства, такого как болезненный факт того, что человек смертен. Филон считает сотворение человечества актом, разделённым с обязательно более низкими ангелами. Вероятно, Филон рассуждал об идее из Тимея Платона, где мы слышим о «рабочем» или *dēmiourgos* (дословно «общественном работнике»), который делает, что всё, что в его силах, чтобы привести твёрдое к идеальному (механическое никогда не соответствует чистой мысли о вещи; машины всегда требуют починки). Еврейские идеи о злых ангелах и их павшем принце, основанный в основном на Быт. 6 и Книге Еноха, придали этой фигуре и его товарищам-архонтам существенно более зловещие и не менее нелестные коннотации.

Теперь, когда мы имеем представление о том водовороте идей, который происходил в Александрии во времена расцвета Симона Мага и, без сомнения, раньше (многие идеи имели хождение как минимум за столетие до него), нам будет легче понять значение таинственных имён Пруникос и Барбело.

ПОХОТЛИВАЯ

В «Греко-Английском Лексиконе» Лидделла и Скотта есть существительное мужского рода *ρρουπεϊκος* или *ρρουπικος*, обозначающее носильщика или нанятого носильщика: того, кто несёт чужой груз. Вариант, рождающийся при этом, по меньшей мере в нашем контексте, выглядит как «тот, на кого полагаются»; он не кажется достаточно сильным, чтобы стать эпитетом Матери Мудрости, не настолько силен как эвфемизм к слову «шлюха», хотя София, согласно Гностикам, страдала за нас, и первая принимала удар спасения и была источником истории культуры, как говорится в «Премудрости Соломона».

Лидделл и Скотт дают и вторичное значение, базирующееся на «*Anthologia Palatina*» и «*Anecdota Graeca*» Августа Иммануэля Беккера (1785–1871). Это — сборник греческой поэзии и эпиграмм, найденных в Палатинской Библиотеке в Гейдельберге, в Германии, в 1606 году (*Codex Palatinus 23*), основанный на утраченной коллекции редкой греческой литературы периода с семнадцатого столетия до н.э. по 600 г. н.э., собранной Константином Кефаласом в десятом столетии нашей эры. Работа «*Anecdota Graeca*», опубликованная в трёх томах (G. Reimeri, Berlin, 1814–1821) содержала исследование немецкого филолога Августа Эммануэля Беккера, затрагивающее практически всю известную греческую литературу, включая трагедии и лирику.

Из этих источников¹³⁶ Лидделл и Скотт вывели ещё одно употребление *ρρουπεϊκος*, восходящее к греческому слову *ρρορηρῆς*, а также предполагают вторичный перевод «похотливый» и «непристойный». Поскольку *ρρορηρῆς* значит «принесённый ранее», «расположенный до», «превосходящий», «выше», «старший», «преждевременный

¹³⁶ Cephalas, *Anth.* P. 12.209, cf. A.B. [*Anecdota Bekkeri, or Anaecdota Graeca*] 3:1415; Photius's *Lexicon*. &c.

(о молодых людях и растениях)» и «недозре́лый», тогда как глагол *propheroō* значит «я выношу (вперёд)», картина проясняется, хотя мы всё ещё гадаем, ведь обсуждаемый эон не назывался «*Propheros*». Тем не менее, ранние авторитеты говорят, что *rouneikos* происходит от аориста *propheroō*.¹³⁷

Просматривая содержание третьего тома *Anecdota Graeca* (1821, р. 1415) Бэккера, я нашёл фрагмент, где попадает слово *rouneikos*. Это цитата Хёробоскоса, в котором говорится о свидетельстве Деметриуса и Алексиса (первого века н. э.) о том, что слово относилось к молодым слугам или рабам, которые носили товары из агоры (центра города) и доставляли их, получая оплату по завершении. Супротив мнения Епифания Саламисского, нагородившего соображений, что *rouneikos* означает «похотливый», это слово в контексте грамматически связано с мастерами, службой и достойным вознаграждением. В тексте слово определяет *misthos*, что значит «награда», «найм», «плату» и «наказание», поэтому снова приходим к образу «того, кто нанят», «того, кто сдаётся в найм» или «зарабатывающего плату». И снова, кажется, мы вернулись к носильщику или нанятому носильщику.

Лидделл и Скотт добыли свои версии «непристойный» и «похотливый» из Палатинской Антологии (12.209) и от предвзятого ересиолога Епифания (см. о *rouneikos* в его работе *Panarion*, книга 1, часть 25). Пассаж в Палатинской Антологии, что интересно, родом из мира греческой комедии, из эпиграммы Стратона из Сард «*Mousa paidikē*» (= «Мальчик-муза» или «Мальчик-любовь», ок. 125 н. э.). Стратон обращается к молодому юноше с длинным лицом, воспламеняя его проникнуться радостью игры и проявить немного страсти. Слово *rouneika* определяет «поцелуи» (*philēmata*). Автор спрашивает у мальчика, где (непристойные?) поцелуи, наполняющие открывающую игру, споры и полемику. Контекст предполагает, что поцелуи должны быть «бесстыдными», «прямыми», «похотливыми» или «соблазнительными» и «воодушевляющими». И да, пожалуй, «возбуждающими», «непристойными» или «наводящими» (как в «наводящих вопросах»). Следует отметить комическое использование слова; можно предположить о развлекательном типе поведения или театральном герое.

¹³⁷ Pasquier, «*Pruneikos: A Colorful Expression*», in King, *Images of the Feminine in Gnosticism*, 47.

Епифаний говорит, что это слово значит «распутный», «развратный» или «похотливый». А что ему мешало? Он так думал обо всех еретиках. Он обосновывал свои интерпретации наобум, на греческой фразе «Ergounikeuse tautēn», относящейся к кому-то, кто попортил девушку или домогался её. Явно предвзятый ход со стороны Епифания (который, бесспорно, использовали бы и Ириней или Ипполит, знай они о такой возможности); сходное значение следующий раз встречается лишь гораздо позднее (в конце пятого столетия н. э.) в лексиконе Исихия Милетского.

Интерпретируя греческое слово *skitaloi* («непристойные ребята», «распутники» или «похотливые»), Исихий использует фразу *aphrodisiōn kai tēs prounikias tēs nykterinēs*. И это крайне интересно, поскольку *aphrodisiōn* значит что-то, принадлежащее богине любви; мы помним, что Афродита была эвфемизмом полового акта. Нектарины — это, конечно, подвид персика, а персики, как считается, пришли из Персии, где были посвящены богине Исиде, а ветвь персикового дерева — её сыну Карпократу, покровителю мистериальных тайн Египта и других стран. Любовь не обязательно грязна. *Prounikias* означает качество нектаринов, способствующее распространению любви. Приходит в голову английское слово *cheeky* (бесстыдный), однако в английском вряд ли найти точное соответствие обсуждаемому слову.

Согласно Анн Паскье (*Anne Pasquier*)¹³⁸, Исихий применяет слово к кому-то чрезвычайно настырному или напрямую стремящемуся к получению сексуального удовольствия. Это бы, конечно, весьма хорошо подошло под описание томлениям Софии познать Отца и получить его семя: некто, озабоченный сохранением внимания мужчин, как София представлялась в «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова» и в «Премудростях Соломона».

Патриарх Константинополя Фотий I (ок. 810–893 гг. н. э.) использовал труды Исихия в своём собственном труде «*Lexicon*», целью которого было обеспечить интерпретацию слов в классической литературе, которые утратили своё значение. Фотий оспаривал интерпретацию Исихием этого слова, указывая, что оно теперь отличается от его

¹³⁸ Pasquier, «*Prouneikos: A Colorful Expression*» in King, *Images of the Feminine in Gnosticism*, 48ff.

былого значения¹³⁹. Фотий отмечал, что слово могло значить «настырный», «жаждущий» или «несдержанный» в поиске вознаграждения, предполагая, вероятно, нанятого носильщика, жадного до чаевых.

Слово несёт в основном комическую функцию, связанную с идеей мелочности и поспешности. Поллукс, писавший во втором столетии, сообщает, что «Древняя комедия именует *phortakes* тех, кто несёт товары с рынка, тогда как поэты новой комедии называют *prunikoí* оплачиваемых носильщиков». Слово значит «нагруженный», как мы могли бы сказать о богаче, ибо, согласно Поллуксу, этот эпитет применялся к византийцам в общем¹⁴⁰.

Исихий говорит, что *prunikoí* (мн.ч.) относится к «тем, кто взамен на вознаграждение несут товары с рынка, некоторые их зовут молодыми мальчиками: скорый, быстрый, расторопливый, изменчивый, стремительный, зарабатывающий [или наёмный]». Слово «скорая» встречается как эпитет Софии в «Премудростях Соломона»: София — скороход, легка на подъём, быть может излишне быстра, но в этой ситуации она обладает оттенком Гермеса, в крылатых сандалиях стремящегося меж мирами, невероятно озорного. Напрашивается ассоциация с английским словом *fast* как в выражении «*fast woman*»¹⁴¹. Пруникус — женщина нестрогих правил? Звучит многообещающе.

Эти идеи весьма созвучны с мифом о Софии, бросающейся на амбразуры со своим желанием быть лицом к лицу с Отцом, как и Барбело, и с тем, что она выросла из эона Ум (её Мать была Первой Мыслью Отца), несколько слишком сильно (в смысле насилия) превзойдя рамки Плеромы: неуправляемое, яростное дитя (ср.: египетский бог Сет, мистическое рождение которого заключалось в том, что он выдрал себя из чрева матери. Как я уже говорил в других работах, я убеждён, что изображение «животного Сета» в египетском искусстве основано на образе пустынного зайца. Заяц рождается зрелым: с открытыми глазами и покрытый мехом.

Думаю, слово *pire* (англ. спелый) в более старом английском понимании подчёркивает смысл «самоуверенности» или «разгоряченности»

¹³⁹ Photius, *Lexicon*, ed. Naber, 116.

¹⁴⁰ Schmidt, *Hesychie Alexandrini Lexicon*, 1:405.3 citing Pasquier, in King, *Images of the Feminine in Gnosticism*, 49.

¹⁴¹ Англ. женщина нестрогих правил, прим. перев.

или готовности лопнуть от зрелости, и подходит общему контексту, в котором плод является ясным и постоянным целевым образом слова. Можно прийти к выводу, что Ρροσηεικος это «Спелая», или даже «горячая»: наиболее сочный плод дерева, готовый быть собранным, готовый и желающий упасть. Может иметь место и игра слов с греческим ρροσηπῆ (ж.р.) — персиковое дерево или ρροσηπον (ср.р.), персик.

Анн Паскье выводит из слов Хёробоскуса, что термин может быть синонимом спеси в незрелом: королевское поведение; слово могло использоваться для указания функции или личности: чрезмерная уверенность, нацеленная слишком высоко, приводит к катастрофам. Приходят в голову также образы «искусного хитреца», «жулика», если бы мы говорили о мужчине: кого-то, кто превосходит занимаемое им место и выходит резко за рамки. Она могла зайти «слишком далеко» или стать «наглой как танк».

Мы приближаемся к толкованию Пруникус по Иринею, который, бесспорно, зашёл слишком далеко и реально был очень разгорячён. Поскольку в работе «Против ересей» I.20, говоря об офитах и сетианах, он обнаруживает, что Мать Живого «не могла выносить и содержать крайнее Величие Света, поэтому они говорят, что она переполнилась и *перекипяченная, убежала через левую сторону*» (курсив мой). Сила, пришедшая с её левой стороны — в отличие от Христа, пришедшего справа и всегда стремившегося вверх, орошённая светом, пала вниз «и её называют Синистра, Пруникус и София, как и мужеско-женской». Эта сила входит в стоячие воды внизу и придаёт им движение, в то же время, получая тяжёлую материальность, не дающую вернуться к Матери.

Сказка, рассказанная Иринеем, подтверждается до определённой степени во Втором Трактате Великого Сифа (Библиотека Наг-Хаммади). Там «сестра наша, София — та, которая (была) проституткой» совершает первое движение, ни прося ничего у Плеромы, дабы сотворить телесных существ из низших элементов. Пруникус остаётся пылкой и неукротимой, хотя теперь она потеряна в материальном мире, пока не сформирует план, как получить обратно у архонтов потерянные силы, её семья-свет. Это она сможет сделать посредством небесного человека, являющегося на мгновение среди архонтов. Пытаясь самостоятельно создать людей, архонты изливают свою силы в этих тварей, а они тоскуют по своей истинной Матери, которую архонты не знают.

Как Пруникус, София нагло вошла туда, где ничья нога не ступала прежде (в Плерому), но застревает в далёком мире. Сиф/Иисус приходит чужаком, «излучается» в нижние миры, дабы исправить ошибки Пруникус, к ужасу нижних властей, которые любят своих пойманых человеческих существ «как обжора любит свой обед».

Идея «неукротимости» приводит нас к более простому эпитету Софии: «Дикая». Это она вернулась в 1950-х на мотоцикле, скрывшись в образе Марлона Брандо? Ибо некоторые образы порождают вражду. По наблюдениям Анн Паскье¹⁴², имя Prouneikos этимологически связано с греческим *neikos*, означающим «соперничество» или «разлад». Епифаний цепляется за это, говоря, что сетиане — источник проблем, прикрытые приятными личиками с похотливым видом: сутенёры за шляхами. Епифаний прослеживает, как в греческих мифах красота порождает беспокойства. Далеко не надо ходить, посмотрите на Елену Троянскую: одно из воплощений Елены, по словам Симона Мага! «Похотливая» Епифания сфокусировала на себе всё его отвращение к соблазнительной натуре «гнозиса, ложно так называемого». В примере Пруникос, говорит он, вы можете лицезреть всё грязное его лицо? Это не прекрасное сияние мудрости, а крашенная Иезавель, ненасытная похотью, чьим единственным талантом было провоцировать войну и раздор, как и пленная Елена, поскольку все силы мира были вокруг неё доведены на кипения, готовые пойти на любой шаг, лишь бы завладеть её (даже на Троянскую войну).

Сколь же иначе смотрели на эту красоту гностики! Для них она была знаком превосходства духа над телом и вызывала вражду лишь среди тех архонтов, что посвятили себя удержанию человечества в своём колесе. Рассматривать Пруникус в ключе Епифания — пустая насмешка. Она нагла, но не дешева: её трагедия произрастает из добрых побуждений устремления духа и небольшой толики ревности, которая, кажется, коренится в её завершившейся выкидышем неудаче с творением.

Она — *Дикая*; та, которая ушла вперёд. Если хотите также, гностический путь говорит, вы знаете, за кем следовать.

¹⁴² Pasquier, in «Prouneikos: A Colorful Expression» in King, *Images of the Feminine in Gnosticism*, 63.

ДИКАЯ

Когда в 2006 было опубликовано сетрианское Евангелие от Иуды, я написал исследование о его содержании, прошлом и его путешествии к весьма запоздалой публикации. В этой книге я сообщил о своём открытии, что имя сетрианской Барбело (или Барбелос) вполне могло быть получено от греческого существительного женского рода *hē barbilos*, означающем «дикое персиковое дерево».

Исследование в защиту моей первоначальной атрибуции продолжается, я не должен был сообщать об этой гипотезе, если бы не неадекватность более ранних попыток проникнуть в значение имени Матери (или Высшей) Софии сетриан и офитов. Ранние интерпретации включали толкование Прп. Вигана Харви¹⁴³, в котором он предполагает происхождение Барбело от двух сирийских слов, означающих «Бог в Тетраде». Такое толкование выглядит очень натянутым; для начала: что за Тетрада? Барбело не четырёхчастна, хотя всегда можно найти зонам пару (предсущее свойство Плеромы) или группы светов, окружающих их, если один из них пожелает, но «Бог в Тетраде» ничего содержательного не выражает, что касается столь важной, неоднозначной и почитаемой фигуры: Матери Небес. Идея просто не резонирует никак.

Неясный учёный по имени Материя получил Барбело из двух еврейских слов, означающих «Дочь Господа»¹⁴⁴. Что ж, Барбело не является дочерью на деле; она Мать и получает семя прогнозиса Отца по требованию.

Вроде бы должно быть вполне понятно, что визуальная идея гностической Плеромы и её незаконного, дикого выхода за свои пределы рассматривалась в виде дерева или ряда деревьев, с плодами и семенами, которые падают и рассыпаются, и я посчитал, что мне надо представить мою идею о том, что Барбело носит имя «дикого персикового дерева» некоторым видным коптологам, зная, что получу от них реакцию, вполне соответствующую шоку от всего нового, учитывая, что я преподношу то, чего не говорил никто последние восемнадцать столетий, как я понимаю, а консерватизм

¹⁴³ Harvey, 2 vols., in edition of Irenaeus», *Adversus Haereses*, CUP, 1857.

¹⁴⁴ Ссылка на неясного учёного, названного «Материя» в «*Ante Nicene Fathers*», том 1, 353.

присущ академической среде в высшей степени. Я указывал ранее, что моё первое вдохновение пришло из валентинианской идеи о том, что Христос эманировал как Плод из Плеромы, и что София была известна в офитских и наасенских кругах, с их образами и деревьев, и плодов знания добра и зла — в гностическом пересказе мифа о соблазнении в Эдеме.

Эллинист, коптолог и исследователь эзотеризма Дилан М. Бёрнс (Dylan M. Burns), доктор наук из Университета Лейпцига, ответил почти мгновенно. Он всё ещё неоднозначно относился к соображениям Харви о том, что Барбело происходит от арамейского *b»rb»el*», переводимого на греческий как βαρβα «Нλω = εν тетради θεος («в четырёх есть Бог»), как производное от гностической Троицы Отца-Матери-Сына в барбелоитских космогониях. Эта точка зрения поддерживается в комментарии Поля-Губерта Пуарье к тексту из Наг-Хаммади, Троевидная Протенойя¹⁴⁵. В Троевидной Протенойе (Первичная Мысль в Трёх Формах) Барбело как Первая Мысль Отца идентифицируется, как стало повсеместно принято в Александрии по отношению к Софии, с Логосом.

Должен сказать, что прыжок от трёх к четырём мне кажется наименее убедительным, наряду с арамейской версией (в меньшей мере). Протенойя (Первая Мысль) это Барбело, и она полностью трёх-, а не четырёхчастна, что касается собственно текста. В имени Барбело, конечно, может присутствовать и игра слов. Несемитскому уму далеко не надо ходить, чтобы увидеть в этом слове *bar* (отпрыск) и *el* («бог» или «господь»). Вот только одна упрямая *b* никак не встаёт на место, околдовывая и так запутанную транслитерацию арамейского греческими буквами. Рискну предположить, что если бы Ириней сказал прямо, что Барбелос происходит из сельскохозяйственного термина «дикое персиковое дерево», вряд ли кто-то бы сейчас возражал. Не очевидно ли это?

И это ведёт нас к второй проблеме, которую Профессор Бёрнс видит в моей гипотезе: Ириней сам не упоминает или, быть может, не знал какой-либо простой формы происхождения от *barbilos*, описывая

¹⁴⁵ Nag Hammadi Library, Trimorphic Protennoia, XIII.1; Paul-Hubert Poirier, commentary in Nag Hammadi Library Textes» 32, Laval University Press, Quebec, 2006, 225–26.

собственный эпитет гностиков «девственный дух, который никогда не дорастает до старости»¹⁴⁶.

Этот девственный дух должен был идентифицироваться с Духом Божиим, который «носился над водой» глубины (Bythos) в Бытии 1:2. Её лик, двигавшийся пред непостижимой глубиной, вызывает Слово Бога: «Да будет свет». Это, посчитали сетиане, искра, которая оплодотворяет Мать семенем прогнозиса, окропляет жидким светом.

Корень Барбело как Матери сокрыт в водах Глубин; такова её сила и существо. Эта меркуриальная жидкость истекает оттуда повсюду и существует во всём (ср. Прем. 12:1 «Нетленный Твой дух пребывает во всем»). В «Троевидной Протенойе» говорится иначе: «Я — неисчислима вне каждого». Неисчислима, а не «Бог в четырёх». «И он — тот, кто сокрыт в нас, отдающий дар своего плода Воде Жизни».

Согласно профессору Бёрнсу, ни Ириней, ни Епифаний не проводят никакой связи между Барбело и *barbilos*, и опираться следует только на это. Я же скажу лишь, что Ириней, похоже, не знает и значения *Prouneikos* (или *Prunikus*), да и не пытается угадать его. Он хочет, чтобы его читатель считал эти имена просто бессмысленным бормотанием, явленным воображению его одержимых породителей: заведомой глупостью. Последнее, к чему стремятся ересиологи, это к тому, чтобы читатель посчитал, что гностическое переосмысление Мудрости было предтечей или современницей апостолов: это придало бы ему авторитета. Епифаний также не хочет, чтобы читатель соблазнился гностической логикой и последовал ей. Мы уже видели, что его объяснение *Prouneikos* все отдают одним и тем же духом: рисовать гностиков только ничтожеством, грязью, очевидно порочным и зверски надменным сбродом.

Тем не менее есть весьма любопытные излияния и у самих ересиологов. Они хорошо знают, что имеют дело с изображением деревьев и плодов. Тертуллиан шутит над гностиком Птолемеем, что тот не понимает, что «ореховые деревья» растут не в небе, но на земле. Отвратительная издёвка¹⁴⁷. А ещё я благодарен коптологу Гюго Лундо (Hugo Lundhaug) за то, что привлёк моё внимание к блистательной шутке Ириней насчёт валентиниан, в которой он продолжает пародию

¹⁴⁶ Ириней, *Adversus Haereses*, I, 29.

¹⁴⁷ Tertullian, *Adversus Valentianos*, XX.

на валентинианскую последовательность эманаций в терминах метаморфоза, и вот истинный апофеоз мыслей о плодах:

«... очень ясно, он признался, что сказанное есть его собственный вымысел, и что он сам дал своему вымыслу имена, никем другим прежде не даванные. И ясно, что сам он осмелился сочинить такие имена, так что если бы он не явился на свет, то не было бы до сегодня имени для Истины. Но в таком случае ничто не препятствует и другому кому—либо для того же самого предмета назначить, например, такие имена: ест некоторое Первоначало царственное, недомыслимое, сила, существующая прежде всякого существа, простирающаяся во всяком направлении. С нею соприсутствует сила, которую я называю Тыквою: с сею Тыквою соприсутствует сила, которую я называю Препустотою. Сия Тыква и Препустота, будучи одно, произвели — впрочем, не производя собственно, чего—либо отдельного от себя — плод отовсюду видимый, съедомый и сладкий, каковой плод слово называет Огурцом. С сим Огурцом существует сила той же с ним сущности, которую я называю Дынею. Эти силы — Тыква, Препустота, Огурец и Дыня произвели остальное множество сумасбродных дынь Валентина»¹⁴⁸.

Ириней говорит, что группа валентинианских эонов имеет отношение не больше чем к фруктовой горке на рынке (каковая идея появилась, вероятно, из слова *prouneikos*). За себя говорит тот факт, что Ириней, Ипполит и Тертуллиан шутят, беря за основу разные плодовые образы, знакомые гностикам. Они видели и слышали больше подобного, чем могло сохраниться. Мы можем лишь догадываться, к чему относились тертуллиановские «ореховые деревья» Птолемея. Как и «дыни» Иринея. Стоит отметить, что орехи, дыни и огурцы были распространённым продуктом питания, тогда как персики были деликатесом, доступным знати, божественным фигурам и далёким персам. Думаю, ересиологи стремились выкрасть плодовые образы из их элегантного эзотеризма в интересах опошления и пропаганды.

¹⁴⁸ Ириней, *Adversus Haereses*, I, 11, 4.

Значение «персик» могло оказаться подавленным, хотя мы уже видели, как сексуальные персики (нектарины) связаны с неоднозначным дискурсом образа *proipeikos*.

Профессор Бёрнс сделал верное наблюдение о том, что в текстах Наг-Хаммади, сфокусированных на событиях в Эдеме («Ипостась Архонтов» и «О происхождении мира») Барбело не связана с плодом древа познания добра и зла. *Barbilos* значит «дикое персиковое дерево», а не «дикий персик». Но, всё же, она во всём. И ни в одной из указанных работ нет упоминаний Барбело таким именем вообще: фигура матери зовётся Пистис-София.

В сетианском «Апокрифе Иоанна», участие Барбело в повести об Эдеме привязано к её участию в откровении небесного Адама архонтам, и к её нисхождению и инкарнации в конце текста (гимн Пронойи), но я предлагаю рассмотреть версию, что Барбело не обязательно древо познания добра и зла, но нисхождение Барбело и выход за рамки Плеромы суть аллегории прорастания семени дикого персикового дерева, которое укореняется в душе.

Также я подозреваю, что образ мог быть косвенно вдохновлён словами Павла о неевреях, которые словно «дикая смоковница», привитая на чистый черен Бога (Рим. 11) и мифом о прорыве семени из Плеромы посредством движения Софии-Пруникус, Дикой, как я её теперь зову. Как мы видели, Ипполит вполне мог пародировать идею о диком персиковом дереве в своём утверждении о том, что ереси — это дикое дерево, растущее из культурной смоковницы христиан неевреев (две смоковницы фигурируют в притчах, рассказываемых Иисусом в ортодоксальных евангелиях: одна неплодоносная, которую должно срубить, и другая, зелень на которой говорит о приходе царства Божия. См. Марк 13:28 и Лук. 13:6)

Также о них говорится в завершающем повествовании в «Апокрифе Иоанна», где Барбело спускается во второй раз, чтобы принести себя (как плод) тем, «кто принадлежит свету», говоря: «И снова бежала я к моему корню света, чтобы они не были уничтожены до времени». Этот корень света есть древо гнозиса. Повествование кульминирует на сцене третьего нисхождения девственного духа (бесспорно, трети день воскресения Христа), где Барбело как «воспоминание о Пронойе» и «воспоминание о Плероме» входит в мёртвое тело Иисуса и воскрешает его. Пробуждая человека от «глубокого

сна» она ведёт его в «достойное место», говоря: «Восстань и вспомни, ибо ты тот, который услышал, и следуй своему корню, который есть я, милосердие, и укрепи себя перед ангелами бедности и демонами хаоса и всеми, кто опутал тебя, и стань, оберегаясь от сна тяжелого и заграждения внутри преисподней». Это ответ гностиков на канонический вопрос Иисуса: «кто Мать Моя?» (ср. Мтф., 12:48). Его мать — Барбело. Послание Барбело о спасении, безусловно, адресовано всем гностикам, которые очнулись от ужаса мира к свету в них, который, выводимый воспоминанием о корнях Барбело, возносит их в высоту и к свободе.

Профессор теологического факультета Университета Осло, Гюго Лундо, согласен с возражениями Дилана Бёрнса по поводу моего прочтения Барбело, однако говорил в поддержку моей этимологии, что имя *Барбело* в коптском языке произносилось бы как «*Barbilo*» из-за явления итацизма¹⁴⁹ в период написания материалов Библиотеки Наг-Хаммади. Это значит, что в повседневной речи слово *Barbilos* звучало одинаково с *Barbelos*, и могло писаться также, в зависимости от степени знакомства с термином. Это могло легко позволить использовать это слово как имя собственное, содержащее «e!» (ивр. Бог), если такая игра слов вообще когда-либо имела место.

К этому моменту должно уже было стать идеально ясно, что идея Барбело всегда передаётся символом дерева, черпающего сок из источника жизни. Притчи 3:18 изображают Мудрость деревом, чьи ветви обладают спасительной силой, ибо дерево питается от Господа. Александрийская литература о Мудрости изобилует, как мы видели, специфически древесными образами Мудрости. Греческий текст строфы 3:18 Притч Септуагинты и Бытия, что касается древа жизни особенно последователен. Поэтому признавать этот символизм в её имени становится достаточно просто.

Дополнительная святоотеческая литературная поддержка даётся ересиологом Ипполито: он приводит отрывок тайной «Книги Баруха» (Барух означает «Благословенный»; он ангел спасения) гностика Иустина. Ипполитом назван текст «омерзительным», и вот что там говорится:

¹⁴⁹ Фонетические изменения в словах в греческом языке, приведшие к тому, что многие греческие гласные и дифтонги стали произноситься как «и».

«Ангелы райские аллегорически называются древами,
И древо жизни — это третий отчий ангел,
И имя ему — Барух,
Тогда как древо познания добра и зла
Это третий материнский ангел, зовущийся Наас.
Моисей говорит об этом скрытно,
Поскольку не каждый может выдержать правду».
(Ипполит, *Refutatio*, V, 19).

Тут мы сразу отмечаем гностическую интерпретацию древа жизни как спасительной фигуры: выражение Божественной Природы. И, отметьте, что миф о Барухе нацелен против Нааса (змея).

Гностическая «Книга Баруха» сама по себе интересна в нашем контексте, поскольку содержит весьма любопытный конфликт меж трёх божеств: Всемогущего Доброго начала (идентифицируемого, что поразительно, с Приапом, чей фаллический образ украшает каждый храм, поскольку он родоначальник всего), Элохим и Эдема (или Израиля). Эдем — женский, Элохим — мужской, Демиург. Их единство является причиной рая Эдема и сотворения человечества, которому Эдем дал душу, а Элохим — дух. В терминах возможного резонанса с Барбело, явно незнакомой Иустину, имена материнских ангелов, производных от «Эдем» суть «Бабэль, Ахамот, Наас, Бэл, Белиас, Сатан, Саэль, Адонэус, Левиафан, Фараон, Каркменос (и) Лафен» (*Refutatio*, V, 21, курсив мой). В валентинианских космогониях, Ахамот — Нижняя София и первоначальная мать человечества, явно связанная со змеем. Иустин представляет этих ангельские древа в негативном ключе, поскольку они отпрыски Эдем.

В отличие от неё, Элохим имел видение Добра в небесах и соответственно тому усмирись, решает отгородиться от развратной, животной, земной, вселюбящей Эдем. Пока Элохим учится у мужчины выше себя, Эдем мстит, преследуя человечество через своих ангелов (это может быть и подрывным шифром о притеснении со стороны Римской Империи, которую рассматривали не как инструмент Бога, как считал Павел, но злых ангелов). В ответ на страдания человечества, Элохим отправляет ангельских помощников человечеству: Иисуса, Моисея, Геркулеса (да!) и Баруха, чтобы вести человечество обратно к Добру; Барух фактически спасёт дух Иисуса из тела на кресте. Противопоставление идёт между высшей любовью

к мудрости и добродетели и низшей, животной любовью, преследуемой любовью к телу: обычная Афродита (следует понимать римскую оргию). Отчий ангел (от Элохим) есть древо жизни; материнский (от Эдем) это Наас, который ведёт человечество в заблуждение. Рассказ Баруха читается произведение гомосексуально мужское, эстетическое и антиплотское.

Теперь у нас есть обширные свидетельства спекуляций о древе в гностических кругах применительно к спасающим фигурам. Весьма вероятно, что гностическая «Книга Баруха» была отчасти вдохновлена книгой *Baruch* из Второзакония Септуагинты. Книга содержит вдохновляющие слова от «благословенного», который легко входят в гностический дискурс, поскольку говорят об удалении «покрова печали и скорби» (для гностиков — тела) и принятии покоя под «каждым благоуханным деревом»:

«Позднейшие видели свет и жили на земле, но пути мудрости не познали; не уразумели стезей ее, и не достигли ее сыновья их: они были далеко от пути ее.

Иерусалим! сними с себя одежду плача и озлобления твоего и оденься в благолепие славы от Бога навеки. Облекись в одежду правды от Бога, возложи на голову твою венец славы Вечного, ибо Бог покажет всей поднебесной славу твою. Навек наречется от Бога имя тебе: „мир правды и слава благочестия . Встань, Иерусалим, и стань на высоте, и обратись на восток, и посмотри на детей твоих, собранных от запада солнца до востока словом Святаго, радующихся о Божием воспоминании о них. Они вышли от тебя пешие, будучи ведомы врагами, а приведет к тебе их Бог возносимых со славою, как царских сыновей; ибо Бог определил, чтобы всякая высокая гора и вечные холмы понизились, а долины наполнились, для уравнения земли, чтобы Израиль шел твердо, со славою Божиею, а леса и всякое благовонное дерево осеняли Израиля по повелению Божиему. Бог будет с радостью предводить Израиля светом славы Своей, с милостью и правдою Своею». (Вар. 3:21–21, 5:1–9).

Хотя, думаю, мы и можем на этом этапе уже заключить, что Барбело или Барбелос олицетворяет спасительное древо, мы ещё

не доказали, что её имя является производным от слова, которым в некоторых греческих кругах называли дикое персиковое дерево. Теперь мы можем попробовать сделать и это.

Она — древо жизни для тех, которые приобретают ее, — и блаженны, которые сохраняют ее! (Притч. 3:18)

«Греко-Английский Лексикон» Лидделла и Скотта возводит его перевод к слову *hē barbilos* в значении «дикого персикового дерева» встречающемуся в «Геопонике»¹⁵⁰. Воссоздаваемая ок. 920 г. н.э. по древним источникам, двадцать её книг были изданы в Лейпциге в 1781 году четырьмя томами издателем Й. Н. Никласом¹⁵¹. В Книге 10, глава 13, мы встречаем греческие слова *dōrakina* и *persika* в значении «персик». Второе слово, как по традиции считается, было принесено в Египет и Грецию из Персии. С фруктом пришло и много мифологии, окружающей этот королевский деликатес.

Фрагмент из Главы 13, посвящённый выращиванию персиков из косточки приписывается Флорентину, римскому автору работа по сельскому хозяйству начала третьего столетия из Вифинии, почти что современнику Климента Александрийского.

«Деревья вырастут также, если мы посадим кусточку, сразу после съедания фрукта, оставив часть фрукта на ней: как только мы понимаем, что *duracinum* скоро состарится, нам следует привить его на тернослив или на горький миндаль, или на *barbilus*. Дерево затем растёт из косточки персика, путём возвышенным, называемым *barbilus*»¹⁵².

Интересно отметить идею возвышенности, что касается этого растения. В источнике сказано также, то согласно Грутеру, имя *dōrakina* объясняется тем, что персики пришли с острова Дора, что в Персии. Вероятно, это могло быть неправильным прочтением арабского слова *Durak*, обозначающего место, где встречаются Тигр и Евфрат. Это напоминает одну историю о том, что гностическая секта ператов была основана Евфратом или, по Клименту Александрийскому, явилась «из-за Евфрата», то есть из Персии.

¹⁵⁰ Liddell and Scott, *Geoponika*, книга 10:13, в *A Greek-English Lexicon*.

¹⁵¹ *Geoponicorum*, [= «Сельскохозяйственное дело»] sive *De re rustica libri XX*.

¹⁵² *Cassianus Bassus and Owen*, «Concerning the Planting of the *Duracina*, and the Care of Them.» *Agricultural Pursuits*, Translated from the Greek by Rev T. Owen, MA, vol. 2.

Дидим, греческий автор работа о сельском хозяйстве, о котором ничего другого не известно, привнёс предложение о прививании персиков в книге 10:17: «Дуракиnum прививается на миндаль, тернослив или платан, от коего действия плоты становятся красными». Думается мне, этот фрагмент может напомнить нам об образе багряной жены или Вавилонской блудницы, которая «упоена была кровью [соком?] святых». Интуиция подсказывает, что мы на верном пути! Золотая чаша обсуждаемой дамы, безусловно, «наполнена мерзостями и нечистотою блудодействия ее»: эти нападки звучат подозрительно знакомо (Откр. 17:1-6).

Глава 14 «Геопоники» привлекла внимание Демокрита за то, что заставляет «персик нести письмо» (передать тайну: интересное свойство в нашем контексте). Труды Демокрита, тѣзки греческого философа начала четвѣртого века до н.э., о естественной истории приписываются в основном Болосу (или Болусу), греко-египтянину из Мендеса. Труд Болоса «Физика и мистика», написанный в начале третьего столетия до н.э., демонстрирует, что в Египте в те времена практиковалась рудиментарная алхимия. Болос цитирует персидского алхимика Остана, который, похоже, погиб в попытках произвести эликсир для отделения души от тела: знакомая гностическая тенденция. Также Остан является источником важной цитаты египетского герметиста и алхимика Зосимы Панополитанского третьего века нашей эры. Он цитирует в своей работе «Об Искусстве и его интерпретации» следующую фразу: «Иди к водам Нила и там найдѣшь кость, обладающую большим духом [pneuma]. Возьми её, раздели, растолки в руке и вытащи её сердцевину, поскольку её душа [psyche] в его сердцевине». У меня были причины повторять эту фразу и ранее¹⁵³, но она обрела новый смысл, будучи помещѣнной в новый контекст, связанный с персиком и интересом гностиков к разоблачению пневмы (духа) от покровов. И этот смысл обширнее, чем думается. Философский камень, дорогие друзья, можете теперь покупать на ближайшем рынке: присутствует везде, но нигде не бросается в глаза.

Что ещё мы можем узнать о возвышенном статусе *barbilus*? Отправимся-ка мы в небольшой тур по этимологической истории. Тоннель весьма тѣмный, но свет есть не только в конце. Для начала

¹⁵³ «Golden Builders», Т. Чѣртон.

проконсультируемся с ветхой книгой: Крод Ланселот и Исаак Люилё Мэстр дё Сэ, «Примитивы греческого языка, содержащие полный набор всех корней или примитивных слов, вместе с наиболее значительными производными греческого языка»¹⁵⁴. На странице 230 встречаем текст «*βαρβίλος*, *hē barbilus*, дикое персиковое дерево». Встречается также вариант *brabilos*, рассадный персик, тогда как *barbilon* встречается в труде 12-го века «Комментарии на Одиссею» авторства Евстафия Салунского (10.242), но перевод неясен, поскольку Евстафий, кажется, путает её с кизилом обыкновенным, деревом с красными плодами в форме маслин, которые были кормлены команде Одиссея, когда они превратились в свиней Цирцеи.

Другая старая книга: «Анализ египетской мифологии» Джеймса Каулза Причарда (James Cowles Prichard), изданная в 1819 году¹⁵⁵. На стр. 88 этой работы встречается слово «персик» в самом наводящем контексте. Плутарх (45–120 г.н.э.) был греческим историком, создавшим важную книгу, давшую носителям греческого языка путь к древнеегипетской мифологии, «Об Осирисе и Исиде». В главе 68 рассказывается о греко-египетской фигуре Гарпократа (дитя Гор, сын Исиды и Осириса): «этим Богом-ребёнком египтяне описывали первые ростки или оживание растений-суккулентов [...] Завязь или открытое цветение персикового дерева были также в особой мере освящёнными Гарпократом».

Далее мы исследуем текст «Об Осирисе и Исиде в Этике Плутарха, переведённая с греческого несколькими руками»¹⁵⁶. Там Гарпократ описывается «защитником и выразителем раннего, несовершенного и несформировавшегося учения людей о богах. Поэтому он держит палец прижатым к губам в знак молчания и тишины. А в месяц Месоре ему приносят бобы и говорят: «Язык — счастье, язык — божество». Рассказывают, что из всех египетских растений богине чаще всего жертвуют персею, потому что плод ее похож на сердце, а лист — на язык». В сносках к этому тексту сообщается, что пульс представляется «Эмблемой Поколения» (предположительно, подразумевается фаллос), а язык символизирует «судьбу» или «Исиду или Луну и Бога, Гермеса, или Солнца, то есть: язык есть основа для Тела и Души».

¹⁵⁴ Lancelot and Louis le Maistre de Say, *The Primitives of the Greek Tongue*.

¹⁵⁵ Prichard, *An Analysis of the Egyptian Mythology*.

¹⁵⁶ Plutarch, *De Iside et Osiride*, volume IV; *De Iside et Osiride*.

Что же касается фрукта, напоминающего Сердце (греческое слово для «персика» у Плутарха — «персея»), в сноске сказано: «Сердце и Язык суть уместные символы *Alētheia* или Истины», а Исида идентифицировалась с последней.

При дальнейшем чтении этого древнего трактата, на стр. 116, находим значительные идеи в контексте Барбело, Матери Небес. Исиду, как нам сообщается «они иногда называют Мут [Мать] и иногда Афири [земной дом Гора, как называет его Платон, «место и приёмник поколения», т.е. утроба] и иногда Мефуэр [составное слово из двух компонент, одна — «Полный», другая — «Причина】».

В переводе Гомера¹⁵⁷ Александра Поупа (*Alexander Pope*), находим в разделе о божестве Тишины: «аллегорическое божество, поставленное Ариосто на входе в грот сна». Фигура — молодой человек, облачённый в чёрное, с пальцем правой руки у рта, призывающий к молчанию. Его атрибутом является ветвь персикового дерева, священного для Гарпократа. Следующий раздел о Гарпократе, греко-египетском божестве молчания. Его статую располагали у входов в храмы; многие из них сохранились до наших дней. Священными для него считались первые овощи, чечевица и, кроме всего прочего, персиковое дерево. Его матерью была Исида, конечно, и мы можем отметить, что в валентинианской Плероме, первичная Мать, первая Мысль непознаваемого Бифоса называется *Sigé*, «тишина». Как сообщается в тексте «Евгност Блаженный» из Библиотеки Наг-Хаммади, «... Софии, его жены, которая была названа „Молчание“, потому что, размышляя без речи, она стала совершенным величием».

Образность и религиозная философия времени расцвета гностицизма даёт обширную почву для связи символизма Барбело с персиковым деревом.

Однако, значимость персикового дерева для Мудрости, Небесной Богини, и для посвящения, никоим образом не связана с греко-египетской религией, доминировавшей в те времена в Александрии.

Объём работы не позволяет чего-либо даже отдалённо напоминающего полной исследование значения персика и персикового дерева, дикого и культурного, в ближневосточных и дальневосточных фольклоре, религии и философии, но несколько идей смогут помочь тем, кто желает углубиться в предмет.

¹⁵⁷ Classical Manual, 226–27.

Считается, что персик пришёл в Персию со своей родины в Китае. Китайский сборник Ши Цзин (Книга Од или Книга Песен, ок. 1100-600 до н.э.) изобилует сказаниями о персике. Наиболее поразителен тот факт, что в этом труде китайское слово со значением «объединения» (ср. «йога») произносится как «дао», а это слово весьма нам знакомо, обозначая духовно оживляющий Путь в жизни, обладающий собственными сексуальными практиками для удержания и умножения энергии, и также оно значит «персик» древней разновидности *amygdalus*. Дао также значит сердце или мудрость вещей, тогда как человек, ценивший персики превыше всего, как божественный эликсир, звался Сиань, что могло означать просветлённого, алхимика, мага, мудреца, затворника или бессмертного, небесного жителя.

В фольклоре сохранился образ мирового персикового дерева, формы Богини Матери. Его плоды наполнены «жизненной субстанцией» (шень), а персик символизирует Богиню. Эти соответствия не должны удивлять никого, кто размышлял о персиковой косточке, покрытой сочной мякотью. Косточка весьма напоминает вагину; и от этого никуда не деться! Не каждый понял, что внутри косточки сокрыто великолепно ровное, сферическое семя, обладающее целебными свойствами. Семя, кора и листья содержат небольшое количество цианида, как предполагалось, полезного при лечении раковой опухоли. Они также могут помочь нормализовать месячный цикл, поскольку витамины, содержащиеся в нём, позволяют бороться с некоторыми эффектами старения. Также они обладают и иными полезными свойствами.

В Китае люди знают об эликсире, созданном в саду на небесах Королевой Матерью Ван Му, своего рода алхимиком; её персики бессмертия составляют пищу богов на роскошных банкетах. Когда еды было мало, рассказывалась история о том, как королева посеяла особую смесь, жидкость бессмертия, который мог вознести счастливого потребителя к небесам. Остаётся гадать, не обладал ли маг Марк собственным запасом! Древнее китайское искусство, растянувшееся уже на двенадцать сотен лет к тому времени, демонстрирует, что персик символизирует долгожительство, чистоту, женскую сексуальность и истину: Инь.

Из Китая в Персию с караванами приехали мифология, персики и ценные проекции персиков на предметы. Из Персии они около 400 года до н.э. перекочевали в Грецию. Греки, не будучи в курсе

китайского происхождения, назвали персики *persikon malon*, «персидское яблоко»: соблазнительный фрукт. Естественно, римляне ассоциировали этот фрукт с Венерой. Персик выращивался в Египте, не особо прижившись в других местах. Тем не менее персиковые косточки были обнаружены на территории Масады в Израиле, так что мы знаем, что они росли на месте зарождения христианства.

Римский натурфилософ Плиний, погибший при извержении Везувия, уничтожившего Помпеи и Геркуланум в 79 г. н.э., писал о персиках в своей «Естественной истории»:

«Что же касается персиков вообще, само название на латыни, звучащее как *Persica*, ясно показывает, что привезён он был впервые из Персии; и что это не обычный фрукт для Греции или Анатолии, а просто чужестранец там. Напротив, дикие сливы (как хорошо известно) росли везде. Более всего меня удивляет, что Сато не упомянул ни словом о них, учитывая, что он намеренно показывал способы консервации и хранения разных диких фруктов, пока не созреют новые: слишком уж много мы усилий потратили на то, чтобы заставить их плодоносить на нашей земле. При том, что на острове Родос [где они¹⁵⁸ жили, недалеко от Египта], они не дают завязей, и совершенно не плодоносны. И это несмотря на то, что говорят, будто бы персики в Персии ядовиты и сотворяют невероятный урон тем, кто ест от них; как и то, что короли Персии в старые времена требовали, чтобы их привозили в Египет дорогой мести ради отравления этой страны; и несмотря на ядовитую природу, через доброту той почвы, они стали хороши и полезны: всё это не что иное, как просто сказка и звучащая ложь. Павда на самом деле в том, что лучшие писатели, потрудившиеся более иных разыскать правду, много рассказали о дереве *persea*, которое отличается от дерева *persica* и несёт плоды наподобие *Cordia sebestena*, цветом красные, и по воле своей не станет расти в любой стране вне Восточных частей. При этом, более мудрые и образованные учёные считают, что дерево *persea* не было привезено из Персии в Египет, дабы вредить и досаждать

¹⁵⁸ Прим. перев.: вероятно автор имел ввиду Плиния и его друзей.

стране, но оно выращивалось изначально королём Персеем в Мемфисе. Далее нам известно, что Александр Великий указал, чтобы все победители, выигравшие какой-либо приз, короновались венком из этого дерева, дабы почтить память его великого предка. Но, как бы то ни было, ясно, что это дерево стоит зелёным весь год и снова и снова плодоносит, и растут молодые плоды со старыми вместе».

Важно отметить, что в египетский фольклор донёс до нас историю, что когда Сет положил тело своего брата Озириса в гроб, Исида нашла его в ветвях дерева *persea* (*Mimusops Schimperi*), которую за запах высоко ценил монарх Библа (в Финикии). Это дерево в Египте считалось деревом жизни, связанным с Ра, а плоды его были словно представители Солнца. На его листьях были написаны имена тех, кто вознёсся. Будучи в опасности от божества-змея нижнего царства Апепа, это дерево охранялось богиней-львицей Баст, «девой пожирающей». Еврейские Притчи без всякого сомнения несут на себе след разных традиций египетской мудрости, одной из которых то, что древо мудрости женского рода.

Нам должно всегда помнить, что гностические учения создавались с целью скрыть тайны. Ересологи не знали всего. Помимо всего прочего, отвращение к некоторому предмету не лучший путь искать его понимания.

Мы искали Пруникос и нашли дикую. И нам не следует удивляться, узнав, что она пришла дикого, но возвышенного источника: кости сердца, не костяного сердца — Барбело: «Я молчание, которое нельзя постичь, и мысль, которой вспомнятостей множество. Я глас, который многогласен, и слово, которое многовидно. Я изречение моего имени». Она — та, «чей образ возвеличен в Египте».

Часть II

ГНОСТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ И ДУХОВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ВСЕ ЧТО ТЕБЕ НУЖНО — СОФИЯ

Я периодически задаюсь вопросом, написал бы я эту книгу, не пройди моя юность в 1960-х? Мне не было и года, когда Юрий Гагарин стал первым человеком, покинувшим земную атмосферу, во плоти исполнив то, что сотворяли в духе гностики за тысячу восемьсот лет до этого. На следующий день после этого события группа из Ливерпуля, под названием The Beatles сыграла свой первый открытый концерт в Клубе «Стар» в Гамбурге, в Германии (апрель 1961). Воистину, звёзды были повсюду вокруг. К тому времени как мне исполнилось десять, Нил Армстронг прогулялся по Луне в ходе миссии Соединённых Штатов, носившей имя греческого бога Солнца, а великие Битлз разошлись навсегда. В течение всего этого времени моя голова служила радиотеле-скопом, собирающим дух времени с его лучезарной улыбкой, сохраняя его в достатке, чтобы провести следующие сорок лет, продвигаясь в эре исключительного духовного прогресса своим собственным сладким путём.

Оглядываясь назад нельзя не удивляться тому, сколько шока принесли Битлз своими длинными волосами. Они, кажется, по-настоящему отправили старого охранника на покой. Было ли это предполагаемой андрогинией? Все эти кричащие девушки! Отвязность... игнорируя интеллект, импульс исходил прямо из бессознательного. Дионисийствующие изгнанники снова в городе, распевая песни и философуя, занимаясь любовью словно ошалелые корибанты, словно войн никогда не было и никогда не будет впредь. Была музыка души¹⁵⁹ и духа, и много разоблачения от покровов. О! И снотворные зелья, которые заставили бы даже голову гностика Марка пойти кругом! О гностиках говорили много среди хиппи из Лондонской Школы Свободы, а Сид Барретт испытывал сильнейшие порывы гностического поэтического

¹⁵⁹ Прим. перев.: игра слов: англ. soul, также музыкальный стиль «соул».

революционного духа, пробирающего до самого мозга костей. Одна из последних песен Джимми Хендрикса была про ангела, сошедшего с небес как раз вовремя (хотя, скорее всего, слишком поздно), чтобы его спасти, прежде чем он необратимо уйдёт за горизонт, встретив первые лучи утреннего восходящего солнца, как розенкрейцеры в 1615 году¹⁶⁰; а в это время Роллинг Стоунз весьма в отчаянии и, вероятно, с излишним пророческим пафосом, пели о дьяволе, ставящем ловушки на трубадуров, умирающих прежде достижения результатов. Безусловно, высокий рейтинг смертности среди утраченных нами звёзд легко мог бы заставить гностика думать, что архонты не давали новым детям любви избежать своих холодных объятий! Посреди сгущающейся паранойи, мистики-суфии Лондона вспомнили о любви и поминании богини мудрости. Тантра коснулась Эсалена на Западном Побережье, двери постижения раскрылись в Венеции, штат Калифорния, на время достаточное, чтобы Джим Морриссон, Рэй Мэнзарек, Робби Кригер и Джон Денсмор смогли оставить свой неизгладимый след в истории. И повсюду шла она, в миниюбках, на мотоциклах, в молочных батончиках и бракосочетаниях, дикая, блистающая своими многими красками, на фоне одноцветных призраков вчерашнего дня. И мальчики выглядели как девочки, а девочки как мальчики, и показалось было на секундочку или лишь на мгновение... Да, показалось. Но ведь не случилось, да ведь? Также, как и Второе Пришествие, о котором мечтали фанатики апокалипсиса, мысль о котором всё ещё витает среди людей, грозя спасти их от того самого, что они, по их мнению, ищут!

Но, как я и, многие другие поняли с тех пор, так происходило всегда. Она всегда была там: оскорбляемая и превозносимая, Госпожа Мудрость, София, Барбело, Пруникус — девственная блудница, чистый дух, бурлящая в плодоносном танце; как она проявляется, зависит от того, кто ты есть такой, и чего ты ищешь. Если ты слепец, ты еёпустишь. Если ты её видел, ты будешь по ней скучать¹⁶¹.

Нам не известно, что произошло на самом деле с теми группами барбелитов, офитов, наассенов, валентиниан, симониан и другими.

¹⁶⁰ Предположительно имеется в виду выход 1615 году труда «Confessio Fraternitatis Roseae Crucis, ad eruditos Europae» — «Исповедание Братства Розового Креста».

¹⁶¹ Прим. перев.: игра слов: глаголы «пустить» и «скучать по» в англ. языке передаются одним и тем же словом «miss».

Не стоит и говорить, что их преследовали и карали. У нас были причины упомянуть в начале нашей истории, что в третьем веке пришёл к расцвету энкратизм: боязнь тела и настоящая ненависть к сексу. Кажется, некоторые гностики не обладали иммунитетом к этой болезни, охватившей в конце концов мир, создавшей первые монастыри в пустынях сухой души. София не могла более возвращать себе своё семя.

Уильям Блейк считал, что Тёмные Века были связаны с угнетением секса и женщины: отрицанием Христа. Новая Западная церковь была церковью для варваров; тех, кто сотворил немало бед и которых нужно контролировать как осла морковкой на палочке. На Ближнем Востоке, захваченном в восьмом веке исламом, всё, что вышло из язычества, было уничтожено, а женщин принудили к рабству для их собственного блага. Таково было видение мусульман. Были мистики, на деле, гностики, которые считали, что торжествующая мудрость Бога может быть найдена и обретена в божественной любви, страстной любви, даже в страстной любви к женщине. Вероятно, их предки, прежде чем обратиться, были скрытыми гностиками. Но это не имело никакого значения; их оппоненты объявили, что человек в принципе не может приблизиться к Богу, чтобы любить его, поскольку Бог, как они утверждали, словно знали это наверняка, чрезвычайно далёк от человечества; по сотворению своему человек мог лишь предаться милосердной, сострадательной, непознаваемой и абсолютной воле Бога. Бог требовал, чтобы мужчина контролировал женщину, иначе женщина взойдёт и будет причинять вред мужчине, словно змий. Суфий Аль Халладж, за то, что оспорил эту доктрину, был казнён в 922 г. н.э., а в Алеппо, в Сирии, по обвинению в ереси между 1191 и 1208 годами был казнён персидский мистик Сухраварди. Суфии и по сию пору находятся в опасности в наименее толерантных регионах Ближнего Востока. Как хорошо сказал Стивен Рансимен (Steven Runciman) в своей книге, посвящённой Альбигойскому крестовому походу, стёршему с лица земли катарскую церковь во Франции середины тринадцатого века: «Терпимость это социальная, а не религиозная добродетель». Это утверждение весьма хорошо описывает отношение католической инквизиции к вопросу — как тогда, так и сейчас.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТРУБАДУРОВ

В 1988 году я написал роман «Мираваль — поиск», посвящённый рыцарю-трубадуру Раймону[ix], лорду Мирваля, дворца в двадцати

километрах на север от Каркассона в юго-западной Франции, расположенного над рекой Орбиэль в цветущем раю. Роман предполагал включение в себя основных идей исследования взаимоотношений трубадуров Лангедока 12-го и 13-го столетий с катарами или Церковью Добрых Христиан (*Sancta Gleisa*), исследование, великодушно поддержанного Йоостом Ритманом (*Joost Ritman*), основателем амстердамской «*Bibliotheca Philosophica Hermetica*». Думаю, Г-н Ритман был разочарован не менее моего тем, что в ходе исследования не было обнаружено достойных доказательств блестящей идеи. Эта идея когда-то лелеялась членами голландского «*Lectorium Rosencrucianum*», находившегося под влиянием довоенного (1934) бестселлера Отто Рана «Крестовый поход против Грааля». Ключевая идея, порождение ума Жозефа Пеладана (1858-1918), заключалась в том, что катары и трубадуры суть одно и то же движение, и что лирическая поэзия трубадуров основывалась на катарской доктрине, являющейся частью непрерывного гнозиса, проходящего сквозь всю историю человечества. Не связаны ли недосыгаемая Дама и Лорд трубадур с Софией и Неизвестным Богом валентиниан? А правда, не связаны ли они? Не предавали ли скрыто трубадуры свои мелодичные голоса Богу еретиков: любви (*agarē*)? Не была ли рыцарско-эротическая поэзия символом любви высшей?

В своём исследовании я пришёл к отрицательному выводу. Поскольку катары, с тем же рвением, что и гностические (точнее, ортодоксальные) энкратиты, считали лишь неплотскую *agarē* практически достижимым идеалом любви, отрицая эрос, будто он есть порождение Дьявола, катарские «совершенные», лидеры, не могли никак быть связаны с «утончённой любовью», (оксит. *Fin'amor*), которая при всей своей идеалистичности, куртуазности и рыцарстве, будучи весьма платонической, тем не менее исполнялась через эрос. Роман не удался, ибо рухнул источник вдохновения.

Думаю, причиной стала не только указанная выше разница, отделившая любовников друг от друга (препятствуя ожидаемому романтическому финалу), но и то, что в романе обычная романтическая потеря была приравнена к потере Бога. Под потерей Бога я подразумеваю определённую боль, сильную ностальгию по духовному дому, осаждающую некоторые души при материализации их мечтаний в мирской жизни, переживание удалённости от духовного существа. Оно помогает странникам в ночи жизни. Музыкальное произведение, поэма,

что-то неясное, видимое боковым зрением, может пробудить это чувство потерянного, и явно недостижимого дома. Послушайте Клода Дебюсси, Мориса Равеля, Эрика Сати, Рихарда Вагнера (конечно, «Смерть любви» из Тристана!), Джона Бэрри, Берта Бакарака, Джона Леннона. Он там... она там. Обнаруживая одиночество в себе, мы стремимся найти соблазнительный идеал в душе другого, как Отец гностиков смотрел в свою Первую Мысль словно в зеркало.

В романе леди Азалаис де Буассезон оскверняет Утончённую Любовь (Fin Amors) рыцаря-любownika Раймона де Миравалья. Она считает, что она слишком плотская или слишком сконцентрирована на красоте из-за страстного желания. Она говорит, что нашла что-то получше. Она меняет его смертные утешающие поцелуи на Утешение совершенных, отделение духа от мира. Мираваль теряет её, а затем и свой замок, захваченный в ходе крестового похода против катаров (это уже исторические факты). Он отправляется через горы в Арагон, где умирает в надломленном состоянии. Что-то во мне тоже надломилось в ходе написания этой книги. Мираваль почти уничтожил меня.

Оглядываясь, довольно легко понять, что произошло. Я слишком сильно идентифицировался со своим героем-страдальцем. Я жил жизнью трубадура. Я искал нечто недостижимое в своей даме. Я преследовал её, и мне казалось, что я проиграл. Я оказался без поддержки в мире. Однако Дама вернула меня обратно.

Я вернулся к трубадурам и снова попытался понять, что составляло их бытие. Плоды моих поисков можно найти в разделе моей книги «Гностическая философия», посвящённом трубадурам. Там раскрыта более детальная картина, частично вдохновлённая работой лангедокского исследователя катаризма Рене Нейи (René Nelli, 1896-1982) (мне довелось иметь честь беседовать с его преданной вдовой, Сюзанной Нейи (Suzanne Nelli, ум. 2007)). Работа была посвящена восстановлению звучания трубадуров, проведённому Жераром Зухетто (Gérard Zuchetto) («Grop Rosamonda»), с которым я провёл немало времени в Нарбонне. Вдохновение также отчасти пришло из беседы с Анн Бренон (Anne Brenon), директором Национального Центра Изучения Катаров (Centre Nationale d'Études Cathares) в Виллельи, Од, во Франции.

Стало ясно, что, духовно выражаясь (и это касается также культурного смешения культуры трубадуров и катаризма в высших слоях общества), было действительно что-то гностическое в основе нового мира чувственности трубадуров, в их преклонении перед реальной женщиной

из плоти и крови; некоторые из них пошли потом на плаху как неприкаянные еретики; они были способны страдать за Даму. Мне пришлось прибегнуть к юнгианской теории архетипов, и я был доволен связью на уровне бессознательного. Лечение имело академическую базу.

Спустя годы я был вынужден признать, что одна лишь академическая строгость заставила меня упустить из внимания то, что виделось очевидным вначале Жозефэну Пеладану, а затем Дени де Ружмону (Denis de Rougemont (1906—1985)), чья замечательная книга «Любовь в западном мире» (1940, принстонское издание 1983), к сожалению, попала мне на глаза лишь недавно.

Де Ружмон приписывает экстраординарной пионерской фигуре Пеладана новаторскую (тогда) идею о том, что трубадуры и катары были в сути своей неотличимы. Трубадуры долгое время рассматривались историками как легкомысленные эпикурейцы с бессмертными насмешками, пренебрежительно относящиеся к браку и служившие куртуазному эросу. Принято было считать, что их преданность *langue d’Oc* (окситанскому языку, на котором говорят в Лангедоке) стала причиной убежденности Данте в том, что это наиболее подходящий язык для любовной лирики. Пеладан, порой эксцентричный мастер эзотерического символизма, мог смотреть сквозь пелену почти смешных обвинений трубадуров в том, что те были средневековыми развратниками, понимая с кристальной ясностью их вызов западной католической церкви.

Де Ружмон подходил к вопросу иначе. Он нацелился доказать, что западный идеал романтической любви, свершение которого предполагалось искать в браке или во внебрачных связях, и который являлся доминирующей темой, хотя и скатился в банальность фильмов, книг и журналов, был лишь огромным мифом: на деле, он был извращённым истинным мифом. Де Ружмон попытался обнаружить корни романтического идеала у трубадуров, в персидской романтической поэзии и далее у гностиков. Глядя на трубадуров, де Ружмон признавал, благодаря Пеладану, что они считали Утончённую Любовь и общепринятый брак несовместимыми. Любовь трубадуров всегда несёт оттенок адюльтера, это — запретная любовь. Трубадурам просто не удалось бы достичь их идеи о недоступной Даме, за которую мужчина был готов скорее умереть, чем от неё отказаться, без должного духовного стержня, который мог быть применен к реальной женщине. Он подозревал, что трубадуры поклонялись Софии через любовь, нацеленную

на отдельных дам — повелительниц их сердец, но не ограниченную плотью и кровью оных: совместно мужчина и женщина могли вознестись к высотам неземной любви, которую мир удержать в себе не мог, и зачастую стремился уничтожить. Брак ограничивал телами и собственностью; любовь открывала душе её дом выше звёзд.

Единственный фактор, который, на мой взгляд, де Ружмон не принял во внимание, это то, что ранние гностики разделились на два течения: одно энкратитское (заимствованное катарами через балканское богомилство) и одно эротическо-агапо-софийное, унаследованное в своей сути трубадурами, вероятно, через персидскую, индийскую и арабскую эротико-идеалистическую поэзию, сформировавшуюся под влиянием отголосков суфизма, каббалы, манихейства и гностицизма. Можно сказать, что трубадуры и катары были давно потерянными братьями, возвращёнными в алейке широко распространявшегося на западе в двенадцатом веке духовного ренессанса, дабы встретиться друг с другом в любви, учитывая то, что в одной семье могли быть и трубадуры, и катары, живущие в согласии.

Мы знаем, что валентинианская ересь превалировала в долине Роны во времена Иринейя — там жило еврейское население и был силен интерес к каббалистическим фигурам (ту же картину наблюдаем и в XII столетии). Девятьсот лет — большой срок для выживания религии, не оставившей никаких археологических свидетельств, однако гностическая религия никогда не заикливалась на материальных свидетельствах. До сих пор остаётся в некотором роде тайной, почему катаризм нашёл столь благодатную почву среди знати Лангедока.

Заслуживает отдельного внимания ключевая работа Пеладана по этой теме, впервые опубликованная в 1906 году: «От Парцифала к Дону Кихоту», в частности, её третья глава, называемая «Тайны Трубадуров»¹⁶². Нужно учесть, что Пеладан не только распространял важные идеалистические художественно-эстетические идеи (в связи с символистами), он также был членом «Розенкрейцерского Католического и Эстетического Ордена Храма и Грааля» (1891), где подписывается под гностической точкой зрения, гласящей, что Адам был андрогинен и в своём падении в материю, духовное существо Адама было разделено на мужское и женское в согласии с делением Падения,

¹⁶² Péladan, De Parsifal à Don Quichotte, 1906, 53.

часто приводящего к раздору и разладу между несовместимыми душами. Духовный человек страстно жаждет духовного единения; он испытывает ностальгию по нему глубоко-глубоко внутри себя. Он ищет воссоединения в женщине, а она в нём.

Пеладан считал, что если соответствующий человек противоположного пола входит в чью-то жизнь, то возможно, что или через возвышающую, дружескую и братскую любовь, или посредством сексуально наполненной любви, характеризующейся полной взаимной и неэгоистичной преданностью идеалу, душа может испытать, через благодать предчувствия, блага мира грядущего. Однако такие союзы редки. Без сомнения, Пеладан приписывал благодать предчувствия своей идеалистического и духовного искусства любви и магии в самопосвящении, выходявшему за пределы образа (иконы дамы) к божественной Хохме (Мудрости = Софии) свыше. И он находит то, что считал тайной трубадуров: «Любовник, в своих исключительных песнях, посвящает Даме своё рыцарство и монашеское умерщвление; он вносит в „сексуальный культ“ ритуалы божественной любви и тропы мистицизма»¹⁶³.

Пеладан пишет о Коде Любви Андреаса Капеллануса, состоящем из 31 пункта. Вот его заключительные правила: «Брак не является легитимным освобождением от любви»¹⁶⁴. Катары негативно относятся к браку и продолжению рода; он нормален для простых *croquantys* (верующих), простого люда, но невозможен для совершенных (*perfecti*), которые должны отказаться от брака и удовольствий плоти; даже *croquantys* должны отбрасывать мирские узы прежде смерти в ритуале *Consolamentum*.

Пеладан изучает дело, переданное в Суд Любви, альтернативный закон куртуазных благородных дам. (он задаётся вопросом: не оспариваются ли тем самым законы господ этого мира?) Вопрос, поставленный перед этим судом таков: может ли разведённый супруг графини Нарбоннской снова стать её любовником, когда она снова вышла замуж? Пеладан спрашивает сухо: «Что за драматический автор в наши дни позволил бы себе подобный тезис?» Он не дождался мыльных опер, где можно всё, что угодно, когда рейтинги начинают спадать.

¹⁶³ Péladan, *De Parsifal à Don Quichotte*, 2011, 50.

¹⁶⁴ Там же.

«Тот, кто не имеет права показать, что его лицо скрыто под маской», говорит Пеладан¹⁶⁵. Поэтому, утверждает он, менестрель, кажется, никого не оскорбляет, он лишь шут, служащий пропаганде более глубокого, подрывного культа. «Поэтому еретики становятся трубадурами в Провансе, *trouvères* на Севере, *guillari*, людьми радости, в Италии, миннезингерами в Германии, скальдами в Норвегии, мини-стрелями в Уэльсе». Он говорит, что они составляли «противо-церковь» И это не было просто литературным ходом¹⁶⁶.

«В теократической цивилизации, независимость раскрывала характер ереси, а бунтарская политика называла себя нечестивой», утверждает Пеладан. При этом истинной целью трубадуров, периодически открыто провозглашаемой в их трудах, было *очищение* любви: похоть следовало очистить через обширное любовное служение, если необходимо, то и до самой смерти, или до угасания нечистоты, если это возможно.

Пеладан делает вывод, что противо-церковь была ответом на историческую ситуацию вокруг церкви католической: «Наследуя Римской Империи, церковь страстно, слепо желала реализовать духовное единство на западе». «Человек всегда наполняется идеалами, отличными от тех, которые реализуются вокруг него. Это беспокойство, или лучше сказать, это желание иного составляет инстинкт духовной жизни. Это раздражало церковь и тогда родилось новое христианство». Не совсем, конечно, новое, говорит Пеладан. Его гностическая составляющая уходит корнями далеко в прошлое¹⁶⁷.

Для Пеладана тот факт, что известен лишь один трубадур, поддержавший крестовый поход против альбигойцев (катаров) является неопровержимым доказательством того, что трубадуры поддерживали катаров... вернее, были с ними заодно; даже, как в случае с Раймоном де Миравалем, до той степени, что теряли замки и всё наследство, из-за войны с оккупантами с севера, посланными Папой Иннокентием III. Он также отмечает, что после окончательного падения катаризма в Монсегюре в 1244 году, окситанский язык был отлучён от церкви Буллой 1245 года, из-за чего преподавание его в школах было запрещено. Но не катары возвысили окситанский

¹⁶⁵ Там же, 52.

¹⁶⁶ Там же, 53.

¹⁶⁷ Там же, 54.

язык, а трубадуры. Как говорил Пеладан, окситанский был «языком еретиков *par excellence*»¹⁶⁸. Инквизиция была создана, чтобы уничтожить катарскую церковь и «ничто меньшее чем крестовый поход на уничтожение не удовлетворило бы папство. Среди приверженцев катарской церкви было множество трубадуров».

Этот автор не рассматривает трубадуров как просто образованное крыло катаров. Это была бы реально огромная церковь! Но у них было много общего, и нет сомнений в том, что духовная атмосфера, образовавшаяся вокруг добрых по натуре *bons hommes* и *bonnes femmes* (многие из которых принадлежали знатным родам) весьма имел смысл в контексте музыки и песен трубадуров для людей, знакомых с историями о Тристане, об Артуре, где высокий духовный идеализм смешивается в повествовании с любовью, вожделием и адюльтером.

Иногда я размышляю об отношении *perfecti* к трубадурам, а их пути должны были постоянно пересекаться; мне представляются выражения лиц сродни тем, которые можно было увидеть на лицах индийских гуру на Вудстоке и других контркультурных мероприятиях 1960-х (если позволите!). Улыбающихся гуру приглашали на сцену, будь то проповедовать, играть на ситаре или просто наблюдать, они были весьма счастливы видеть перед собой известную, зачастую образованную публику среднего класса перед собой («творцов будущего»), терпеливо разъясняя человеческую мораль, которую и сами могли недолюбливать. «Подумаем об этом позже», кажется, говорили они. *Эти дети пробуждаются; нам надо им помочь. Вначале надо пробудить духовный идеализм, а потом дети поймут, что сама по себе «свободная любовь» не спасёт души, а лишь привяжет детей ещё больше к колесу, давящему на душу ради её подчинения.* В голову приходит Рави Шанкаре, считавший Джорджа Харрисона «словно бы моим сыном», пытавшийся сподвигнуть последнего принести то, что он узнал о мистицизме индийской музыке западному слушателю не через ситар, а через более знакомый гитарный звук, с такими словами, чтобы западная молодежь легче свылась с ней, а она бы тем временем вела их в направлении более глубоких и возвышенных вещей.

Дени де Ружмон видел большее проникновение катарских идей в лирику куртуазной любовной песни, чем я мог бы позволить себе. Он

¹⁶⁸ фр. преимущественно, главным образом.

цитирует некоторых трубадуров и поэмы, написанные под влиянием трубадуров начиная с XII—XIII столетий. Служение Даме превыше всего: «Прими мою жизнь как присягу, о сжигающая душу Красота, доколе ты даруешь мне через тебя стремиться к небесам!» (Ук де Сен Сирк); «Каждый день я становлюсь всё лучше и очищаюсь, ведь я служу самой милой даме мира и почитаю её» (Арнаут Даниель); «Покорность возлюбленной даме — естественный признак куртуазного мужа» (арабский трубадур Ибн Давуд). Также и с чистотой: «Тот, кто расположен к любви как к чувственной любви идёт на войну сам с собой, поскольку, когда дурак опустошит свой карман, он выглядит как дурак» (Маркабру. Кажется, речь тут идёт о технике *coitus interruptus*, свободной от вожделения); тирания желания может быть преодолена стремлением к тому, что выше: «Излишком желая, я думаю, я отдаю её от себя, если уже нечего терять от излишка любимого колодца» (Арнаут Даниэль). Годфруа Рудель де Блаие не нуждается даже в физическом присутствии своей дамы, ибо та, кто далеко, присутствует более всего, когда отсутствует физически: «У меня есть подруга, но я не узнаю, кто она, никогда, лишь своей верой! Я видел её... и я люблю её колодец... Никакая радость не убажает меня, как обладание этой далёкой любовью». Утончённая Любовь могла даже извергать фонтаны молодости. Эта цитата заставила Ээру Паунда говорить о том, что, вероятно, трубадуры практиковали некую форму даосистской или тантрической техники для генерации сперматического эликсира (потребляемого внутри или потребляемого внешне), используя Даму как мантру: «Я желаю сохранить (мою Даму), чтобы освежить своё сердце и обновить тело своё, чтобы не стареть... Тот будет жить сто лет, кто преуспее в обладании радостью своей любви». Последнее принадлежит перу великого аристократа Гийома IX, герцога Аквитанского (1071—1126), которого часто называют первым трубадуром.

Де Ружмон приводит многие примеры лирики трубадуров, предположительно вдохновлённой рассмотрением катарской церкви в роли «Дамы», Софии гностиков, или, если таковое не полволительно, личной духовной небесной супруги трубадура, к которой стремится его привязанная к земле душа из своей изоляции на Земле, и Дама является живой евхаристией посвящения духа: по совпадению, того же самого духа, пред коим благоговели катары. Стоит отметить, что и трубадуры, и катары стремились не использовать секс для продолжения рода: такое «сохранение семени» было вдохновлено древними учениями о процессе

«собрания», совершаемого духовной церковью, освобождающей лишь Святой Дух из объятий дьявольского творения. Де Ружмон цитирует знаменитую историю Годфруа де Руделя, путешествовавшего из Триполи, дабы встретиться с известной дамой, которую он знал лишь понаслышке. Она приходит к его смертному одру и даёт ему поцелуй мира, после чего он, довольный, умирает. А она, как говорят, с тех пор посвящает себя всецело богоугодным делам. Он последовал за отстранённым образом отдалённой любви к её свершению в смерти, которая для него стала тем самым давно ожидаемым поцелуем мира.

Дело в том, что жизнь трубадура предлагает жизненную философию, путь. Являя доказательства любви, которые должна требовать Дама, человек наполняет жизнь смыслом, динамикой: конец её не виден, но постоянно в уме. Пеладан объявляет, что в примитивной поэме, на основе которой Вагнер создал свою оперу «Тристан и Изольда», Тристан является посланником любви («совершенным» согласно Пеладану), убивающим ирландского Морхультя, забирающего девочек и мальчиков в монастырь¹⁶⁹. Его племянница Исеульт (по-немецки Изольда) пыгается отомстить Тристану, но оказывается обращённой. Дама затем инициирует рыцаря, а впоследствии смерть объединяет их. Пеладан рассматривает долгожданный, но всё ещё первый поцелуй дамы, когда соединяются руки и рыцарь преклоняет колено перед своим господином, как *consolement*, очевидно, связывая его с катарским таинством *Consolementum*, совершаемым с возложением рук.

Формальный брак — хомут, созданный трудами римской церкви, полностью безразличной к любви. Церковная доктрина объявляет вожделение к супруге формой супружеской измены. Римская церковь проклинает эрос принципиально и полностью: возвращение к эросу — это возвращение к Дьяволу. Однако трубадуры не думали в терминах Эроса или Агапе; они размышляли в понятиях Любви, чистой, недостижимой, невероятной, огромной и чудесной любви. Пеладан отмечает, что для трубадура Дама — доктрина. Она центр культа. Через служение ей рыцарь постигает Святой Грааль, поскольку идеал Дамы и есть Грааль, и ошибёмся ли мы, если предположим, что истинное значение Грааля — утроба, в единение с которой может войти только чистый?

¹⁶⁹ Péladan, *De Parsifal à Don Quichotte*, 2011, 56.

В «Парцифале» фон Эшенбаха, Грааль — это камень с небес (*lapsit exillis*), охраняемый ангелами от нечистых, к которому могут приближаться только чистейшие, те, кто полностью свободны от мира. Грааль трансформирует то, что пришло из мира в небесное: вечную жизнь.

«Силой этого камня феникс сгорает дотла, но пепел возвращает ему жизнь. Так феникс меняет плоть и оперение, которое после этого сверкает и сияет и настолько же прекрасно, как и прежде».

Если камень — утроба (или София), а восстающий феникс — фаллос, как божественный символ возрождения то... Грааль получает святую кровь. Конечно, мы неизбежно вспоминаем то, что знаем о гностических верованиях в то, что сперма-семя гностика, соединённая с соком (плодом) утробы есть «кровь Христа», содержащая семя Логоса, изливающаяся в Грааль в ходе жертвенного деяния по собственной доброй воле, ради жизни вечной: святое любовное пожертвование валентиниан.

В «Парцифале» ангелы должны спускаться на землю, чтобы добывать «не подверженный тлену» камень, как Пруникус возносится в Плерому, будучи вовлечённой в силы мира (Прем., 12:1 «Нетленный Твой дух пребывает во всем»).

Сохраняется вопрос, использовалась ли эта мифология и сакральная практика каким-то образом самими трубадурами. Трудно себе представить, чтобы идея эта не интересовала *croquante* или *parfaite* катаров, поскольку то была не любовь тела, не пыл вождения, не зуд в чреслах от желания размножиться, а самая утончённая из возможных концепций самой любви, посвящённой всецело царствию небесному и высшей Любви: ключ мудрости. И, конечно, всё это было противно католической церкви настолько, что лишь уничтожение могло удовлетворить её архонтские потребности противостояния греху.

Пеладан верил, что противо-церковь обладала тайной Святого Грааля. Эта церковь, включая трубадуров, «практиковала и проповедовала христианство более евангелическое и кроме всего более иоанновское, нежели Рим»¹⁷⁰. Пеладан также считает, что «самые

¹⁷⁰ Там же, 58.

тайные библиотеки Ватикана» содержат «истинный секрет трубадуров Прованса и еретиков Аквитании. Церковь продолжалась втайне, после походов Иннокентия III и уничтожения тамплиеров»¹⁷¹. Пеладан, римский католик, чувствовал, что во времена его жизни (1906) антиклерикальная вера более не считалась независимым мистицизмом, и «историческое исследование неизбежно приведёт эрудита к пониманию того, что западная свобода мысли зародилась во Франции, в Миди, и вдохновила гений Средних Веков, который выглядит крайне ортодоксальным, и что трубадуры были христианскими диссидентами, чьи доктрины стали бессмертными благодаря величайшему на сегодняшний день из поэтов и трубадуров, Данте Алигьери»¹⁷².

Вы найдёте её там, если захотите.

¹⁷¹ Там же, 59.

¹⁷² Там же.

ЗОЛОТАЯ ЗАГАДКА

Где-то в 1804 или после, Уильям Блейк написал таинственный стих. Он добавил его к разделу, обращённому «К Христианам» своей иллюминированной работы «Иерусалим — Эманация Гиганта Альбиона». Там такой текст:

«Дарую вам нить золотую, в клубок
Вы сверните её, зане
Она приведёт вас к Райским Вратам
В иерусалимской стене»

Кажется, это загадка. *Но что она значит?*

Современный специалист по Блейку, Кэтлин Рейн, сообщила мне в 1986, что она считала «золотую нить» частью «Исключённой Традиции». Под этим она подразумевала гностико-неоплатонико-герметико-алхимико-розенкрейцерско-бёменистско-парацельсо-теософическое духовное течение; волнующий набор словесного груза, суммирующийся в то, что учёные современности называют «западным эзотеризмом»: сложная, самопересекающаяся традиция духовного знания, получающая наконец то достойное внимание, которого она заслуживает.

Я уверен, Кэтлин не была бы против, если я скажу здесь, что её интерпретация золотой нити Блейка не исчерпывает всех возможностей, хотя и заставляет основательно задуматься. Чтобы найти полное решение блейковской загадки, нам потребуется вначале сделать то, что Блейк просил: взять конец нити и вставить её в клубок. Тогда нам может открыться, что клубок стал чем-то магическим, как бесспорно и понимал это Блейк.

Когда Блейк предлагал расположить нить в клубок, он фактически использовал образ из знаменитой поэмы Эндрю Марвелла (1621-1678), участника художественного и философского аспектов

английской революционной истории 1640—1650-х: лучшего периода, известного конфликтами, отдалившими Короля и Парламент от театров военных действий. Блейк блистал на фоне поэтов и натурфилософов той эры, среди которых Джон Мильтон, Эндрю Марвелл, Джон Холл, Томас Хеншоу, Томас и Генри Воган, Роберт Воган, Др. Роберт Чайлд, Элиас Эшмол, Джон Пордэддж, Сэмюэл Хартлид и многие другие яркие фигуры — кто-то роялист, кто-то республиканец, все они унаследовали духовные идеалы елизаветинского возрождения, семена которого лежали частью в платонико-герметической революции итальянских Кватроченто, но корень идей которых уносит нас в позднюю античность.

«Энди Марвелл! Что за чудо!»¹⁷³ — восклицал Дэвид Нивен (сыгравший поэта «Питера Картера») в фильме «Лестница в небо» (1946) кинокомпании The Archer. В этом знаменитом по праву шедевре кинематографического искусства герой решает провести последние минуты перед смертью в горящей рубке своего бомбардировщика Lancaster, летящего к неизбежной гибели. Картер выкрикивает строки своей духовной поэзии, религии и философии развоплощённому женскому голосу в наушниках. Голос принадлежит американской девушке по имени Джун (Середина лета приближается)¹⁷⁴, приквартированной при эскадре Воздушных Сил на юге Англии. Дата — 2 мая 1945. Обстановка — Вторая Мировая Война, ночь, когда пал Берлин, что повлекло за собой выход мира из кризиса к свету. В эту магическую ночь, когда сознание одного человека кратко оказывается вне земной сферы, девушке Джун оказывается честь слышать финальную визионерскую тираду Картера:

«И постоянно слышу за спиною
Шум приближающейся колесницы
И открываются передо мной
Пространства вечности, друзья».

Это слова Эндрю Марвелла. Взяв свою эстафету у чудесного Марвелла, пилот Питер Картер объявляет свою веру в то, что лучший

¹⁷³ Прим. перев.: фамилия Marvell и англ. слово marvel — чудо.

¹⁷⁴ Прим. Перев.: June = Июнь.

мир начинается там, «где этот заканчивается, или где этот мог бы начинаться, если бы мы прислушивались к Платону, Аристотелю и Иисусу. Где все наши маленькие земные проблемы давно решены, но есть и большие, достойные решения». Попрощавшись уже со своею любовью, он оптимистично прыгает, даже торжествуя, туда, где, как он уверен, его ждёт уверенная смерть, в глубокой надежде того, что личная идентичность сохранится в вечной жизни. Конечно, поскольку это кино, он встречает лучшую жизнь на Земле в эротической встрече с Джун в цветочном саду из роз и рододендронов. Страсть влюблённых прерывается, когда останавливается время после пришествия некоторого существа из «другого мира», пришедшего забрать Питера, чьё «время истекло».

Отмотаем на двадцать лет вперёд. Мы в Париже: короткое путешествие из «Свингующего Лондона». Кинофильм продюсера Чарльза К. Фельдмана, по сценарию Вуди Аллена, «Что нового, киска?». Из нового то, что Париж быстро растворяется из состояния чёрно-белого экзистенциализма «*nouvelle vague*» в технокolorовый, пропитанный арт-нуво, стремящийся к удовольствиям психоделизм, под мелодию сказочных джаз-поп творений Бёрта Бакарака, вдохновлённых Сати и Равелем. Сцена: Лотарио Питер в исполнении О'Тула в ночное время пытается соблазнить невротичку-нимфоманку Полу Прентисс. Она цитирует свою стихотворную агитку «мольбы о лучшем месте» — это последний бой сопротивления её левого крыла перед тем как «тёплый любовник», неподражаемо сыгранный О'Тулом, не влезет ей в панталоны.

В ответ усталому верлибру Прентисс, О'Тул пробуждает настоящую лирическую поэзию Марвелла: «Я тоже знаю стихи!» говорит он:

«Сударыня, будь вечны наши жизни,
Кто бы стыдливость предал укоризне?»¹⁷⁵

На болтовню нет времени: *carpe diem*¹⁷⁶ — или хотя бы ночь! Страсть — всё. Поэма Марвелла обращена «Застенчивой возлюбленной» и написана около 1650. Это та же поэма, которую цитирует Питер Картер в «Лестнице в небо» своей развоплощённой потенциальной

¹⁷⁵ Перевод Г. Кружкова.

¹⁷⁶ Лат. «лови момент», буквально, «лови день».

любовнице. Достойная поэма, проникшая из Второй Мировой Войны в Свингующие Шестедесятые в двух весьма отличающихся друг от друга сценах, первая — с небесным подтекстом, вторая — с поддунным и плотским, но обе содержат в себе одну общую черту: *страсть*.

Джун словно убита голосом Нивена/Картера, как Цербер звуком лиры Орфея. Героиня Пола Прентисс пытается совершить глупое самоубийство, вместо того, чтобы допустить, что она влюблена — или вне себя от страсти — к молодому и красивому Питеру О'Тулу. И правда, «Энди Марвелл, какое чудо!»

И Марвелл умудряется впечатлить своего коллегу-поэта Уильяма Блейка, особенно вот этими строками из своей «Застенчивой возлюблённой»:

«Всю силу, юность, пыл неудержимый
Сплетем в один клубок нерасторжимый
И продеремся, в ярости борьбы,
Через железные врата судьбы.
И пусть мы солнце в небе не стреножим —
Зато пустить его галопом сможем»¹⁷⁷

Теперь у нас уже что-то есть. «Застенчивая возлюбленная» Марвелла вдохновила как минимум три сценария визионерского искусства, сочинённых в критические моменты истории. Можно ли связать это лишь с высоким качеством поэзии, явно связанной с сексуальной фрустрацией? Хотя эта фрустрация явно универсальна, она вряд ли является единственной причиной.

ЗОЛОТОЙ КЛУБОК

Давайте вновь обратимся к Блейку:

«Дарую вам нить золотую, в клубок
Вы сверните её, зане
Она приведёт вас к Райским Вратам
В иерусалимской стене».

¹⁷⁷ Перевод Г. Кружкова.

Блейк добавил свою золотую нить к марвелловскому сплетанию в клубок. Прежде преобразовав его железные ворота судьбы во врата Небес.

Что, хочется спросить, позволит продраться через железные ворота судьбы, или преобразовать их из тёмного, запретного барьера с ярлыком «не входить» во врата самих небес?

Первый ключ лежит в самой золотой нити. Что это такое? Ответ можно найти у Пиндара (518—438 до н. э.), известного во времена Пифагора в Греции лирического поэта. Поклонявшийся Аполлону, Пиндар видел своего бога спасителем цивилизации: тем, кто несёт благодать, гармонию, мудрость и единство разным сотворённым существам, символом которого является золотой луч солнца.

Достоинства Аполлона сконцентрированы в первой «Пифийской Оде» Пиндара в образе его «золотой» лиры. Звук семиструнного золотого инструмента Аполлона может успокоить и утихомирить даже воинственного Зевса. Семь золотых струн выражают «музыку сфер». Когда звучит золотая нить Блейка, она формирует собой светоносный мяч или сферу, личное солнце, служащее изгнанию тьмы через разрешение любви в сексуальной гармонии.

Классический мир верил, что Земля окружена дорогами семи «Планет» («странников»): Венеры, Меркурия, Луны, Марса, Юпитера, Сатурна и, конечно же, Солнца.

Каждой планете соответствует металл. Например, Марсу соответствует железо, поэтому железо связано с войной, и «железные ворота судьбы» представляют жизнь как место конфликта: гражданской войны. Солнце управляет золотом, высшим металлом. «Золотая нить» Блейка резонирует в унисон с Солнцем, поэтому может быть отголоском последних строк «К стыдливой возлюбленной»:

«И пусть мы солнце в небе не стреножим —
Зато пустить его галопом сможем».

Золотая нить Блейка передаёт идею Марвелла о «всей нашей силе и всей нашей сладостности», которые, будучи собранными, или «заряженными» в солнечный союз любви, могут сломить железные ворота судьбы; ср. «врата ада не одолеют её [Церковь]»¹⁷⁸ (Мф. 16:17—19).

¹⁷⁸ Прим. перев.: Т. Чёртон, однако, в квадратных скобках ставит слово камень. Оригинал стиха гласит: «...и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее».

Блейк интуитивно чувствовал, к чему клонил Марвелл, или думал, что чувствовал.

Но что имел в виду сам Марвелл?

Чтобы разобраться, я связался со специалистом по Марвеллу, Полом Бембриджем, лектором по теме западного эзотеризма и первым человеком, который раскрыл глубину преданности Марвелла «британскому розенкрейцерству», чьё сияющее утопическое влияние, как считал Бембридж, Марвелл и другие пытались распространить на британское республиканское правительство после казни короля Карла I в 1649 г.¹⁷⁹

Вначале Бембридж рассмотрел природу клубка, который Марвелл себе воображал состоящим из «всей нашей силы и всей нашей сладостности» — как смесь из многих компонент, болезненно напоминающую о блаженной половой близости. Первое впечатление складывается такое, что клубок, который может продрать «железные ворота судьбы» должен быть пушечным ядром. Идея такая: по меньшей мере в волшебный момент наивысшей радости пара может на мгновение нарушить барьеры всепожирающего времени, чей звук слышен как «шум приближающейся колесницы», заставляющей смотреть на «стыдливость» с укоризной.

Помимо предположений о марсианской природе железа, можно также представить себе, что железные ворота Марвелла суть аллюзия на неоплатоническое верование, что души входят в физический мир Вратами Рака, где они до начала своего сражение под грузом безжалостной зодиакальной Судьбы, наложенной на течение жизни, теряют свою память о жизни божественной; а потом выходят Вратами Козе-рога, порой чуть мудрее из-за нового опыта. (Учитывайте также, что Рак отмечает самые северные «врата» Солнца до его «возвращения»; Рак управляет серединой лета, а она традиционно считалась наилучшим временем для входа душ в мир, под благословением Аполлона).

Тем не менее, неясно, являлся ли клубок Марвелла метафорой или аллегорией, или символом, или синтезом всех трёх. Исследуй мы только поэму Марвелла, нам следовало бы знать лишь то, что клубок как-то связан с сотворением или консуммацией¹⁸⁰ любви, объединя-

¹⁷⁹ Bembridge, «The Rosicrucian Resurgence at the Court of Cromwell» 219–45.

¹⁸⁰ Поглощением.

ющих всё любовных, должным образом направленных энергий. Слово «клубок» (англ. ball) может означать что угодно круглое; оно не обязано быть полностью сферическим или шаровидным, или являться игрушкой (мячиком). Землю — плоскую ли, сферическую ли, можно описать словом ball. Существуют рассказы об алхимическом философском камне и об эликсире жизни, хранящемся в виде шара. Идея о чём-то поворачивающемся — таком как голова (этимологический корень слова ball¹⁸¹), — центральная идея «мяча»; что-то, в прямом смысле революционное¹⁸² или изменяющее мир.

Марвелл был знаком с каббалистическими изображениями атрибутов Божественности, нисходящих в виде сфер по проявленному дереву на Землю и к аду ниже неё. Марвелл также знал и об образах шарообразных планет: глобулярная роса, как считали алхимики, оплодотворена звёздной силой посредством звёздных лучей. Бембридж отдельно фокусируется на связи между алхимическими процессами и болью безответной любви.

Эту связь он обнаруживает в последнем сонете сэра Филиппа Сидни «Астрофил и Стелла», в котором, без всякого сомнения, описывается любовная фрустрация в терминах провалившейся алхимической операции. Личное знакомство Сидни с елизаветинским астрологом-магом Джоном Ди давала должное практическое знание в поддержку метафоры.

Кипящая как свинец в омрачённом сердце, грусть поэта облегчается лишь светом, излучаемый помыслами о Стелле («Звезде»). Однако свет этот содержит также и фрустрацию, ибо «железные ворота» печали Астрофила отделяют поэта-любовника от «золота Феба» (обладания яркой солнечной любовью Стеллы в плотском выражении). Солнца «поворачивает обратно» у северных Врат Рака. Подставляя идеи Сидни в поэму Марвелла понимаем, что «железные ворота жизни» Марвелла вызывают к жизни давление основного металла на воздыхателя, однако поэт надеется прорваться к физическому (и, по аналогии, духовному) золоту (Солнцу) силой соответствующего магического момента, поглощения физического и духовного

¹⁸¹ Прим. перев.: по меньшей мере по материалам этимологического словаря эта версия этимологии является сугубо авторской.

¹⁸² Прим. перев.: англ. revolutionary от лат. revolvere — вращать(-ся).

одновременно, в искреннем стремлении к которому он рисовал его в образе галопа солнца.

Это наблюдение хорошо проясняет смысл строк Марвелла о том, что влюблённым приходится вырывать свои удовольствия у железных врат жизни с таким трудом, что в его результате «пусть мы солнце в небе не стреножим / Зато пустить его галопом сможем».

Что подразумевает Марвелл под запуском солнца галопом?

В те времена алхимики считали, что различные металлы растут незримо в течение длительного периода времени словно овощи в земле, из родительских принципов руды, серы и ртути, под воздействием солнца: фотометаморфоз. Основная цель процесса — трансформация в совершенно золото — может быть ускорена до скорости молнии, если алхимик своим искусством создаст в лаборатории философский камень, посредством жара и химической комбинации, принимая во внимание солнечные и зодиакальные влияния макрокосма на микрокосм. Поэтому кажется, что Марвелл советует влюблённым прислушиваться только к природному ходу вещей; конечно, и их время закончится, однако сотворив философский «клубок» из пламени своего стремления, они всё ещё могут успеть заставить солнце галопировать во благо любви: чтобы выполнить Великую Работу.

Иными словами, если обойти железные врата Рака, тогда то, что заставляет Солнце возвращаться, можно замедлить, и натуральный ход светила окажется под влиянием воли влюблённых.

Хотя мы и видим ясно, как алхимический символизм и практика может быть точно связана с сексуальной магией, Бембридж считает, что беспокойство Марвелла не связано с личным миром героев и героинь любви, «продирающихся на другую сторону». Бембридж скорее считает, что Марвелл использовал алхимический образ любовников как аллегория на более общие ожидания, возлагаемые на правительство. Они хотели, объединив земное правительства под управлением активной воли небес, установить на Британских Островах прямое правление высшей мудрости. Подстрекал ли он республиканское правительство к совершению гигантского акта любви? Был ли он, как Пол Сэмюэль Хартлиб, на стороне республиканцев, поддерживавших «Великое восстановление» сэра Фрэнсиса Бэкона, великую реформу знания Бэкона (1561–1626), предложенную в форме работы «Шести дней», в стиле божественного Сотворения, которая должна была завершиться победой Адама над творением? Примечательно,

что образ этого процесса попал на фронтиспис работы Бэкона под названием «*Sylva Sylvarum*» («Лес лесов», 1627), где видно Четырёхбуквенное имя Бога в центре изображения Солнца. Пламенный диск распространяет мощные лучи, дабы осветить тёмный земной мир. Лучи пробиваются сквозь облачную завесу, скрывающую шарик Земли, неся свет Аполлона тем, кто во тьме.

Бембридж находит источник вдохновения Марвелла в поэме «Своему учителю, Мастеру Поусону. Ода». Написанная Джоном Холлом (1627—1656), коллегой Марвелла в правительстве, она была опубликована в 1646 году. Пока Марвелл писал свою поэму «К стыдливой возлюбленной» (с 1650 по 1653 Марвелл работал преподавателем у дочери Лорда Генерала Томаса Фэйрфакса, позднее главнокомандующего парламентской армии), Холл, закончивший Кембридж, служил на государственной службе в роли превосходного пропагандиста в мире «грубой розни», обрастая сплетнями в памфлетах и в реальной войне с роялистами, поддерживающими сына и наследника недавнего Короля, Принца Чарльза Стюарта.

Холл, как и Марвелл, был в определённой степени утопистом, много надежд возлагавшим на способность республики обеспечить золотой век чистой науке и религии. В 1647, Холл дополнил свою «оду» переводом работы немецкого автора Йоханна Валентина Андреа под названием «*Christianae Societas imago*»; в переводе название звучало как «Модель христианского общества». Работу заказал Сэмюэл Хартлиб, основной защитник Бэкона.

Андреа (1586—1654) написал по меньшей мере два из первых так называемых розенкрейцеровских манифеста. Это — два удивительно провокационных утопических труда, которые были опубликованы в Германии в промежутке между 1614 и 1616 годами. Манифесты стимулировали развитие гностического духовного движения, которое существует и по сей день. Надо помнить об этом, читая глубокие слова непревзойдённой оды Джона Холла, обращённой им в возрасте двадцати лет к его преподавателю в Кембридже, Мастеру Поусону. Я выделил курсивом те строки, которые несут на себе наибольшее влияние образности Марвелла.

*«Приди и побежим
Оббежим мир вслед за солнцем;
Увидим целиком этот эмалированный шарик,*

И там, где он покрыт вечной зеленью,
И там, где он покрыт льдами;
Где он возвышается горами, и срывается вниз к долинам;
Где плещется свободно всеохватывающее море
И где он задыхается от засухи, и всего недостатка влаги.
И, двигаясь, будем думать об этих атомах, снующих туда и сюда:
Один и солдат, и артиллерия;
Другой, кому в защиту лишь невинность;
Один мягкий как ветер, или быстрый как лань,
Другой медлительный как скала;
Иные любят землю, иные презренны, влача здесь жизнь,
Но кажется, они говорят тем, кто отрицает это,
Что рай есть, и они знают, где он.
[...]
О, позволь нам прорваться
Сквозь это мимолётное заточение ввысь;
Там мы найдём блуждающих братьев розы
[...]
Но вязкая материя препятствует чистому изысканию
[...]
Нас не склонят ко сну сонные травы этого мира».

Сложно не согласиться с Бембриджем в том, что в тексте есть тайные ключи к дальнейшему раскрытию загадки клубка Марвелла. Наполненная силой молодости поэтическая позиция Холла направляет читателя прямо за рамки этого мира, без помощи бьющих пламенем ракет, направляя автора и нас в сторону марвелловского «мрака небытия», который расстилается перед нами. Он взлетел к звёздным высям, пробил себе дорогу через небесные «спешащие своды» в экзальтированном состоянии ума, видя все вещи из космической перспективы, воображая себя кружащим вокруг планеты как солнце, но быстрее, силой духовного зрения, автономного, раскрывающего (почти) всё, что известно через «братьев розы» (невидимое Братство Розы и Креста) о вечной жизни в сферах небесных и той роли, которую они играют в наших маленьких земных жизнях. Холл хочет открыть свободный проход духу с небес на Землю. Чтобы этого достичь, потребуется уйти от скуки «вязкой материи», где сиюминутное кажется реальным, дабы обрести сверхкосмическое видение,

в котором мир оказывается на своём относительном месте в виде эмалированного шарика, а жизнь — дверью духовных возможностей — покуда зритель не оказывается окутан «сном» или бессознательностью мира и всего мирского (в гностических терминах — Демиурга).

«Сонные травы мира» Холла в точности напоминают текст второго так называемого Розенкрейцеровского Манифеста, «*Confessio fraternitatis*» (впервые опубликован на латыни в 1615, перевод на английский сделан Томасом Воганом в 1652 г.), где есть такие слова: «Теперь же не в долгом времени предстоит то, что в чести окажется язык, которым высказано будет все, что еще прежде было увидено, услышано или почуюно обонянием, — но не раньше, чем мир очнется от своего тяжелого сна и с отверстым сердцем, непокрытой головой и босыми ногами выйдет навстречу восходящему Солнцу».

Недавно выпущенный великолепный перевод текста «*Fama fraternitatis*», предшественника «*Confessio*», сделанный Кристофером Макинтошем, сподвиг меня обратиться к последнему, с просьбой проанализировать вышеприведённый фрагмент. Кристофер предложил следующий перевод с германской версии (1615 г.): «то, что в недавние времена было видено, слышано и донеслось до нюха» наконец будет произнесено [uttered forth], когда мир пробудится от своего тяжёлого [вялого (*англ. drowsy*) — также лишнее слово, добавленное в английской версии] сна и, с открытым сердцем, с непокрытой головой и босым, пойдёт в сторону вновь восходящего солнца»¹⁸³. Ключевое излишество в слове «вялого» в английском переводе предполагает возможность того, что переводчик намеренно включил его, подразумевая ссылку на аналогичную часть визионерской оды Холла.

Английские переводы 1652 года работ *Fama* и *Confessio* часто приписываются Томасу Вогану (1621–1666). Воган, тем не менее, как «Евгений Филалет», был издателем, и его вводная статья сообщает нам, чтотекст- предшественник *Confessio* под названием *Fama* был переведен неизвестным, а копия была передана Вогану неким человеком «более образованным, нежели я», который пожелал сохранить

¹⁸³ Прим. перев.: даётся подстрочный перевод английского текста: “that which in earlier times has been seen, heard and smelt shall now finally be spoken [“uttered forth” is repetition], when the world shall awake out of its heavy [“drowsy” is also an English addition] sleep and, with an open heart, bareheaded and barefoot, go towards the newly rising sun”.

анонимность. Воган уважил его просьбу: это уважение распространилось и дальше — Воган напечатал то, что он считал переводческой ошибкой, перевод названия «Дамкар» в Аравии» словом «Дамаск».

Важно ещё и то, что в переводе *Confessio*, название «Дамкар» появляется там, где «Брат Р.С.» обретает свою тайну (фактически, правильным местом является Дамар, однако это ошибка встречается и в оригинале на немецком). Из чего легко сделать вывод, что кто бы ни был переводчиком *Confessio*, тот же переводил и *Fama*. Есть вероятность, что Холл был переводчиком *Fama*, а также вероятно, что именно Хартлиб передал перевод Вогану. Если так, мы можем объяснить желание Холла оставаться анонимным: он работал на правительство, в котором факт его связи с апокалиптической утопической работой с тайным магическим смыслом имел все шансы поставить его в неудобное положение. Слово «вялый» могло попасть в текст как намёк Вогана «тем, кто знает». Или Холл мог уже выполнить грубый или лишь частичный перевод *Confessio* (включая его, вероятно «небрежное», предпочтение слову «*drowsy*» (англ. вялый) немецкому варианту «тяжёлый») при участии Вогана или без него.

Основополагающие работы розенкрейцерства были отпечатаны в Англии в 1652 году с существующих рукописей как *parergon* или «побочный продукт» попыток Вогана и его друзей Томаса Хершоу (1618—1700) и Др. Роберта Чайльда (ок. 1612—1654) согласовать свои действия в идеальном алхимическом братстве, на что их вдохновила сфокусированная на идее Мудрости работа Й. В. Андреа «Образ христианского общества», чей перевод пера Джона Холла под названием «Модель христианского общества» был заказан и опубликован другом Холла (и Вогана), польским приверженцем Бэкона и розенкрейцерским активистом Сэмюелом Хартлибом (1599—1652).

«Модель христианского общества» впервые появилась в 1647 году, была напечатана Роджером Дэниэлем, печатником Кембриджского Университета, с этим эпиграфом из Мф. 18:20: «ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Хватает лишь горстки «центрированных» людей, чтобы они стали небесным «зерном горчичным» (Мф. 13:31—32).

Холл, Воган, Геншоу и Чайльд не были первыми англоязычными людьми, вдохновлёнными розенкрейцерскими обетами. За поколение до них сам Хартлиб, вместе с чешским педагогом и членом моравской церкви Коменским (1592—1650) путешествовали в Англию

в промежутке между 1628 и 1642 с целью положить начало духовно ориентированной реформации обучения, культивируя социальные и политические связи в принимающей стране; эти планы были существенно расстроены напряжённым конфликтом между Королём и Парламентом. Коменский был знаменит как проповедник *Пансофии*, интегральной духовно-искусство-научной образовательной программы. Как нам говорит название, Коменский обнаружил божественную Софию во всём и желал указать детям мира в том же направлении.

Делаем вывод, что Марвелл в своём стихотворении «К стыдливой возлюбленной», вслед за Холлом, размышляет над возможностью возрождения работы ранних «братьев розы» по стимулированию божественного преобразования общества.

Новую республику начала 1650-х разрывала борьба между парламентом и армией, возглавляемой теперь Оливером Кромвелем, когда-то подчинённым Ферфакса. Драматичное смутное время и крайняя степень дисбаланса породили не только глубокую фрустрацию, но, в визионерской дымке, высокие ожидания или даже заблуждения в том, что новая эра способна стать благотворной почвой для создания святого просвещённого государства под крылом Мудрости. Апокалиптизм разного уровня примешивался в кровь многим, ищущим во всей этой куче-мале божественную волю. Я использовал курсив, дабы подчеркнуть важные части:

*«Сударыня, будь вечны наши жизни,
Кто бы стыдливость предал укоризне?
Поэтому, пока на коже нежной
Горит румянец юности мятежной
И жажда счастья, тлея, как пожар,
Из пор сочится, как горячий пар,
Да насладимся радостями всеми:
Как хищники, проглотим наше время
Одним куском! Уж лучше так, чем ждать,
Как будет гнить оно и протухать».*

Молодая христианская республика могла похвастаться добрыми людьми, чувствовавшими призвание воплотить волю Бога. Будучи близким кругу Холла, Милтона и Марвелла, Сэмюэл Хартлиб был

знаком с новым поколением химиков-алхимиков, натурфилософов и реформаторов науки¹⁸⁴. Сам Марвелл, однако, прекрасно понимал, что также как мечты Хартлиба-Коменского 1630-х и начала 1640-х была перечеркнута гражданскими войнами, длительный конфликт затмил высочайшие мечты? В 1650 г. армия Кромвеля жестоко подчинила себе сторонников Стюартов в Ирландии и Шотландии, пока парламент трясло. Потребуется неимоверное усилие воли и согласованной любви, чтобы оживить «розенкрейцеровскую» надежду на золотой век единения чистого знания и духовности, которая поведёт добрую, живущую с богом нацию ко встрече с более серьёзной реальностью.

У Марвелла было много возможностей взвесить шансы в Нун Эпплтон Хаус, рядом с Йорком, будучи преподавателем у дочери Лорда Томаса Ферфакса, в промежутки между 1650 и 1653 годами. В своём стихотворении «Об Эпплтон Хаус. К милорду Ферфаксу» Марвелл меланхолично отразил опустошённость войны, которая разрушила некогда райский сад (слова курсивом — Марвелла):

«Несчастный! Восстановим ли мы когда-нибудь
Ту сладкую *Милицию*,
Когда в Садах были лишь Башни,
А весь Гарнизон был из Цветов,
Когда Оружие могли носить лишь Розы,
А Мужчины носили розовые Гирлянды?
Тюльпаны разных Цветов,
Были Швейцарской нашей Гвардией».¹⁸⁵

Рай (сад) становится образом печального видения розенкрейцера: тогда люди в розовых гирляндах составляли собой основание истинной религии, как «Switzer» (швейцарская) гвардия вокруг Ватикана. Великолепно обмундированные, как тюльпаны-арлекины, «Швейцарская Гвардия» состояла из швейцарских профессионалов: наёмников, солдат, которым платили и за охрану Папы и французской (католической) знати. Протестантское «сладкая Милиция» Марвелла прямо отсылает нас к «баталии» братьев розы Холла из его Оды своему преподавателю

¹⁸⁴ См. Abraham, Marvell and Alchemy.

¹⁸⁵ Marvell, "Upon Appleton House, to my Lord Fairfax", стих 43.

в Кембридже, Др. Поусону. То есть, невидимые братья Розы и Креста обладали секретом, духовно-завоевательным планом восстановления человечества: аrokatastasis или «возвращение к совершенству Адама», кое было прежде падения духовно просвещённого человека в материю. Это, подчёркивает Марвелл, было требуемой Милицией; не наёмные охранники, защищающие то, что нельзя защитить, не даже, вероятно, противоречивое подавление Кромвелем католиков в Ирландии: с одной стороны, он признавал опасность воинственного, политизированного католицизма (его боялся Кромвель), и был обеспокоен слишком ожесточённой реакцией войск на эту опасность.

В стихотворении «К стыдливой возлюбленной» Марвелл высказывается за то, чтобы нерешительное правительство выбрало более вдохновенное направление, чем постоянная война; по меньшей мере насилие должно иметь какую-то мирную, божественную цель. Духовно-физическая наука пока не может порвать оковы тьмы, чья натянутая «психология» способствует постоянному конфликту, открывая мужчин и женщин свету божественного солнца.

Поэтической аналогией у Марвелла, по-видимому, был образ «космического» оргазма, проницающего преграды и границы земных оков, выстреливая вперёд, за пределы темницы внутреннего неба в самый центр духовного потока (тема, которая благословляет Предисловие к изданиям работ Фама и Confessio Вогана). В музыкальных терминах, проекция клубка за пределы Земли соответствует тому триумфальному ми-мажорному небесному аккорду, который парадоксально захлопывает крышку гроба (и отверзает врата небес) в меланхолично-оптимистичной песне «A Day in the Life» (1967) Пола Маккартни и Джона Леннона, сочинённой в поворотный период западной истории, когда рай цветов был призван снова в роли образа силы социального и духовного обновления, пробуждённого перед лицом разрушения войны.

Кому, мы можем задаться вопросом, было это обращение-мольба «К стыдливой возлюбленной» адресовано?

СТЫДЛИВАЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Чтобы определить «возлюбленную» этой поэмы, нам следует вначале провести новый анализ понятия «клубка», в котором, как поэт надеется, ему удастся прорваться «в ярости борьбы», вызванной

силой и сладостью союза с возлюбленной. Поступив так, мы уловим ясный взор героини этой книги.

Публикация труда «*Fama and Confession of the Fraternity*» 1652 года Вогана начинается обращением «К мудрому и понимающему читателю», вкупе с художественной инвокацией персонифицированной божественной Мудрости (*Софии*):

«Мудрость (рек Соломон) есть для человека бесконечное сокровище, ибо она дыхание силы Бога, и чистое влияние, что течёт из славы Всемогущего; она яркость вечного света, и чистое зеркало величия Бога, а также образ его доброты; она учит нас трезвости и благоразумию, праведности и силе; она понимает утончённость слов и смысл туманных фраз; она знает знаки и чудеса, и то, что будет в будущем; этим сокровищем всецело обладал наш Отец Адам [...]».

Ни один гностик не усомнится в сказанном выше. Хотя, утверждает Воган, Мудрость и была потеряна из-за «печального грехопадения», всё же Господь Бог иногда даровал Мудрость «некоторым своим друзьям». Затем он говорит, что этому описанию соответствует именно Братство Розы Креста. Их можно считать «истинными учениками Мудрости, истинными последователями сферического искусства».

Сферическое искусство... Нет ли у этого искусства чего-то общего с «клубком» Марвелла?

В «Зове Братства» и «Исповедании Братства» (*Fama fraternitatis / Confessio fraternitatis*) есть весьма интересные ключи к таинственной природе «сферического искусства». В *Fama* утверждается, что Мудрость позволяет человеку понимать то, что обычной логике не подчиняется, в чём Платон, Аристотель, Соломон и Библия единодушны: «Всё это происходит одновременно, являя Сферу или Шар, чьи части равноудалены от центра, как о том будет говориться шире и более полно в христианской Конференции». Согласно *Confessio* этот шарообразный дар внутреннего видения доступен братьям Розы Креста. Они могут выходить за рамки или границы пространства и времени, стоя «в центре», будучи таким образом способными видеть всё в совокупности, равноудалёнными от всего проявленного, спроецированного на поверхность шара из этой божественной и невидимой центральной точки:

«Не ценно ли мочь жить так, будто с начала времён и до конца оных? Не прекрасно ли жить в одном месте, но, чтобы ни люди за Гангом в Индии не могли ничего от тебя скрыть, ни жители Перу не могли бы утаить от тебя своих тайных собраний?»

И вправду, Пол Бембридж считает следующий фрагмент из поэмы Марвелла вдохновлённым текстом *Confessio*:

«Сударыня, будь вечны наши жизни,
Кто бы стыдливость предал укоризне?
Не торопясь, вперед на много лет
Продумали бы мы любви сюжет.
Вы б жили где-нибудь в долине Ганга
Со свитой подобающего ранга,
А я бы в бесконечном далеке
Мечтал о вас на Хамберском песке,
Начав задолго до Потопа вздохи.
И вы могли бы целые эпохи
То поощрять, то отвергать меня —
Как вам угодно будет — вплоть до дня
Всеобщего крещенья иудеев!»

По наблюдениям Бембриджа Марвелл отправляет свою возлюбленную на Ганг, подменяя своё родной Хамбер страной «Перу», проводя параллели со словами из *Confessio* «с начала времён... до конца оных» библейскими приближениями от «десяти лет до Потопа» до «обращения евреев» (считается, что этот момент будет являться финалом всей истории). Такая невероятная универсальность понимания, сферическое искусство, могло, предполагает Марвел, быть достигнута, буде сердце и воля «стыдливой возлюбленной» завоеваны. Бембридж с удовольствием идентифицирует «Стыдливую возлюбленную» со стыдливой Софией, божественной Мудростью Розенкрейцерского Братства: сама Госпожа Мудрость, являющаяся рассказчику так называемого третьего Розенкрейцерского Манифеста украшенная звёздами: Химическая Свадьба Христиана Розенкрейца (впервые опубликованная в Германии в 1616 г.), дабы призвать находящегося в затруднениях Брата «CR» к духовной, алхимической

свадьбе, то есть, consummation через духовное возрождение (поистине валентинианская мысль).

Хотелось бы также добавить, что Марвелл мог взять образ обнаружения рубинов (в оригинале) у Ганга из «Письма к читателю» Вогана, которое является предисловием к английскому переводу *Fama* и *Confessio*. Вероятно, ссылаясь на работу с тем же именем Якоба Бёме, Воган пишет о грядущей «Авроре»: «Великий день, когда Феб (Солнце) божественного дневного света обнаружит все тайны из их скрытых мест, все невидимые «сокровища божественной Мудрости» Этот свет, говорит Воган, «будет истинным королевским Рубином, и наиболее совершенным сияющим Карбункулом [объект, который светится в темноте как свеча или горящий уголь, или розово-красный рубин], о котором говорится, что он „сияет и даёт свет во тьме и является совершенным лекарством всех несовершенных тел, и превращает их в наилучшее золото, и исцеляет все болезни человека, облегчая от всех болей и страданий“ ». Рубины не будут даны ищущему до конца времён («мудрость лучше рубинов»¹⁸⁶, Притч., 8:10). Поэтому поэт обращается к «клубку» (или Карбункулу?), способному ускорить медленный ход Солнца или естественного миропорядка.

СФЕРИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

В вогановском алхимическом Вступлении к «Зову» и «Исповеданию» есть и другие ключи, ведущие к Софии. Томас Воган поражён способностью «сферического искусства» раскрывать внутренний, сердцевинный параллелизм разных школ древней Мудрости. Он сравнивает слова Филострата о натурфилософии мага Апполония Тианского (ок. 15-100 г. н.э.) с учением Братьев Розы Креста, обращая внимание на то, с каким уважением Апполоний описывает «Брахманов» (браминов) Ганга. Но прежде чем углубиться в изучение этих «Брахманов», которые по руслу Ганга образовывали тайные братства мудрости, созвучной с экзальтированной мыслью еврейской каббалы (Воган называет каббалистические Сфирот «Сфиристическим Порядком», что также является намёком на «Сферическое искусство»), он рассказывает увлекательную историю.

¹⁸⁶ Канонический вариант: «мудрость лучше жемчуга».

Он говорит, что Александр Великий никогда не доходил до наиболее тайных мест Брахманов, которые находились между Гангом и рекой Биас (проистекающей из Гималаев). Он не пленил их из уважения к их таинствам. Однако это уважение могло корениться в страхе. Ведь мы знаем, что Брахманы в совершенстве владели, видимо, посредством алхимии, способностью оставаться в безопасности внутри своего убежища с воротами, поражая врага снаружи «Громом и Молнией» [sic]. Воган спешит напомнить своим читателям, что, хотя встреча с порохом и могла шокировать Апполония, из-за гражданской войны современным читателям он был знаком весьма, да и вряд ли огонь и небесные кары могли удивить адепта Брата Роджера Бэкона в тринадцатом веке.

Говоря о «некоторых чудесных экспериментах», Роджер Бэкон «рассказывает нам кроме всего прочего о тайном составе, который собирался в таблетки или маленькие шарики и подбрасывался в воздух, затем превращаясь в гром и молнии, более громкие и ужасающие, чем природные». Воган приводит слова Бэкона о том, что лишь «мера величиной в палец» этой субстанции могла «вызвать ужасную реакцию и дать яркую вспышку, и этого можно было достичь разными путями, так, что можно было сокрушить целый город или армию».

Думаю, речь тут идёт о семени пламенного клубка, которое могла породить только рубиновая мудрость Ганга: клубок, меняющий суть политики, разбивающий железные двери слепоты мира. Он состоял из тайной мудрости востока, способной породить такую бурю в небесах, что пугала самого Александра — а затем и Оливера Кромвеля, и весь беснующийся парламент. Но откуда «стыдливая возлюбленная» остаётся около «Ганга», а английский поэт около Хамбера, магия эта не сработает — до конца веков. А вот потом все тайны будут раскрыты; если только знаки дня были поняты правильно, а трансформативное поглощение (или «восстановление») ускорено.

Всё ещё есть надежда для тех, кто трудится во тьме, ибо Мудрость периодически изливает свои плоды на своих учеников: одним из таких плодов является собственно «сферическое искусство».

Имеет смысл представлять себе, я думаю, хрустальный шар. Если вы «стоите» в его центре, вы не будете «стоять» в обычном понимании этого слова, ибо центр сферы должен быть точкой, которая по определению невидима. Приходят на память слова, приписываемые Николаю Кузанскому, которые впервые появились в средневековом

комментарии на герметическую мудрость: «Бог есть бесконечная сфера, чей центр везде, а периферия нигде». Поразмыслите об этой идее подольше и получите ни что иное, как образ Бога: *mundus imago dei* («мир есть образ Божий»), и он есть у герметического Асклепия. Вы несколько потеряны? Конечно, потеряетесь в сфере, если только вы не её *центр* — тогда вам видно всё. Этого может достичь совершенный адепт.

Воган старается в своём предисловии говорить о различиях между знанием мирского поверхностного педанта и знанием адепта. Центр — чистая бесплотная субстанция. Адепт должен прийти в этот центр словно бы в духовное ядро собственной души, в семя, которое разворачивается в божественное существо. «Враг» — поверхность, простая «кожа» или плоть. На неё накручивается нечистота (отсюда страх «поверхности»), где смешиваются отражённые вещества.

Наши обычные рациональные способности, не освещённые сияющим светом Мудрости, позволяют нам справляться только с краплёными картами. В смущении игрок вынужден блефовать. Лишь Мудрость может призвать Человека к Центру. Поэтому «истинные Ученики Мудрости» суть «истинные Последователи Сферического Искусства». Такие существа стоят в покое, безразличные к притяжению одних вещей другими, и пребывают в единой «тьме Бога», которая хоть и свет для просвещённых, всё же тьма для слепцов (сравни с масонской аксиомой: «Свет Мастера Масона есть видимая тьма»). Она черна для слепых.

Тот, кто в центре — находится в совершенном стазисе, двигаясь без движения, неподверженный искушениям, эмоциям, притяжению вожделения. В этой точке адепт держит всё в своей власти, ибо с любящей Мудростью он в невидимой точке центра творения, которая вечно разворачивается из центра в линию, в круг, до бесконечности (девизом Элиаса Эшмола было *EX UNO OMNIA* — «Из Одного Всё»).

Совершенный адепт пребывает с Богом и является инструментом Его Воли. Он **СТОИТ**, тогда как остальные вынуждены падать из-за несовершенной позиции, гравитации, толчков мира, причуд, влечений, магнетизма; принимая каждый день и делая каждый день, словно солнце, но будучи не подверженным тлению от времени, которое работает на нечистых связях, магнетизмах, но лишь любя Бога через его Мудрость, которая Истина. Он в «йоге» или союзе с Богом (ср. Ин. 10:30); он нашёл Дао. Как германский мистик-гностицист Якоб Бёме говорил в своей

«Авроре» (1612): когда Адам стоял в своём центре, он был в Раю, един с Софией, однако влюбившись в своё отражение в нижней сфере, он обрушил свой образ и оказался связан низшими силами. Любовь Софии может вернуть его и исцелить его раны. Центр — сущностно важен; это основа, бытие, которое есть: периферия же ошибочна. Или, как сообщается на степени Мастера Масона, гласом неслышимым в пустыне непонимания, неразличимым для неразумных: «В центре круга Мастер Масон не сможет ошибиться».

Центр — в нас; всегда.

КРЕЩЕНИЕ ЕВРЕЕВ

Мольба Марвелла «К стыдливой возлюбленной» предполагает, что она могла бы то поощрять, то отвергать его «до дня всеобщего крещения евреев». В любом случае, кажется, говорит поэт, это даст ему, истинно, годы (или эоны?) дабы отразить и восславить каждую часть её красоты. Марвелл описывается её как особое существо, достойное самого сильного сближения. Но лишь в последние времена она в конце концов «покажет своё сердце»¹⁸⁷.

«Я терпеливо был бы ждать готов
Ростка, ствола, цветенья и плодов.
Столетие ушло б на воспеванье
Очей; еще одно — на созерцанье
Чела; сто лет — на общий силуэт;
На груди — каждую! — по двести лет;
И вечность, коль простите святотатца,
Чтобы душою вашей любоваться.
Сударыня, вот краткий пересказ
Любви, достойной и меня и вас».

Марвелл был не один в своём видении неизбежности конца времён. Эта тема лежала в основе розенкрейцеровских манифестов и была предметом надежд и чаяний членов британского правительства столь

¹⁸⁷ Прим. перев.: в оригинале «And the last age should show your heart», в существующих переводах этот фрагмент не сохранён.

глубоко, что считается, что она являлась одним из неписанных компонентов воли Оливера Кромвеля при рассмотрении дела голландского раввина Менассе Бен Израэля, который, в 1655—56 склонил Кромвеля к тому, что правительство умудрилось даровать евреям возможность приехать в Британию из Амстердама спустя 350 лет изгнания.

Несмотря на существование вполне прагматических причин лишения голландцев некоторой экономической силы в пользу Британии, молчаливое (но не узаконенное) принятие евреев в Британию в 1656 вдохновило многих из тех, кто считал обращение евреев частью знака христового «тысячелетнего царства» на Земле — до или после Страшного Суда. Поэтому, хотя для возвращения евреев крещение и не было обязательным, само появление еврейства в Британии могло рассматриваться как знак неизбежного апокалипсиса, и эта концепция давала растущему Британскому влиянию в мире образ божественного предначертания: богоизбранная нация послужит историческим замыслом Бога. Эти замыслы базировались на пламенной мечте Св. Павла (Рим. 11) о том, что отделённые ветви евреев, отрицавших, что Иисус — Мессия, однажды увидят свет и будут снова привиты Богом к тому, что Павел считал христианским оливковым деревом, где все сыны Адама найдут спасение¹⁸⁸. Для энтузиастов-визионеров, Британия стала фокусом конца времён, играющим весьма серьёзную роль в божественной Книге Жизни. Эта концепция играет серьёзную роль в философии Британии Уильяма Блейка, как мы увидим позднее, где «Иерусалим» идентифицируется с невестой Альбиона — и, обращаясь к валентинианской эсхатологии, мы поймём, что следовало понимать под образом жениха-невесты для Альбиона и Иерусалима, обнимающих друг друга в Новой Эре духовной революции.

Пол Бембридж отмечает, что миллениаристский энтузиазм Марвелла просачивается в его поэму 1655 («Первая Годовщина Правительства под руководством О.К. (Оливера Кромвеля)»¹⁸⁹) года в виде правительственной пропаганды. Марвелл даёт Кромвелю роль в (алхимической) «Великой Работе», которая будет «вскармливать последний день», под которым подразумевается конец света.

¹⁸⁸ Марвелловские мысли о конце времён исследуются в работе Маргариты Стокер «Апокалиптический Марвелл» (Apocalyptic Marvell).

¹⁸⁹ The First Anniversary of the Government under O.C. (Oliver Cromwell).

«Уверен, тайная Работа, пред которой ничто не устоит,
Будет приведена к завершению под такой рукой:
Ускорившееся время сохранит свой бесполезный курс
И вскоре напитает последний день».

Снова перед нами тема ускоряющегося времени (я добавил *курсив*), перемен, нисходящих посредством высшего знания, тема доминирования над простыми природными процессами. Время спешит и требует решительных ответов. Однако, в согласии с наблюдением Джона Холла о том, что «вязкая материя препятствует / чистому изысканию», Марвелл и его компаньоны не обладали всей полнотой «сферического искусства» и не были совершенными адептами. Было место сомнению, как явствует из следующих строк из «Первой годовщины»:

«Однако толстое облако лежит на этом утре,
И задерживает взор смертных глаз,
И само большое, что мы можем определить,
Если эти времена придёт, тогда должны прийти и люди».

Бембридж, я уверен, всё же прав, говоря о возможности существования чего-то, называемого «Британским Розенкрейцтерством» в то время — оно поддерживалось Марвеллом, Холлом, Геншоу, Воганом, Чайльдом и Эшмоллом, основываясь на трудах Андрэа, Коменского и Хартлиба. По Бембриджу, британское розенкрейцтерство было «горячей смесью идей алхимии и неоплатонизма, пересекавшихся с миллениаризмом, что порождало политику «нового рассвета» среди «левых» в этот ключевой период истории Англии. Вот фон, на котором «К стыдливой возлюбленной» Марвелла читается лучше всего. На первый взгляд биографическая куртуазная поэма, при более глубоком анализе она оказывается наполнена призывом адептов к действию с целью ускорить золотой век, возможность достижения которого обладатель эзотерического зрения не мог отрицать»¹⁹⁰.

Чувствуя розенкрейцтерские веяния в правительстве 1650 года, те, кто ненавидел протекторат Кромвеля хватались за «розенкрейцтерскую» политическую мечту как за источник религиозной анархии,

¹⁹⁰ Электронное письмо Пола Бембриджа автору от 3 марта 2014 г.

который позволит искоренить традицию, характеризовавшую суету одиннадцатилетней чуждой формы правления. Правительству Кромвеля не удалось добиться поддержки страны и это стало поводом для усмешек, а что есть лучшая усмешка, как ни обвинение в играх с сомнительными алхимическими искусствами и вызывающей хаос розенкрейцеровской магией (сродни обвинениям «шестидесятых» или «хиппи» во множестве современных социальных проблем)?

В своей комедии «Characters», посвящённой Реставрации Стюартов, роялистский поэт Сэмьюэл Батлер (1613—1680) сделал своих «розенкрейцеров» образованным скотом и излил массу гниющего овощного материала на невидимых братьев, хотя и предполагает, что они ныне живут в высших «сферах», за то, что наделали массу ошибок в реформации правительства снизу. Они теперь:

«Проводят полную реформацию в небесном мире — они отремонтировали старые сферы, которые родились тонкими как паутина и привязали звёзды к ним отвёрткой, посредством которой их можно снять, и снова приделать — сколько влезет... Но их разум в высшем мире — ничто по сравнению с тем, что у них есть в низшем; у них есть прямая связь с бесами... По их совету супостаты недавно попробовали совершить реформацию правительства, то есть, привести всё к смятению, которое для них есть высший порядок»¹⁹¹.

С точки зрения Батлера, политика британских визионеров от власти отличалась отсутствием именно этой самой божественной Мудрости, к которой Марвелл явно обращал свои мольбы.

Не выходит ли так, что ошибкой Марвелла, если такова и имела место быть, было то, что он спутал мирской и духовный планы? Была ли его «стыдливая возлюбленная» на деле правительством Британии? Этимология подтверждает эту позицию. Хотя современные читатели и видят в слове «mistress» (англ. «coy mistress» — «стыдливая возлюбленная») образ женщины, возбуждающей эротический интерес у женатого мужчины, и потому она стыдлива, всё же имеет место быть расхождение в терминах — Английский словарь Др.-а Джонсона

¹⁹¹ Davies, Characters, 148—49.

(Том 2, 1766) приписывает слову *mistress* главным образом значение «хозяйки», и приводит в подтверждение цитату из Дж. Мильтона «sov'reign mistress», а также цитату из работы Бена Джонсона, елизаветинского сценариста: «Рим теперь правительница всего мира» («Rome now is mistress of the whole world»). Сэр Ричард Блэкмор называет лунный диск словом *mistress*. *Mistress*, говорит Др. Джонсон, есть женщина, которая правит «в отношении субъекта или слуги»: хозяйин женского пола. Мы можем думать и о коронованной Британии.

Что касается слова «соу» в Словаре Др.-а Джонсона (Том 1, 1785) говорится следующее: «1. Скромный, пристойный; 2. Замкнутый, недоступный, с трудом позволяющий себе фамильярность». Джонсон отмечает глагол «to соу» в значении «1. Вести себя сдержанно; отвергать фамильярность; 2. намеренно сторониться попустительства; создавать трудности». На этом основании мы присудим марвелловской *mistress* звание смешенной метафоры как следствие спутывания планов. Она оказывается и Британской Империей, его возлюбленной или властительницей, не знающей, какой следующий шаг предпринять, и Софией, Госпожой Мудростью, девственным духом, которая ещё, вероятно, покажет себя в управлении страной, преуспев в управлении собой, если «клубок» желаний сможет пошатнуть железные врата, блокирующие её яркий солярный приход. Конечно, даже при учёте словарного определения слова «*mistress*» Джонсона, София обладает некоторыми интересными контрастными особенностями в своём макияже. Она — управительница, требующая покорности, любимая и почитаемая женщина и, в конце концов, блудница и наложница. К этому моменту проницательный читатель должен понимать с ясностью, сколь близка Божественная мудрость к тому, чтобы быть «Правительницей мира», а иногда даже «К стыдливой возлюбленной», поэтому мы сможем теперь понять, насколько близко Марвелл подошёл к завоеванию её сердца.

ВРАТА НЕБЕС

Теперь мы должны вернуться к загадке Блейка из его эпической поэмы «Иерусалим». В отличие от Марвелла, Блейк даёт нам конкретный образ «клубка», сделанного из свитой золотой нити. Фронтиспис Иерусалима (1804 — ок. 1820) содержит образ молодого путника. Его левая рука касается открывающейся в сторону от него

арочной двери. Пишущие пальцы его правой руки, кажется, погружены в сияющий трёхмерный диск (неясно, сфера ли это; возможно, хотя более похоже на линзу, что предполагает видение).

Внимательно исследуя золотой шар, можно увидеть, что он соединён с рукой путника чёрной линией (вероятно, «концом» золотой струны), которая соединена с его телом или одеждой; Блейк считал тело плотским одеянием духа.

Можно, думаю, сравнить два скрещенных пальца в солнцевидном шаре с двумя распрямленными пальцами на известной картине Блейка «Ветхий Днями», где Блейк изображает приклонившегося на колено бородатого человека в образе бога, измеряющего пределы вселенной пальцами, распрямлёнными в виде циркуля. Я подозреваю, Блейк прямо противопоставляет пальцы полного надежды путника, позволившего себе быть ведомым явно самостоятельным шаром через тёмные врата (или чёрным ходом) в стене Иерусалима, металлическим пальцам фигуры Уризена или Разума. Считающая себя высшим Богом, фигура Уризена «Ветхого Днями» (измеримого временем) связывает вселенную, налагая границы на бесконечное, заставляя его проявляться вне человека, отделяя человека от духовной реальности. Золотой шар, с другой стороны (дословно) представляет бесконечное духовное воображение: истинный центр, антитезу царству Уризена, ад ложного бога: периметр. Путник направляется внутрь, где, как сказал Иисус, можно найти царствие небесное.

Шар является единственным источником света на этой картине, и в этом солнечном свете внимание путника приковано к чему-то, что мы не видим, что он, пройдя за дверь, видит, в темноте, освещённой лучами, эманирующими из золотого шара. Мы также видим, что у этой двери чёткие каменные границы. Пока одна нога путника всё ещё снаружи, другой он сделал определённый шаг вперёд, и она исчезает из виду с мирской перспективы внешнего наблюдателя (нас).

А что нить, из которого сделан клубок? Естественно предположить, что это знаменитая нить Ариадны, ведущая Тесея из лабиринта Минотавра в греческом мифе: тёмный лабиринт — это образ материального мира. Также можно вспомнить образ библейского Бога, «пишущего» своим пальцем. Врач и маг Парацельс (1484–1541), которого Блейк столь ценил, считал, что настоящий врач должен искать «божественные подписи» или знаки божественного сознания в Природе. Эти подписи указывают на Мудрость в её основном источнике: мельчайших следах

Логоса (Слова), рассеянных как семена сверкающего золота в тёмной шахте. Если кто смог обнаружить что-то важное в наблюдении за природой — например, тайное лекарственное свойство растения, и, через эмпатическое понимание, последовал туда, куда ведёт открытие (сутью эксперимента является опыт), ищущий найдёт золото здоровья и божественное благословение. Пользуясь образностью Блейка, если последуем за духовным золотом, скрытым Природой под слабостью нашего зрения, мы активируем то, что Блейк называет внутренним «поэтическим гением». Тогда мы вспомним, из чего мы на самом деле сотворены и где наш истинный дом: мы придём в госпожу, которую он зовёт «Иерусалим», ибо это она — невеста. Гностик, в конце концов, это тот, кто нашёл свой путь домой.

Проще говоря, пальцы путника держат золотые струны лиры Аполлона и играют в ключе Солнца: внешнего образа внутреннего Бога.

Врата Небес, сообщает нам Блейк, «встроены в стену Иерусалим». Нужно ли нам ехать на Восток, чтобы найти дверь небес? Нет, на самом деле Блейк говорит нам, что «Иерусалим» — «сестра» Альбиона, для которой закормленную, «сонную» Англию надо пробудить. По Блейку, не Возлюбленная (Mistress) является стыдливой, а «Альбион», Дух Англии, который во времена Блейка так и не смог достичь своей «эманации», своей божественной сизигии, своей Невесты, Иерусалим. Будучи несбалансированным, разобщающим архипатриархом, Альбион считает себя отдельным от Иерусалим, с которой он, на самом деле, соединён. Неспособность понять этот факт привела Альбиона к разрыву с Америкой, чей дух возжелал свободы. Страсть Альбиона не может быть удовлетворена земными дополнениями, ибо Она — краса превыше плоти и сердце его сердца. Но этого он не видит, ибо дух его расшатан узурпатором, Уризенном, ложным Богом: абстрактным Разумом, правителем периферийного и поверхностного.

Как и Марвелл, Блейк предвидит спасение страны и самого мира — в терминах Альбиона и Иерусалим (или Христа и Софии в классической гностической терминологии, а на Земле — духовно пере-рождённых мужчины и женщины). И, как и Марвелл с его миллениаристами, Блейк предвидит финальную *cosummatio* в Страшном Суде (имеется в виду воссоединение с Богом), видя знаки — такие как обращение евреев (то есть, возврат евреев в «Иерусалим» или к духовной

свободе) — в терминах эротической, оргастической самоотдачи через усмирение гордыни и устранение разделённости.

В апокалиптическом творении Блейка «Ночь Девятого», являющемся частью неопубликованной духовной эпопеи «Четыре Зоа», правосудие — это знак возвращения в Центр:

«Пошатнулись троны Королей, Они потеряли
свои облачения и короны
Беднота сокрушает своих поработителей,
они просыпаются ради урожая».

Словно эхо библейского пророчества Иоанна Крестителя, великий день Блейка происходит, когда Человек возвращается к «себе», то есть к Богу: понимает, что он един с бесконечным и свободен от ложного бога. Тогда и только тогда неадекватные и поработцающие религии потеряют свою хватку на реинтегрированном духовном сознании Человека, включённом в его возможности, единого со своим источником, где Мужское и Женское суть часть единой динамичной жизни Бога, где духовная реальность вскрывает ошибки материальности как безнадёжной имитации, где жив дух, а не сон, где простые удовольствия стали бесконечной радостью, в состоянии единства:

«Так мужчина и женщина станут жить жизнью вечной,
Ведь Агнец Божий создает себе невесту и жену,
Чтобы мы, его дети, навеки могли б жить в Иерусалим,
Которая ныне спускается с небес, Граде, даже Женщине,
Матери мириад спасённых и рождённых в её духовных палатах —
Новой духовной жизнью, возрождённой от смерти».

Город, даже Женщина... Заметьте, «приведёт тебя к вратам небес, встроенных в стену Иерусалим».

Город — потому что мы можем жить в Ней; женщина, потому что некоторые могут Её знать, или по-настоящему знают Её: Она, мудрость Божия в женщине, чтобы любить её и обнимать, как Она любит и отдаёт себя свободно, искренне, будучи вечно чистой для тех, кто чист сердцем.

Да, вы это уже слышали. Речь о сексе, не правда ли? Ну, наверное, не том сексе, который нам известен, но о чём-то более великом, что может возвысить сам секс из потёмков современного мира, вознести нас в небеса, к Новой Иерусалим.

ЧТО ТЫ СЧИТАЕШЬ РАЙСКИМ САДОМ, Я НАЗОВУ КРОМЕШНЫМ АДОМ

Как и Марвелл, Блейк считал, что «Последние Дни» это то, что ясно существует (имманентно) и временно является грядущим (неотвратимо). Блейк принял доктрину Эммануэля Сведенборга о том, что Последние Дни были начаты на небесах в 1757 году, году рождения Блейка. Кризисы на Земле отразили духовную революцию — небесную и внутреннюю. Поэма Марвелла предыдущего столетия содержала образность сексуального соединения с Господней Мудростью, нацеленного на разрушение «железных врат жизни» и не вызывает сомнения, что Блейк считал божественную сексуальную свободу ключевой центральной характеристикой Нового Века; этот принцип был весьма противен его современнику, платонику Томасу Тейлору (1758—1835), с точки зрения которого любовь, выраженная в плотской страсти — антиплатоническая мерзость.

В 1790 Флетчер Кристиан захватил в ходе мятежа королевский корабль Баунти в Южных Морях, в то время как ближе к дому в полном разгаре была Французская революция со всеми её жертвами. Блейк объявил в своей острой и пламенной работе «Бракосочетание Рая и Ада»: «С наступлением Нового Рая — а минуло с тех пор тридцать лет и три года — возродился и Вечный Ад. И вот теперь — взгляните-ка! — Сведенборг стал тем ангелом, что сидит у камня могильного, и писания его — свернутые одеяния тонкие. Пришла пора для царствия Едома и возвращения Адама в Рай».

Новая заря приносит новое переосмысление. Противоположности, такие как Разум и Энергия, называемые церквями добром и злом или небесами и адом, Блейком объявлены необходимыми для человеческого существования. Противоположности творят прогресс; они должны правильно сочетаться друг с другом в плодотворном соитии. Страсть, преисполненная энтузиазма — необходима, чтобы всё менялось. Вероятно, с оглядкой на шокирующие новости о мятеже в южных морях, Блейк произносит такие известные слова: «В похоти козла — щедрость¹⁹² Божья». Духовный и физический миры, ложно принятые за врагов друг друга, на самом деле работают в одной

¹⁹² Прим. перев.: англ. bounty.

динамической связке: то, что кажется «извне» на самом деле находится в этом *ipus mundus* (едином мире).

Чтобы понять, что на самом деле происходит с миром (или, лучше сказать, проходит через мир) в тексте произведения «Бракосочетание Рая и Ада», следует обратиться к Книге Исаии, 34 и 35 главам: «Ибо день мщениия у Господа, год возмездия за Сион [Иерусалим]» (Ис. 34:8).

Смотрите! Уничтожение дворянства в ходе Французской революции предсказано: «Никого не останется там из знатных ее, кого можно было бы призвать на царство, и все князья ее будут ничто» (Ис. 34:12). А с падением дворянства и монархии, Британия («остров») станет местом, где встретятся «дикие звери»: «И зарастут дворцы ее [Франции?] колючими растениями, крапивою и репейником — твердыни ее; и будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов. И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками, и лешие будут перекликаться один с другим; там будет отдыхать ночное привидение и находить себе покой» (Ис. 34:13–14). Островная Британия — то место, где будет построен Новый Иерусалим: «И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся» (Ис. 35:10).

Что Блейк имел в виду, говоря «Пришла пора для царствия Едома?»

В 34 главе Книги Исаии объявляется о суде убиением, который падёт на Идумею, другое имя библейского Эдома (что значит «красный»). Эдом связан с сыном Исаака Исавом, который, рождённый целиком красным, продал своё наследство за тарелку «красной каши» и ушёл жить в Эдом (откуда родом царь Ирод): «Ибо упился меч Мой на небесах: вот, для суда нисходит он на Едом и на народ, преданный Мною заклятию» (Ис. 34:5).

Еврейские комментаторы дошли до того, что идентифицируют Эдом и Вавилон (в котором еврей находились в плену), а далее — с христианством. То есть Эдом — мир гоим. Но Эдом это ещё и Адам (чьё имя значит «красная земля»), который вернулся в Рай; а Эдом это пустыня, где, после свершения суда, «пробились воды». Где раньше были драконы, Эдом «будет местом для тростника и камыша» (Ис. 35:7).

В зелёной Англии родной...

«Царство Эдома» имело и некоторые особенные коннотации во времена Блейка. Скоро мы поймём, как обращение евреев связано с сексуальной революцией и кульминацией истории.

Яков Франк (1726—1791) объявил себя последователем еврейского псевдо-мессии Шабтая Цви (1626 — ок.1676). Он (Франк) поразил польских католических лидеров 1750-х своим интересом к каббалистическим текстам, Зоару («Книге Сияния»), книге, которая, по мнению Франка, разрешала Троицу авторитетом Талмуда, поддерживая воссоединение многих евреев-последователей Франка с церковью.

Вапокалиптический 1757 год (год рождения Блейка) дебаты между талмудистами и их противниками, или «Зоаристами» была возглавлена епископом Каменец-Подольского. Принимая во внимание тот факт, что анти-талмудисты выиграли спор, Яков Франк появился в Ивании, в Польше, объявив, как последователь Цви, что он получает сообщения с небес. Католические и протестантские лидеры проявили интерес к принятию евреев в свои общины. В Лондоне Моравская церковь (к членам которой относилась и мать Блейка до второй своей свадьбы — с отцом Блейка) внимательно следила за драматическими и апокалиптически знаковыми событиями в Польше.

Ко времени, когда Блейк завершил «Бракосочетание Рая и Ада» (1793), в Польше были крещены более 26 000 евреев. Франк призвал своих последователей принять «религию Эдома» (христианство), что должно было стать шагом к религии, которую он называл «дас», что значит «знание», или, иначе говоря, *гнозис*. Считая себя свободными от Закона раввинистического иудаизма, рассчитывая на духовный путь по «большой дороге» в искупленном Эдоме (Ис.35:8-9 «И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым»), они приняли путь, отличающийся любовью, песней, радостью и счастьем и, что примечательно, нерепрессивным отношением к человеческому телу, используя его энергии для восхождения к небесам. Идея сексуальной религии во служении Святому Духу была чрезвычайно примечательной.

Это — трансформированный «Эдом», очищенный небесным мечом («Незримый меч всегда со мной»¹⁹³ / «nor shall my sword sleep in my hand», как сказано в знаменитом гимне «Иерусалим»), который воспевает Блейк в «Бракосочетании Рая и Ада», бракосочетании, ставшем возможным путём соединения противоположностей по божественной воле, ибо природа Бога безгранична. Вот что пишет Блейк в «Бракосочетании»:

¹⁹³ Прим. перев.: перевод Маршака.

«Ибо херувиму, стоящему с пылающим мечом на страже у Древа Жизни, будет велено, согласно предвещенному, оставить свой пост, и, когда он выполнит данное ему повеление, весь этот конечный и грешный мир испепелится в огне, пережившись в нечто бесконечное и священное.

И произойти это может тогда, когда человеческая способность к чувственным наслаждениям разовьется сверх всякой меры.

Но прежде из умов людей будет изгнано ложное представление о том, будто плоть отделена от души, и добиться этого я смогу с помощью inferнального метода вытравливания, применение коего в Аду дает исключительно благотворный и целебный эффект, ибо поверхностный слой исчезает и открывается спрятанная за ним бесконечность.

Если бы каналы, через кои наши чувства воспринимают окружающий мир, были расчищены, то все сущее предстало бы перед человеком в своем истинном виде, то есть как бесконечная субстанция.

А пока что человек уходит в себя все глубже и глубже, и весь сущий мир он может видеть лишь сквозь узкие щели в своей пещере».

Новый Век требует двух ясных знаков: принятия евреями Христа и сексуальной революции в сплавлении двух фундаментально противящихся сексу религиозных доктрин, основанных на дуализме тела и души. Новый рай и новая Земля произойдут от совершенствования чувственного наслаждения.

В этом потребность есть и была всегда.

Везде, где мужчины готовы реагировать агрессивно на окружающие обстоятельства жизни, мы встречаем репрессию женщин и отрицающую секс, и табуирующую культуру. Мизогиния лежит в корне многих психозов, приводящих к убийствам, вместе с вечным абсолютистским разделением женщин на «чистых» и «шлюх»; плодородная, дикая — конечно же является и той, и другой.

Полное восстановление человечества (*apocatastasis*) требует того, чтобы отношение между душой и телом были правильно поняты. «Бракосочетание Рая и Ада» Блейка даёт подсказку: «Плоть человека невозможно отделить от его Души, ибо то, что считается Плотью, на самом деле представляет собой часть Души, но воспринимается

как Плоть теми пятью органами чувств, которые для современного человека являются главными входными каналами для Души». То, что мы зовём телом это душа, обогащённая пятью чувствами.

Замечательно.

Обладают ли чувства психологической или физической природой?

Согласно Блейку и «золотой нити» традиции, которой он следует, разум творит чувственную природу материального бытия. Чувственное бытие можно возвышать до тех пор, пока чувства не укоренятся в высших сферах, пока всё «сущее» не «предстало бы перед человеком в своем истинном виде, то есть как бесконечная субстанция».

Блейк призывал евреев своего времени признать собственную эзотерическую традицию: каббалистическую доктрину Адама Кадмона, изначального образа Человека (гностический *Anthrōpos* или *Rhōs* = Свет), образ Бога, Человек, который содержит вселенную в себе. Блейк помещает этот образ в Альбион, отождествляя его с «Иисусом Воображения», ибо воображение связывает нас с Плеромой посредством музыки, поэзии и рисования: вместе они составляют «золотую нить», вибрирующую сексуальными энергиями Мудрости. Блейк адресует свой призыв также и христианам, поскольку считает, что церковь поклоняется ложному богу и игнорирует правду, прокляв радость секса.

В разрозненных стихах вероятно незавершённой поэмы «Вечно-сущее Евангелие», сочинённой во втором десятилетии XIX столетия, Блейк призывает христиан, которые, не зная сами себя, отреклись и от Иисуса:

«Христос, которого я чту,
Враждебен твоему Христу.
С горбатым носом твой Христос,
А мой, как я, слегка курнос.
Твой — друг всем людям без различья,
А мой слепым читает притчи.
Что ты считаешь райским садом,
Я назову кромешным адом».

«Горбатый нос» может быть отсылкой к Графу Веллингтону, победителю при Ватерлоо (1815), знаменитому своим огромным

шнобелем (одним из его прозвищ было что-то вроде «старый крючок»), который однажды сказал следующие слова: «Учите людей без религии и из них не выйдет ничего кроме умных дьяволов» — конечно же, Блейк был против подобной позиции, особенно поскольку в его времена то, что дети получали от церкви менее всего помогало им раскрыть свои сердца, а в большей части несло им страх. И обратите внимание на последние приведённые строки: «Что ты считаешь райским садом, я назову кромешным адом». Не слышен ли тут отголосок марвелловской идеи о «железных вратах жизни» (Вратах Рака, где души входят в материальный космос и забывают свои духовные корни)? Путём простой инверсии также можем вывести и «что ты считаешь кромешным адом, я считаю райским садом», поскольку Ад и Рай едины в видении Блейка: они сочетались браком. «Все, что живо, Священно» говорит Блейк-Пророк. Если Врата Рая — это добродетельное послушание законам Моисея, подчинение рассудку, проклятие тела, тогда они суть Врата Ада, призывающие свою противоположность, «Энергию», которая есть «Вечное Наслаждение». И если вагина и пенис объявляются грешными и грязными, тогда они суть истинные символы божественного, вечного наслаждения и к ним должно относиться соответственно.

И так же золотая нить, сплетённая в клубок, ведёт нас во Врата Небес, встроенных в стену Иерусалима. Ибо «Иерусалим — это Град, жена» и в её стене или поверхности есть проход. Она несёт ключи от царства и её утроба — Врата Рая для духовно свободных. Игнорировать Её — спать сном смертным; войти в Неё — обнаружить Бога.

Золотой Клубок будет вести нас, если мы ему позволим. Это суть истинной Духовной Революции, которая, по своей глубинной природе, включает всё и каждого из нас, живущих. И клубок по сию пору вращается, изливая свои лучи во тьму.

**ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
СО МНОЖЕСТВОМ
ГРАНЕЙ:**

● Ежемесячно
обновляемый
эксклюзивными
переводами
сайт
WWW.CASTALIA.RU

● Еженедельно
собирающийся
КЛУБ КАСТАЛИЯ,
где читаются лекции
о самых разных
эзотерических
и психологических
традициях

● **ШКОЛА КАСТАЛИЯ,**
регулярно проводящая
открытые обучающие
лекции
и семинары

**МЫ БУДЕМ РАДЫ
ОБЩЕНИЮ
СО ВСЕМИ
ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ
ЛЮДЬМИ!**